

№ 7

2012

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ**
(г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Проза

В. Шалаев. <i>Фантомные дали... другого берега. Почти жестокая повесть (продолжение).....</i>	3
В. Куземко. <i>Менты в законе. Из записок районного опера ...</i>	43
А. Убаськин. <i>Первая победа. Рассказ</i>	60

Поэзия

В. Гундарев. <i>«Я брал слова у неба и земли...». Стихи</i>	30
Н. Переяслов. <i>Находка. Романтическая поэма</i>	55
С. Вуканович. <i>«В цветке я угадаю тайну звука...». Стихи</i>	66

Наш общий дом

С. Жагипаров. <i>Надёжный щит Отчизны</i>	71
--	-----------

Культура. Общество. Личность

80-летию Роберта Рождественского

О. Григорьева. <i>«Жил я впервые на этой земле...»</i>	82
---	-----------

© «Нива», 2012, Астана

Документальная проза

И. Стругова. Архипелаг Гудлак 94

Занимательное языкознание

В. Киянский. Евразии лик в общих звуках. *Казахско-русский ассоциативный словарь (продолжение)* 122

Критика и литературоведение

Н. Мельникова. Главный герой — Время. *По прочтении дневников Юрия Поминова* 136

Искусство

Ч. Ташенов. Фотолетопись Синегорья 143

Краеведение

У. Шалекенов. Так где был город Баласагун? *Проблемы археологической науки Казахстана* 145

Далёкое — близкое

Р. Бикмухаметова. Свет шестидесятых 161

Приключения. Детектив. Фантастика

Н. Шмигалёв. Почти как три богатыря. *Волшебно-приключенческая сказка (продолжение)* 164

Сатира и юмор

М. Юсин. Эпиграммы 189

Изоальбом «Нивы»: из фоторабот Владислава Холина. На первой странице обложки — «Фонтан на площади Абылай-хана. г. Кокшетау. Лето, 2009 г.».

К сведению читателей

В мае 2012 года сайты нашего журнала **www.niva-kz.narod.ru** и **www.niva.ucoz.kz** посетили 4000 читателей из 26 стран: 2164 из них — жители Казахстана, 1076 — россияне. Остальные представляют Германию (245), Украину (54), Белоруссию (42), США, Исландию, Польшу, Португалию, Южную Корею, Китай, Канаду, Азербайджан, Францию, Бельгию, Грузию, Эстонию, Чехию, Кипр, Швейцарию, Чили, Данию, Испанию, Финляндию, Великобританию, Узбекистан.

Виктор ШАЛАЕВ

Фантомные дали... другого берега

Почти жестокая повесть

(Продолжение. Начало в №№ 4-6 за 2012 год)

Актёрская биржа

Биржа – не совсем точное название для того действия, которое разворачивалось на территории московского Дома культуры «Буревестник». Скорее это был рынок, базар, барахолка, где покупался и продавался залежалый, а иногда и свежий, человеческого вида «актёрский товар».

Довольно широкая лестница вела с улицы к высоким дверям, перед которыми находилась обширная площадка, которую он когда-то назвал «поцелуйной».

В начале августа, когда большинство периферийных театров уходило в отпуск, этот Дом культуры арендовало Всесоюзное театральное общество для организации центра по трудоустройству творческого контингента. Актёры, желающие сменить театр или место жительства, слетались сюда как мухи на мёд. Но многие приезжали просто так, желая увидеть старых сослуживцев, обняться и поделиться новостями, накопившимися за год разлуки.

На «поцелуйной площадке» только и слышалось:

– Ну, мать... ты даёшь! Ещё лучше стала! Ну ничуть не постарела (Чмок, чмок, чмок).

– Сыграла Офелию в Ирбите... Зритель в обмороке! Завалили цветами! (Чмок, чмок, чмок).

– И не сомневаюсь! Тебе ведь в прошлом году было сорок пять... Да? А ты и сейчас выглядишь не больше чем на тридцать! (Чмок, чмок, чмок).

Басили поставленными голосами мужики. Так же громко чмокались, хлопая друг друга по плечам, выпячивали груди и втягивали животы при виде импозантно одетых, солидных людей с портфелями в руках, которые, по всей вероятности, были режиссёрами или директорами.

За дверями находился большой стенд со списком вакансий в театрах на необъятном просторе страны. Здесь при желании можно было устроиться в любой небольшой театр от Прибалтики до Дальнего Востока. Большие театры здесь не пополнялись. В них практиковалась рекомендательная и конкурсная комплектация коллектива. Но иногда... иногда и здесь появлялись периферийные мэтры.

Далее за столиками сидели, сговариваясь, продавцы и покупатели. Тут «товар» предлагал и рекламировал себя сам. На столах, на цветных картонках красовались надписи: Сов. Гавань, Тобольск, Арзамас, Котлас... Диалог между покупателем и отдающими себя во временное пользование новизной не отличался и повторялся с небольшими вариациями каждый год.

– Я артист высшей категории! Меня комната не устраивает. Я в Бугуруслане Гамлета играл! На мне репертуар держался!

– Поеду! Уговорили! Но прибавка через две категории! Я же из центра, из Рыбинска к вам на край Ойкумены еду!

– Если возьмёте, не пожалеете... Я уже полгода не пью...

– Я на всё готова... Конечно, у нас взрослый разговор... Сколько?.. Мне двадцать! Сегодня вечером? В гостинице? А какой монолог мне вам прочитать? Я подготовлюсь... Лишь бы у вас работать... Я так мечтала! Хорошо, в десять. Номер 325? Конечно же, буду...

Уже под вечер, когда аромат духов «Красная Москва» и дешёвого мужского одеколona начинал перебивать стойкий сивушный запах портвейна и водки, употребляемых господами актёрами «за встречу», к Григорию подошёл пожилой человек с потёртой кожаной папкой для бумаг. Негромким, тусклым голосом произнёс:

– Устраиваться приехали или как?

Этот человек не вызвал у Григория никакого доверия. Скорее даже настороженность. Одет он был довольно странно. Костюм сидел мешковато, лицо выглядело уставшим, и только в маленьких глазках, прячущихся под кустистыми бровями, просматривалась колючая ирония... Но больше всего удивляло другое. На улице стояла жара, градусов тридцать, а под пиджаком у спрашивающего был толстенный вязаный шерстяной свитер.

– Да нет, мы так, проездом, – ответил Григорий и взял под руку жену, показывая всем видом, что им пора уходить.

– А может, поработаете у меня? Вы, молодой человек, меня заинтересовали. И вы тоже, – обратился странный человек к Людмиле. – По-моему, вы хорошая пара.

– Пара мы действительно хорошая, – засмеялся Григорий. – Только вот куда вы нас приглашаете? Говорю сразу, в Котлас, Бугульму или ещё раз в Урюпинск мы не поедём!

– В Тюмень. Надеюсь, слышали о таком городе. Я – Плавинский.

От растерянности Григорий, как на «автомате», произнёс:

– Тюмень – столица деревень... – и смутился под насмешливым взглядом.

Конечно же, он слышал и о Тюмени, и о Плавинском, и о директоре этого театра Калугине. Попасть к ним считалось удачей. Именно этим летом театр успешно провёл отчётные гастроли в Москве и получил хорошую прессу. О причине некоторых странностей главного режиссёра он тоже был наслышан от актёров, ранее с ним работавших.

Говорили, что Плавинский во время войны попал в плен и был отправлен немцами в лагерь военнопленных в Норвегию. Это был особый лагерь. Заключение работали на заводе по получению «тяжёлой воды» для изготовления компонентов атомной бомбы для вермахта. Правда это было или нет, но якобы с тех пор Плавинский страдал от озноба, даже если вокруг стояла знойная жара. И вот теперь этот известный в театральных кругах режиссёр делал им предложение!

Сговорились быстро. В тот же вечер в Самарканд ушла телеграмма с заявлением об увольнении в связи с переходом на работу в другой театр.

Тюмень встретила промозглой осенью и однокомнатной квартирой. Это действительно была столица деревень. «Хрущёвские» блочные дома сочетались со «сталинскими» кирпичными тяжеловесами и неожиданно возникавшими среди них срубами деревянных домов. Рядом с ними, как монстры, выделялись серым бетоном громадные, неуклюжие здания, остеклённые по фасадам, с разнообразными вывесками «Тюменьнефтегаза». Возникало ощущение хаотичности застройки и в то же время предощущение будущего потенциала нефтяного центра.

Здание театра располагалось рядом с городским парком, практически в старом центре города, и было неинтересным по архитектуре. Когда-то в этом здании располагались то ли соляные, то ли мучные склады, впоследствии переделанные под театр. Фойе, гримёрки, сценическое оборудование были убогими. Актёрский зал непропорционально вытянут, левую стену его «украшали» запасные двери, обитые утеплителем и поглотителем шума, так как выходили на дорогу, по которой постоянно шли машины. Имелся небольшой балкон, неуклюже нависавший над оконечностью зрительного зала. Возникало стойкое ощущение большого сельского Дома культуры, если бы не фотографии артистов в фойе и большая карта гастрольных маршрутов по Союзу, на которой были отмечены почти все крупнейшие города, где театр показывал своё искусство.

А вот артисты были замечательные.

Город театр любил. Зал зачастую был заполнен до отказа. На сцене царствовали артисты, составлявшие гордость тогдашней труппы. Народный артист Дьяконов-Дьяченко, колоритный, с крупными чертами лица. Ирина Аркадьева, способная создать образ и простой русской крестьянки из глубинки, и женщины царских кровей, обуреваемой страстями, например, Федры из одноимённой пьесы Расина.

Из молодых обращала на себя внимание талантливейшая Наташа Зубкова, всегда нацеленная на успех, Маргарита Кудина, Михаил Гасенгер, Вовка Орёл, Толик Бузинский ... Григорий внезапно почувствовал, что листать этот виртуальный фотоальбом становится утомительно. Где они сейчас, в этот день, когда он лежит на «голгофе»? Живы ли? А если живы, то как сложились их периферийные судьбы? Хотелось вспомнить что-нибудь весёленькое из эпизодов бурной театральной жизни той поры, но ничего не получалось. Хотя нет, один розыгрыш вспомнился и вызвал улыбку на его мрачноватом лице.

Это произошло перед началом спектакля и было, честно говоря, хулиганством со стороны нескольких молодых актёров, решившихся на своеобразную месть своему товарищу, которого невзлюбили за кляузы начальству и постоянные доносы.

Он был человеком выпивающим и частенько приходил на спектакль с глубокого похмелья, воняя на всю гримёрку смесью чеснока и мускатного ореха. Но актёру это сходило с рук, так как человеком он был **НУЖНЫМ** и неприкасаемым. Он мог являться в театр за пять минут до начала, чуть

ли не к третьему звонку. Быстро, по-армейски, переодевался в костюм персонажа пьесы, выдвигал ящичек гримёрного столика, открывал коробку грима, размазывал по лицу «общий тон», пудрился и бежал на сцену. Этим дефицитом времени и воспользовались шутники.

Мужских гримёрок в театре было несколько. Они разделялись тонкими фанерными перегородками, к которым были поставлены гримировочные столы. За час до спектакля шутники проделали из соседней гримёрки в стенке и задней части его столика отверстие, пропустили туда леску, закрепив её гвоздиком на задней планке выдвижного ящичка. В гримировальную коробку вместо тонального крема положили то, что в народе называют «детской неожиданностью», и стали ждать появления своего «терпицы».

Очевидно, похмельный синдром в этот вечер у разыгрываемого был особенно тяжёл. Пришёл он необычно рано, минут за десять до начала. Тяжело дыша, переоделся, сел перед зеркалом, разгладил своё помятое лицо и, не торопясь, потянул на себя ящичек. Потом, посмотрев на часы, открыл гримёрную коробку и потянулся пальцем к тональному крему. И тут ящичек медленно, словно кто-то сказал: «Сезам, закройся», втянулся в глубь стола.

Некоторое время из гримёрки не доносилось ни звука. Потом снова послышался шорох выдвигаемого ящичка. И вновь, как только палец актёра потянулся к тональному крему, ящичек вернулся на своё место.

Раздалось что-то похожее на стон, потом послышалось бормотание актёра:

– Допился... Крыша едет...

Он вышел в коридор, заглянул в соседнюю гримёрку. Все сосредоточенно гримировались.

– Ребята, у вас тут... ничего необычного не происходило?

Раздался третий звонок. В динамиках прозвучал голос помощника режиссёра: «Три звонка! Три звонка! Актёры, занятые в первой картине, на сцену».

– Что здесь может быть необычного? – ответил один из артистов. – Спектакль начинается, а ты ещё не гримировался. Хоть бы запудрился! Весь от пота блестяешь. Через минуту выход на сцену.

Тот снова бросился в гримёрку, открыл ящик и окунул палец туда, где должен был находиться тональный крем. И тут же ящик с невероятной скоростью захлопнулся.

– Ну, бля! – на весь театр раздался крик. – Я тебе, бля!

Одной рукой выдвинув ящик и уже не отпуская его, он начал всеми пальцами намазывать то, что должно было быть тональным кремом на лицо, подвывая и приговаривая:

– Хрен тебе! Я по фазе не сдвинулся! Что это? Это же... дерьмо! Нет, точно сдвинулся! Не буду больше пить... Мама! Мамочка... Это же... дерьмо!!!

Трезвонили звонки. Звучал в репродукторах возмущённый голос помрежа. Бились в конвульсиях смеха участники жестокого шоу... Герой розыгрыша с выпученными сумасшедшими глазами бежал на сцену, распространяя вокруг себя запах чеснока, муската и «детской неожиданности».

Виновников розыгрыша почему-то искать не стали, а через неделю доносчик написал заявление об увольнении.

Григорий буквально выдавливал из памяти эпизоды театральных будней и праздников тюменской эпопеи, но стройной картины воспоминаний тех лет, увы, не получалось.

Зато вспоминались давки в магазине за дешёвым вином, траур в городе по случаю отравления сотен тюменцев метиловым спиртом, оставленным без присмотра в цистерне на железнодорожных путях рядом с вокзалом.

Вспоминалась воняющая дрожжами молочная фляга, почти всегда наполненная «гуляющей» брагой, из которой по ночам гнали самогон...

Самогон гнали многие. На рестораны у периферийных актёров денег обычно не было. А праздников в осенние или зимние вечера ох как хотелось. И не тех, что на сцене, а таких же, как у парней, что приезжали с вахты, с буровых Сургута или Нижневартовска. Те денег не считали, бросали официанткам пачками и, казалось, совсем не знали им счёта.

В Тюмени Григорий впервые в жизни попал в вытрезвитель после обильного возлияния по случаю рождения сына.

Он вспомнил, как это было. Окно роддома, где лежала жена, несколько часов назад подарившая ему наследника, находилось на первом этаже. Григорий стоял на придвинутом к стене камне, пытался заглянуть в окно и орал, как оглашённый, на всю улицу: «Людка! Я люблю тебя!».

Незнакомая женщина с вываливающимися из халата грудями, наполненными молоком, отвечала со смехом: «Она тебя тоже!». И он, пьяный и счастливый, продолжал орать ещё громче, пока не упал с камня и не заснул прямо на декабрьском снегу. Там и подобрал его наряд милиции. В вытрезвителе к нему отнеслись гуманно и на работу ничего не сообщили.

У театра была особая гордость – театральная дача. Располагалась она километров в пятнадцать от города в сосновом бору, на берегу озера. Добираться до неё было удобно. Рядом находился профсоюзный дом отдыха, куда ходил рейсовый автобус. Дача была двухэтажной, имела семь комнат на две койки, бильярдную и небольшой уютный банкетный зал, куда актёрам вход был заказан. Две смежные комнаты в конце первого этажа отводились директору театра и открывались только по случаю его появления с женой.

Дачу посещали высокие гости из столицы или видные заезжие режиссёры, или особые друзья театра из числа нужных людей. Их угощали парным молоком от коровы, которую держал сторож.

Семья сторожа проживала в отдельном домике, также принадлежащем театру. Его жена, молодая красивая украинка, работала кастиеляншей и прачкой. К услугам гостей была ещё и деревенская банька, которую

готовил к приезду особых гостей глава семьи. На даче имелись небольшая кухня, набор посуды, колодец со студёной водой и моторная лодка, на которой при желании можно было прокатиться по озеру.

Театральная судьба Григория и его жены в Тюмени не то чтобы не сложилась, но оказалась немного бледней, чем до этого, в Самарканде. Он получал и играл главные роли, но это были пьесы второго эшелона. А может, у него тогда была слишком завышена самооценка? Ведь трудно назвать роли Ипполита в *Федре* или Фёдора в *«Барабанщице»* проходными.

Но ему казалось, что его талант недооценивают, что лучшие роли отдают артистам, которые пришли в театр раньше. Его изнуряла постоянная зависть, особенно когда решался вопрос о повышении актёрских окладов и он оказывался на категорию ниже, чем его более удачливые сослуживцы.

Это могло продолжаться сколько угодно, если бы не отъезд в другой театр на должность «главного» Сергея Чулкова, служившего очередным режиссёром в Тюмени. Он принял областной театр в соседней республике и засыпал Григория телеграммами с обещанием всяческих благ. Так семья оказалась в Степнолеске.

На многие годы

Григорий закрыл глаза и стал звать «зелёного». Тот не появлялся. И только вдали слышался звук, похожий на стрекотание, зовущий в переулки сознания. Вот он усилился и перешёл в рокот, ревущий рокот мотора. Григорий увидел себя и Людмилу в пассажирском кресле самолёта «Ан-2», называемого в народе «кукурузником». Они подлетали к городу, в котором, как оказалось впоследствии, предстояло прожить большую часть жизни. Вещи были отправлены контейнером по железной дороге, сами же они с двухлетним сыном прибывали налегке.

Город оказался небольшим, но очень уютным. Центральная пешеходная улица, тянувшаяся через весь город, была застроена одноэтажными и двухэтажными домами, которые несли в своём архитектурном облике черты старинного купеческого, и называлась именем вождя пролетарской революции. Она начиналась от железной дороги, ровно, словно по линейке, пересекала город и упиралась в большое современное здание русского драматического театра, построенное по типовым проектам дворцов культуры начала семидесятых годов. Театр носил имя автора, драматурга, создателя «Ленинианы», органично и идеологично ставя точку в окончании улицы Ленина.

Так тогда казалось Григорию... Это потом, много лет позднее, он понял сакральный смысл данного сочетания улицы и названий.

Дело в том, что театр был построен на месте снесённого в тридцатые годы Вознесенского собора, от которого начинался в прежние времена Вознесенский проспект, впоследствии переименованный. Были вокруг собора и захоронения, на которые власти не обращали внимания... «Подумаешь, потревожим чьи-то кости...». Но, как оказалось, потревожили нечто большее.

Итак, улица Ленина брала начало от театра с именем создателя пьес о Ленине и заканчивалась... на рельсах железнодорожных путей.

Театр восьмидесятых являлся средоточием культуры и, несмотря на то, что в городе были ещё два шикарных дворца культуры и областная филармония, пользовался особым вниманием руководства.

Область славилась сельским хозяйством и обеспечивала огромную часть страны зерном и мясом. Тушёнку с маркировкой Степнолесского мясокомбината можно было увидеть на полках магазинов от Москвы до Магадана. Особые сорта деликатесных мясных консервов изготавливались на экспорт.

У области и города было славное целинное прошлое. Память о первоцелинниках оберегалась, история о первопроходцах хранилась не только в музейных экспонатах, но и характерах, в душах тех, кто посвятил свою судьбу этой земле, суровой, как Сибирь, и ветреной, как степные просторы. Приветливость и открытость была главной чертой жителей этого региона, впитавшего, независимо от национальности, главный закон казахской земли – всегда усадить у своего очага гостя, заблудившегося в бурной степи.

В городе имелась промышленность. Правда промышленность была особого рода, изделия её не рекламировались. И, несмотря на то, что там, за «бугром», были прекрасно осведомлены о продукции трёх ведущих заводов, в городе предпочитали о ней не говорить. А «изделия» были более чем серьёзные. Ракеты СС-20, управляемые морские мины и торпеды, радиоэлектроника для кораблей и самолётов. На всё это страной отпускались огромные деньги, из которых руководители предприятий, выпускавших для вида радиоприёмники «Казахстан», тракторные тележки и сенокосилки, щедро выделяли суммы на развитие города.

Благодаря этим высокотехнологичным предприятиям, в городе проживало много интеллигенции, имелось два вуза (педагогический и политехнический), множество техникумов и профессиональных училищ. Всё это создавало ту среду, которая делала театр в городе востребованным.

Как сказал какой-то писатель: «Если в населённом пункте нет театра, то он не имеет права называться городом. Он должен называться «населённым пунктом».

Театр находился на творческом подъёме. Оба руководителя молоды и амбициозны. Труппа профессиональна. Большая часть актёров – выпускники столичных вузов и престижных театральных училищ. Но были и необученные самородки, такие, как нар. арт. Арчибасов и нар. арт. Кучина. Обучала их в своё время местная театральная студия, и их увлечённость театром, помноженная на талант, дала свои плоды. Они стали заметны не только в области и республике, но и за пределами.

Приближался юбилей – 100-летие со дня основания театральной профессиональной труппы в городе Степнолеске. В репертуаре – шедевры мировой классики: «Мария Стюарт» Шиллера, «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина, «Кошка на раскалённой крыше» Уильямса. Они мирно

сосуществовали с перлами современной советской драматургии и национальной драматургии республики, ежегодно появлявшимися на сцене русского театра.

Жизнь закрутилась, завертелась, наполнилась новыми ролями, новыми надеждами. Гастроли театра интересны, включали в себя географию всего Союза, от юга Украины до Благовещенска, пограничной области с Китаем. Перед столетним юбилеем театра замаячила возможность получения почётного звания. И несмотря на то, что Григорий никогда не был членом коммунистической партии, которым звания давались в приоритетном порядке, он, сыгравший образ легендарного сына казахского народа, перед отчётной поездкой театра в Москву получил заветную медаль и удостоверение, где было написано: «Присвоено почётное звание засл. арт. Казахской ССР».

Был ли он тогда счастлив? Наверное, да! Это было такое время, когда, уходя в очередной отпуск, измученные трёхмесячными гастролями артисты уже через две недели начинали считать оставшиеся отпускные дни, мечтая скорей приступить к работе.

Как давно это было! Ну, конечно же, в прошлом веке... Потом всё рухнуло, расплозлось, полиняло во время «большой стирки», устроенной Горби и Ельциным.

Судьба перестроечная

В эту ночь совершенно не удалось уснуть. В голову лезла всякая дурь, ныла обрубленная нога, напоминая о безрадостном будущем человека с ограниченными возможностями.

«Ограниченные возможности» – слова-то какие, не несущие конкретной информации.

Сегодня он вдруг задал себе вопрос: «А сам-то он, пока был здоров, использовал ли свои тогда, в прошлом, «ничем не ограниченные возможности»? Есть ли в его прошлом те моменты, которые позволяли бы ему и сегодня держаться за свою, теперь ограниченную возможностями, жизнь?».

«Говорящие головы» по телевизору как-то сказали, что у каждого поколения есть «своя война».

Григорий не знал, как у целого поколения, но то, что она есть у каждого человека, – верил. Скорей всего, это война... с самим собой... И, увы, не каждый её выигрывает.

Жизнь – дорога. То с чистым асфальтовым покрытием, то с рваными колдобинами на проезжей части, то с полосой жидкой, вонючей грязи, столь непролазной, которая как болото, засосать может...

Сегодня он понимал, что по такой дороге идёт человек, любого вероисповедания, любой профессии, любого уровня образованности и таланта. Вот только способность не поломать ноги, не извальяться в грязи, не свалиться в обочину дана не каждому...

И в ночной тишине он **сам себе** стал рассказывать «сказку» о своём житие-бытии в той «четвертушке времени», на стыке веков, тех завихрениях, в которые бросала его жизнь.

Стал рассказывать честно, не стыдясь. Да и кого было стыдиться наедине с собой и прошлой жизнью? Это был молчаливый рассказ, дополняемый иногда почти цветными картинками прошлой жизни, в которых серых страниц было гораздо больше.

Его сказ...ка

Да, да, да... что-то стало разваливаться... Те же премьеры... Те же полуденные пьянки... Вроде бы всё, как обычно...

А может, именно потому, что всё стало обычно... Тупая режиссура заезжих, непонятых другими театрами периферийных гениев, стала раздражать...

Кончилось тем, что в период лета 89 года он поехал в Москву на актёрскую биржу и устроился с женой в г. Великие Луки, что в Псковской области.

Хорошо что не сдали тогда жильё, так как обещанная там квартира уплыла военным, победившим по воле «Горбатого» из Восточной Германии. Жили в двухкомнатном номере гостиницы (платил театр), вещи на складе, перспектив никаких...

Ну какие перспективы?! Жизнь в то время в России начинала дичать, даже по сравнению с Казахстаном. За вшивыми синими куриными тушками выстраивались очереди по триста человек. В дефиците было всё. Даже макароны.

От тоски там все прилично «закладывали», несмотря на то, что спиртное было строго по талонам. Да и в отношении творчества было паскудно...

Но важней другое... Глаза... Глаза и общение между людьми было совсем не такое, как в Степнолесске... Здешние жители почти все взглядом упирались в землю...

Наверное, в Казахстане после целинной эпопеи ещё оставался какой-то особый человеческий слой, какое-то особое сообщество, которое тянуло...

Вернулись! Но не в театр. Он стал преподавать актёрское мастерство в колледже искусств. Параллельно при областной филармонии организовал частный театр под названием «Маленький театр комедии и скетча», где играл вместе с женой и своими студентами. Сначала всё было хорошо, затем ситуация изменилась, пошли неплатежи, взлетели цены на бензин, аренду помещения...ПРОГОРЕЛИ!!!

Летом 91 года волей случая в город на один из последних спектаклей театра попадет главный режиссёр из крупного областного российского центра и предлагает работу. Они едут. Живут в отдельной двухкомнатной квартире гостиничного типа, общежитии. Театр почти самостоятельный, но год выдержали...

Потом пошли слухи, что Степнолесск, поскольку через него проходит российская железная дорога, перейдёт к России. Возвращаются в свою квартиру.

Он, конечно же, гордый, в театр не идёт. Ждёт, когда его, гениального, позовут.

Но никто не зовёт. Про него как бы забывают.

Снова в педагоги. Обучает свой трёхгодичный курс от начала до выпуска. Ставит спектакли в соседних городах. Жена занимается торговлей вещами. Ездит за товаром в Алма-Ату и в Омск.

Он начинает крепко выпивать.

Сын закончил 9 классов, и Григорий устраивает его в училище, которое даёт среднее полное образование и специальность сварщика широкого профиля. Тот учится год и бросает. Он снова устраивает, по его очередному желанию, в школу ДОСАФ на специальность «радиотелемеханика».

Сын учится, заканчивает, но по специальности работать не хочет. Хочет быть водителем-профессионалом. Григорий определяет его в платную автошколу, и сын получает категории «Б» и «С». Но... не работает.

Где-то в этот период почти вся молодёжь города срывается с «катушек». Массовые пьянки. Сын с ними.

Из школ города на помойки завхозами выброшены оранжевые коробки из запаса гражданской обороны с противохимическими и противорадиационными препаратами защиты, среди которых глюкогенный препарат «тарен». «Тарен» на фоне водки – это кошмар. На пике этих возлияний сын уносит из дома огромную по тем временам сумму. Все торговые деньги жены и собранные жильцами дома на общий тепловой счётчик. За сутки всё с друзьями прогуливает. Жена плачет, она в панике!

Григорий бежит по всем знакомым, чтобы занять, избежать позора... Никто...

На фоне депрессии и постоянного похмелья в семь часов утра с бритвой в кармане он идёт на берег Ишима заканчивать СУДЬБУ. На пути церковь. Заходит попросить у ликов святых заступников прощения... Священник разговаривает с прихожанкой, случайно бросает взгляд на него и... тут же подходит. Спрашивает: «Что случилось, сын мой?». Григорий отвечает, что хочет совершить смертный грех. Священник что-то говорит, и Григорий погружается в глубину его глаз, плохо понимая, о чём тот рассказывает, и только слово «грех, смертный грех» остаётся в его сознании. И вот священник умолкает, кладёт руки ему на голову и говорит: «Иди с добром. С божьей помощью всё будет хорошо».

Это невероятно, но буквально через полчаса Григорий встречается на улице директора театра, рассказывает о проблеме, и тот предлагает ему сумму в обмен на постановку спектакля в театре. Через день деньги уже в доме, но... сын уносит и эти деньги!

На этот раз никаких мыслей о самоубийстве не приходило.

Обменяли квартиру в центре на квартиру на окраине, с доплатой, и рассчитались с жильцами дома.

Жена работает на рынке продавцом вещей на хозяев. Буквально через три месяца сын обворовывает квартиру работодателей жены, приезжих таджиков, унеся две громадные сумки товара.

Чтобы его не убили и не посадили в тюрьму, они продают квартиру за копейки. Рассчитываются с долгом, и жена с сыном на остатки денег уезжает в Россию.

Григорий снимает холодную халупу в частном секторе, без отопления. Но зато у него есть постоянная работа в театре.

Через 15 дней приходит сигнал SOS. Семья снова попала в беду. Григорий едет за женой и сыном, привозит назад.

В театре дают комнату в подсобке. Потом договаривается о комнате в общежитии при университете. Он пьёт много. Денег катастрофически не хватает. Жена торгует мороженым. Иногда вещами на рынке. Он подрабатывает на концертных программах. Время трудное. Летом, в отпуске, помогает жене торговать мороженым. Торгует жареными семечками на базаре, выкрикивая: «Жареные семечки от заслуженного артиста!».

В театре его пьянку прощали. Говорили молодым: «Это же Мастер! А что касается вас, вы должны помнить: что позволено Юпитеру, то не позволено быку».

Такое отношение помогало ему благополучно катиться вниз дальше и дальше...

Сын познакомился с девушкой, немкой, переезжающей с семьёй в Германию, благополучно женился и отбыл в Фатерланд. Но хватило его ровно на год. Там с водкой оказалось ещё проще. Да и наркотики оказались весьма доступны. Короче, сын вернулся, обласканный цивилизацией, с плоским цветным телевизором, который через месяц продал за долги.

Время уже подходило к 2000 году, жили они в театральном «аппендиксе» при гараже театра. Это такая общага без удобств на несколько семей, каждому по комнате, с общим туалетом и умывальником.

Но они были счастливы, потому что не платили ни за свет, ни за воду. Жена практически не работала. Сын, если и устраивался, то очень ненадолго, до первой пьянки.

Да, тогда уже Григорий редко отделял бред от действительности, однако спектакли ещё играл, не срывал репетиции, но... и этому пришёл конец. Встал вопрос о разрыве трудовых отношений.

Григорий, конечно же, алкоголиком себя не считал... Считал, что это жизнь вынуждает, что другого пути нет, ведь все же пьют, только не попадают. А все претензии – это интриги бездарей. Да и как не пить, когда от прошлой благополучной жизни остались одни воспоминания?

И вот 2002 год. В это время в театре произошла смена руководства. Директором стала женщина.

Она относилась к Григорию как к актёру с большим уважением, поэтому предприняла свои меры: воспользовавшись его глубочайшим синдромом похмелья, заманила (якобы для очистки крови, на три дня) в наркологический диспансер, где и оставила на целый месяц, отменив все идущие с его участием спектакли.

Это действительно был месяц ОСОЗНАНИЯ.

Прямо там был написан, а по выходу опубликован в областной газете материал под названием «Репортаж со дна бутылки», где было рассказано о той клоаке, о тех унижениях, которые испытывают находящиеся на лечении пациенты и пациентки, о порочности всех методов лечения, о безнравственности персонала, о невозможности таких способов подавления личности. Григорий стал врагом главврача номер один, которого чуть не сняли с должности, но... САМ ПИТЬ ПЕРЕСТАЛ!!!

Произошло нечто подобное встрече со священником в то страшное утро девяностых годов. Ему снова был дан шанс. Откуда-то свыше как бы говорили: «Твой потенциал не исчерпан!». И он это услышал!

Началось привыкание к новой жизни. Для всех он оставался временно непьющим Мастером. Это надо было пройти! Все эти подколки, иногда провокации, заспинные ухмылки.

Месяца через четыре из театра уходит главный режиссёр, и директор, до прихода нового, предлагает Григорию стать исполняющим обязанности художественного руководителя. В театре – ШОК! В данную авантюру не верит никто. А Григорий просит директора взять жену в театр актрисой.

В театре снова шок.

Разговоры среди сослуживцев: «Директор сошла с ума! Жена у него давно не актриса! Пятнадцать лет на сцену не выходила».

Он ставит очень удачный спектакль, который имеет резонанс в городе. Потом другой. Ставит спектакль, где его жена дебютирует в роли второго плана. Затем спектакль на двоих. И вновь успех!

Жена по газетному опросу признаётся лучшей актрисой года. На театральном фестивале спектакль получает «Гран-при» в номинации «русская классика». Успешные гастролы в России на сцене академического театра. Отличная пресса, признание.

И вот Григорий уже не исполняющий обязанности, а полноценный гл. режиссёр и художественный руководитель. В театре – смесь признания и смирения.

Оба с женой «пашут» до изнеможения. Сын периодически бывает трезвым. Григорий поступает в университет. Факультет социологии и практической психологии. В пятьдесят девять лет получает диплом с отличием.

Практику психолога проходит в той самой наркологии, где был пациентом. Взаимоотношения с главврачом наладил – не зря же на «психа» учился! Диплом писал по методике преодоления алко-наркозависимости.

В этот период основательно изменился и его социальный статус. Получил муниципальную двухкомнатную квартиру на окраине города. Сын женится вторично. «Таксует» на стареньком отцовском «жигулёнке». Потом по дешёвке был куплен ему «москвичонок». Какое-то время затишье, и снова «штопор»! Так запивается, что даже в роддом за ребёнком не приходит. Берёт кредиты, пропивает их, а родители расплачиваются... Расходится с женой. Та в отместку меняет фамилию дочери на свою и лишает всех общения с ребёнком. Алименты на внучку платит Григорий до тех пор, пока сына не лишают отцовства.

В это время губернатор области решает, что главный режиссёр должен жить в центре города, и даёт ему квартиру в элитном доме, большую трёхкомнатную, на шестом этаже девятиэтажки.

Вспомнилось: жена сидит в кухне на полу и плачет: «Как мы будем оплачивать коммуналку? Чем заполнять эту квартиру? Не поеду! Буду жить в старой!».

Ревёт! Сопли на кулак наматывает. В доме только часть муниципальных квартир, остальные – частные, люди все ба-а-га-тые!!! В доме консьержка. Во дворе – домовая стоянка для машин...

Переехали, обустроились, стали привыкать к новому статусу.

В театре дела шли нормально. Получил государственную награду.

В коллективе непререкаемый авторитет. Артисты просятся на работу из других городов. Даже из Алма-Аты. Попутно Григорий занимается психологической практикой. В основном помогает знакомым, попавшим в затруднительное положение. Закодировал всех алкашей в театре. Даже женщин. Получалось довольно надёжно. Это был результат университетских знаний и тех «шаблонов», которые изучил в центре «Саентологии и дианетики» Рона Хаббарда во время командировки на фестиваль «Балтийский дом» в Санкт-Петербурге. Нет, он не стал апологетом этой религии, но полезные знания для себя получил.

И всё время твердил себе: «Неважно, каким ты был в прошлом, важно, какой ты стал сейчас».

И только на сына его воздействие оставалось нулевым! Но, как говорят специалисты, это естественно. Григорий для него в ДРУГОМ статусе. Помочь может только чудо – значит, БОГ! А в него сын не верит. И чувствует себя в Храме ОЧЕНЬ дискомфортно!

Жизнь продолжает своё течение. Волей высших сил устраивается творческая и бытовая сюжетная линия.

Вот и три телевизора, по одному в каждой комнате, три холодильника (и не пустые!), оргтехника, «видаки» и видеокамеры, стенки, кресла, одежда не в одном экземпляре, автомобиль-иномарка... Но гложет, гложет неизбывная ВИНА перед сыном, который сейчас опять лежит «на просушке».

Где найти те слова или правильные действия, чтобы изменить предопределённость ЕГО судьбы??? Если бы можно было отмотить, вернуть невозвратимое время и совершить... другие поступки.

Григорий перестал листать страницы прошлой жизни и сделал вывод:

«Да, не был ты полностью честен, Григорий, в своей «сказке», жалел себя! Очевидно, хотел бы, даже перед собой, предстать некой жертвой обстоятельств...».

Так он думал, глядя в потолок палаты, который начинал светлеть от приближающегося рассвета.

Вспомнилась оценокная мудрость прожитой жизни: «Построить дом, посадить дерево, родить сына...». Дом он не строил, дерево не сажал, сына толком не воспитал.

Что ещё может держать его на этой земле?

Ах, да! ТЕАТР! Но кому он сейчас нужен?

Новый театр, театр стёба и кривляний его совершенно не привлекал, скорее даже вызывал раздражение. Серьёзный, социальный, философский театр, близкий и понятный Григорию, у молодой публики вызывал откровенную зевоту и насмешки.

Может, и правда, пора уходить... По пути, указанному поясом от халата? С этой мыслью Григорий неожиданно провалился в глубокий сон, провалившийся до процедур перевязки.

Перевязка

Григорий орал... Орал во всё горло, сдерживая мат, рвущийся сквозь сжатые зубы. Хирург в паре с медсестрой обрабатывали частично раскрытые швы его культи, засовывая в плоть тампоны, что-то вскрывали, рвали по живому...

– Что-нибудь... обезболивающее! Не могу! Не могу-у-у! – он сделал попытку рассмеяться. – Доктор! Ну почему вы меня так не лю-ю-бите-е-е-е!

– Морфий вам больше нельзя, другое не поможет, – отвечал тот, продолжая делать своё дело.

Надо было играть роль героя, и Григорий старательно, между воплями стал изображать этакого героя боевика, смеющегося над пытками.

– Ой! Ну что вы так! Щекотно! Ха-ха-ха! А-а-а-а!!! Это я от сме-ха... А-а-а-а!!!

Если бы он знал, что в это время за дверями палаты его жена упала в обморок от его криков, он бы придумал что-нибудь другое. Может быть, заставил бы себя шипеть, мычать, пусть даже плакать, но молча.

Пытки закончились, и в палату вошла жена. Её глаза ненавидели врачей, больницу и всю медицину в целом. Конечно же, она считала их виновными во всём произошедшем.

Он, как мог, успокаивал её, а она, вытирая слёзы, повторяла одно и то же:

– Ну нельзя же так... нельзя же так... Тут камера пыток!

Она принесла ему обед и ужин.

Григорий не ел ничего из больничной столовой. Жена ежедневно готовила еду, покупая на рынке свежие продукты, которые повышали уровень его белка в крови, и, как мать, заставляла Григория есть чуть ли не с ложечки.

– А ведь если я уйду, она тоже не будет жить, – вдруг подумал Григорий. – А может, мне это только кажется? Нет, не кажется... Получается, что я ответственен перед ней. За те тридцать лет баламутной жизни, в которой мы шли плечом к плечу. Есть над чем подумать...

Новая судьба театра

Думалось в основном по вечерам. Из-за бессонницы «зелёный» ночью не приходил, а в дневном сне не появлялся, потому что, наверно, был занят со своими подружками в травяном царстве. Вечерние мысли определялись конкретикой сегодняшнего дня.

«Построить дом, посадить дерево...» – стучало в его голове. – А может, это иносказание? Ведь если подумать, то театр – это мой дом. Я уже восемь

лет, можно сказать, строю его. Не один, а вместе со всеми. И дерево посадить – это как вырастить молодых актёров, дать им определённые навыки, ввести в профессию».

Он вспомнил, как в начале карьеры на должности художественного руководителя открыл театральную студию, в которую пришли ребята, ставшие теперь молодым ядром коллектива. Но время менялось стремительно, и на его призыв в прошлом году к молодёжи города прийти в студию театра не откликнулся никто. Все знали, как оценивается актёрский труд на периферии.

Да и отношение властей менялось по мере обновления этой элиты в соответствии с новыми веяниями. Театр в городе становился не предметом гордости, а скорее обузой для бюджета. Часто, очень часто приходилось слышать после премьеры спектакля оценку новых руководителей:

– Да, хороший показали КОНЦЕРТ. Но можно было бы повеселей. И песен побольше!

Он вернулся в мыслях в совсем недавнее прошлое, и сердце его сжалось от невысказанной обиды...

«Тварь я дрожащая, или...» (один день Григория)

Тот день начинался... погано. В девять утра в понедельник он должен быть у нового начальника управления культуры и развития языков.

Дней десять назад Григорий побывал у его секретарши и просил записать на приём, упомянул свою должность. Секретарша была новенькая. Григория она не знала, несмотря на то что его лицо в течение уже нескольких лет не сходило со страниц местных газет, да и телевидение показывало его достаточно часто.

Но, очевидно, новая хранительница чиновничьего распорядка культурные хроники не смотрела, газет с событиями в мире искусства не листала, поэтому фамилия, звание и должность соискателя аудиенции вызвала у неё лёгкое недоумение. На обидчивое замечание Григория «меня весь город знает...» она кратко ответила: «Я тут недавно». Обещала на следующий день позвонить, сообщить волеизъявление своего босса, но... не позвонила. Звонок раздался только на пятый или шестой день. Вежливым голосом молодая дама сообщила, что в ближайшее время начальник очень занят и принять не может. Григорий поинтересовался, что сказал ей начальник? Она через небольшую паузу ответила: «Он промолчал».

Повод встретиться с руководством у Григория был.

Где-то месяц назад, после просмотра местной телепрограммы о кошмарах наркотизации и алкоголизации молодёжи и о принятии государственной программы борьбы с этим бедствием, он решил, что театральное искусство не должно стоять в стороне от этой проблемы. Надо создать драматургический материал на местной основе. И поставить жёсткий публицистический спектакль, обращённый к молодёжи, воздействующий на эмоции и разум.

Григорий оставался, несмотря на возраст, немного романтиком. От нового начальника над культурой ему требовалось немного: подписать

письмо, адресованное главному врачу наркологического диспансера, о разрешении посещать данное учреждение, встречаться с контингентом.

Однако вызов к руководству на утро понедельника, прозвучавший по телефону в субботу вечером, тогда, когда чиновники и секретарши должны были отдыхать, явно был не по этой теме и не предвещал ничего хорошего. И Григорий догадывался, о чём пойдёт речь...

В кабинете нового начальника областного управления культуры собрался актив руководителей профессиональных коллективов, директора театров, дворцов культуры, первые заместители и руководители отделов.

Начальник, одетый в тёмно-синий костюм в серую полоску, переживал предстоящий «разгон» творческой личности, посмевавшей выйти за рамки «винтика» в слаженном механизме, где он, начальник, должен был играть главную роль. Григорию было немного жаль его.

Можно сказать, впервые эту должность стал занимать представитель творческой профессии. В прошлом начальник много пел на свадьбах, на городских праздничных мероприятиях... Пел хорошо! У него за плечами было заочное обучение в Жургеновской консерватории, заочный юридический факультет местного университета. Скорее всего, последнее и определило выбор высоких чиновников при назначении его на место руководителя культурными процессами.

Сейчас же он нервно метался от офисного стола к столу для заседаний, нервно поглядывал на телефон, соединяющий с областным руководством, что в прошлые времена называли «кремлёвским». Он словно ждал, что вот-вот раздастся требовательный сигнал, и всё тело его выражало готовность броситься на призыв. «Вот так же, наверное, метался он среди свадебных клиентов, махавших у него перед носом деньгами, в надежде угодить, угадать их желания, не ошибиться с выбором репертуара», – с тоской подумал Григорий.

Повод, по которому собралось творческое начальство области, был на взгляд Григория бестолковый. Несколько дней назад город посетил представитель соседнего государства, неофициально, проездом. Через своих помощников он выразил желание посмотреть спектакль областного русского театра, рассказывающий о трагической судьбе казахского поэта, жившего в начале прошлого века. Представители русской диаспоры, которая в городе, да и в области, насчитывает около семидесяти процентов всего населения, от имени «Русской общины» обратились тогда к Григорию с вопросом: «Может ли театр показать спектакль, если они обеспечат полный зал зрителей?».

«Да почему же не можем? – ответил Григорий. – Правда, театр ещё не открыл свой активный сезон, поэтому разрешение на разовое исполнение надо получать у вышестоящего начальства. Я художественный руководитель, главный режиссёр. Моё дело – готовность спектакля. А готовность я гарантирую».

Директор, Валентина Степановна, крупная красивая женщина, всю жизнь проработавшая в недрах аппарата культуры и только последнее

десятилетие управлявшая профессиональным театром, слыла руководителем осторожным. До пенсии ей оставалось два года, поэтому приобретённая с опытом чиновничества осторожность иногда в ней даже зашкаливала.

«Только через нового начальника управления! – заявила она представителям «общины». – Мы государственное предприятие, и такие вопросы не в нашей компетенции».

Те согласно покивали в знак уважения и понимания служебного рвения руководителя и пошли по инстанциям. Тут-то и произошёл сбой, по причине которого Григория вызвали на «голгофу».

То ли опыта у нового начальника культуры не хватило сразу отказать, то ли посетители были очень убедительны. Скорей всего, он ещё не знал, что за отказ мера наказания гораздо меньше, чем за самостоятельно принятое решение. И он сказал – «да!».

Правда, тут же обмолвился, что проконсультируется ещё там, наверху. Он точно помнил, что не на всякой свадьбе можно исполнять песни, которые нравятся молодожёнам! Иногда надо петь только то, что нравится человеку, заказавшему свадьбу!

На более высоком уровне тоже сказали «да», даже похвалили за инициативу, а вот на ещё более высоком сказали «нет!». Но к этому времени представители общины успели сообщить помощникам прибывающего «лица», что встреча с «искусством перевоплощения» будет! И это «нет» вызвало у них неодолимое желание узнать, почему?

Григорий всё-таки вину свою чувствовал.

Когда почти с самого верха прозвучало это грозное «НЕТ» и по телефонной цепочке команда дошла до директора, он, худрук, отказался врать! Ему было предложено сказать, что артисты... заболели! И все недоразумения были бы исчерпаны!

«Дурак! Ох, дурак!» – думал Григорий, глядя, как сосредоточенно занимает место за столом заседаний квадратный, с борцовской шеей и татуированными пальцами директор театра кукол. Как поджигает и без того тонкие губы руководитель городского дворца культуры, как осторожно, словно боясь обжечься, присаживается на стул директриса филармонии, как отводит взгляд, прячет под столом нервные руки его директор.

«Ну что мне стоило наврать! – думал Григорий. – Достоевского читался, дурак! Это его дурацкое «тварь я дрожащая, или человек?»... Вот и получается, что тварь! Дрожишь ведь!».

И в самом деле, Григория бил озноб. Нет, не от страха. От какого-то нервного возбуждения и ощущения абсурдности происходящего.

В главном телефонном аппарате запиликал зуммер, начальник бросил своё тело к деловому столу, приложился к трубке и через несколько секунд напряжённого внимания отчеканил: «Да! Да!». Трубку слегка дрожащей ладонью была положена на место, его взор обратился к присутствующим, а в руке появилась газета.

Собственно говоря, эта газета и была детонатором происходящего. Еженедельная, одна из многих, что привлекают читателей главным образом размещёнными телепрограммами, перепечатанными абсурдными вымыслами, городскими сплетнями и гороскопами. Традиционно первые страницы таких газет отданы официальной информации, поступающей сверху.

На этот раз газета совершала «поступок», выражала своё мнение о приёме неофициально побывавшего в области официального лица, раскрывая некие нестыковки в отказе просьбы «Русской общины», обнажая чиновничью ложь и называя по имени... того... почти самого главного! И в центре всех этих событий, почти как Матросова перед дзотом, газета поставила его, Григория!

И сейчас, на этот дзот, должен был лечь он!

«Сначала биография, а затем уже траурные речи...» – подумал Григорий, глядя, как начальник разворачивает газету.

После минутного молчания, тяжёлого вздоха тот стал читать статью. Голос его был неровным, надтреснутым. Как гвозди вбивал, произнося фамилию Григория.

«Странно, – подумал Григорий, – два года назад он по-русски разговаривал почти без акцента... Специально, что ли? Зачем?..».

Наконец, начальник дошёл до абзаца, где упоминалась фамилия высокого начальника и была дана оценка корреспондентом его роли в возникшем недоразумении. В голос вернулись чёткие, твёрдые звуки, выровнялось дыхание, и финальная часть статьи закончилась громким и гневным восклицанием: «Вот!!! Что это, я вас спрашиваю?! Политическая провокация? Или что ещё?».

Он сделал паузу, обвёл темнеющим взглядом сотрудников, сидящих за столом, и продолжил:

– Каково вот это всё было читать одному из руководителей области? Он целыми днями в районах, по двадцать часов в сутки бьётся за урожай...

«И зачем ему биться за урожай? – невольно подумал Григорий. – В области давным-давно все хозяйства в частных руках. Пускай бы частники и бились... Интересно, губернатор Калифорнии со своими замами тоже бьётся? Ну если и бьётся, так, наверное, за свой собственный, ему принадлежащий урожай...» – и тут ему в голову пришла такая мысль, такая мысль, что он её тут же... отбросил!

– Да, да! Бьётся, можно сказать, сутками! А вы только представьте себе, каково это будет прочитать его детям, внукам, отцу, матери, жене, да вообще всем родственникам и знакомым. Якобы, ОН, видите ли, сказал «нет»! Кто это слышал? Кто это слышал?! – повторил он, повернувшись к Григорию, словно именно тот написал статью.

За столом воцарилось молчание.

«Милиционер родился...» – автоматически подумал Григорий, потом мысленно поправил себя: «Нет, на этот раз прокурор!».

Но прокурор, пусть где-то и родился и стал подрастать, смачивая пелёнки, а вот следователь, судьи и присяжные были уже здесь.

– Валентина Степановна! – «следователь» повернулся к директору. – По должностному положению за всё происходящее в коллективе отвечает первое лицо. Кто у нас, в конце концов, руководит театром? «Русская община»? Есть у нас в театре директор или нет?

Григорий краем глаза посмотрел на своего директора, и ему стало страшно. Бледность проступала через макияжную краску, губы нервно вздрагивали, пальцы правой руки пытались успокоить левую... Но сказывался (ох, как сказывался!) прошлый чиновничий опыт: голос её был почти спокоен.

– Театром руковожу я. И решения принимаю тоже я. – Она сделала короткую паузу и, немного торопясь, добавила: – Конечно же, после консультаций и утверждения наиболее важных решений вами...

Резкий взмах рукой с зажатой в ней газетой заставил её замолчать.

– У вас, Валентина Степановна, это не первый, это второй прокол! Вам надо об этом помнить! – и начальник ещё раз резко рубанул воздух газетой.

Григорий видел, что Валентина Степановна помнила... Он знал историю этого «прокола» со слов своего директора. К ней в кабинет пришли администраторы ансамбля от Министерства обороны, дающие концерты по республике в честь дня Конституции. Они пришли договариваться о бесплатной аренде зала, и она, полагаясь на значимость мероприятия и поверив на слово, что они в верхних эшелонах власти уже договорились, дала «добро», определила день выступления. И не позвонила... Не проконсультировалась! А начальник культуры узнал о её решении от других. Концерт, конечно же, состоялся! Он не мог не состояться! Но грозный «прокол», как первое предупреждение в давно забытых водительских «талонах предупреждений», уже был! Ещё пара таких же, и... К тому же в данном случае «пересдача» была не предусмотрена.

– Я помню об этом, – продолжила она, – но хочу сказать, что в первом случае меня ввели в заблуждение, заверив, что всё согласовано наверху и вы в курсе. Что касается данного случая и этой возмутительной публикации, то хочу пояснить следующее. Да, я директор театра, и никто, кроме вас, мной не руководит. Но я отвечаю за производственно-эксплуатационную деятельность предприятия. За творческую деятельность, за создание и готовность к показу спектаклей, соответственно театральной специфике, отвечает художественный руководитель и главный режиссёр...

«Та-а-а-к... Начался театральный «ликбез», – ехидные мысли не к месту, не ко времени лезли в голову Григория. Это был третий начальник управления за время её директорства. Представитель ещё той, старой номенклатуры был снят с должности, чем-то не понравившись новому руководителю из «столичной обоймы», назначенному на должность первого лица области. Новый «первый», как его потом называли «ноль – первый» (вкладывая в это уважительный смысл), был человеком действия, высокообразован, имел опыт дипломатической службы. Начал свою деятельность в области, как это обычно бывает, с перестановки кадров. Только на должности стал ставить молодых и зачастую для «старой гвардии» неизвестных.

Чем приглянулся ему этот молодой человек с круглым лицом, маленькими, но очень живыми глазами, Григорий не знал, но факт оставался фактом: бывший директор районного клуба стал руководить всей культурой области. Тут же к нему в коридорах власти прилепилось прозвище «сынок». То ли обидное, то ли уважительное, да это и не важно! Важно то, что «сынок» начал очень энергично «окучивать» свою новую «делянку». Не обходилось и без казусов. С театральными особенностями он, естественно, не был знаком. Познавая процесс «по ходу», первым делом начал «прессовать» народную артистку, которая, якобы, требовала особого к ней отношения. Даже запретил отмечать ей в здании театра достижение пенсионного возраста, сам не откликнулся на приглашение юбилярши прийти на празднование в кафе и запретил посещение юбилея сотрудникам управления.

Как-то во время доверительной беседы за чашкой чая «сынок» поделился с Григорием главным уроком, который дал ему прежний районный руководитель, под началом которого он служил. «Руководитель всегда должен перед подчинёнными быть недовольным! Вот все дела у тебя идут хорошо, но ты всё равно будь недоволен! Чтобы они видели, что ты чем-то недоволен, и... всегда чувствовали свою вину. Это главное! Тогда тебя будут уважать!» – доверительно говорил он Григорию, прихлёбывая чай.

Этот урок он применял на практике, сменяя маску на лице только в том случае, если встречался с вышестоящим начальником, или перед теми, кому он доверял. Григорию он частично доверял и, если честно, переживал за дело, был неплохим руководителем. «Слетел» этот второй начальник неожиданно, после разборки на комиссии по чиновничьей этике, за «хамство» представителю какой-то общественной организации, очевидно, забыв сменить маску. Сейчас перед Григорием стоял ТРЕТИЙ.

– Я была в курсе, что представители общины обращались с просьбой к художественному руководителю, – продолжала Валентина Степановна, – но ко мне официального обращения не поступало. Если бы такое обращение ко мне поступило, то я в первую очередь направила бы общественников к вам! Тем более что в театре активный сезон ещё не начат, актёр, исполнявший одну из ролей, уехал в другой театр, мы выполняем ремонтный фронт работ по дорожной карте, и тем более... (тут она, сбившись, запнулась) у нас... у нас все эти дни не было света, так как заменялось аварийное освещение.

«Театр абсурда!» – размышлял Григорий. Все сидящие за столом прекрасно знали ситуацию в деталях, но делали вид, что всё излагаемое директором театра для них внове. Все знали, что она врёт, и внутренне восхищались: как врёт! Те, что моложе, набирали опыт, те, что постарше, отдавали дань мастерству.

– Григорий Викторович как художественный руководитель превысил свои полномочия, пообещав показ спектакля... Но его ошибку можно понять, он не политик. Он, как творческий лидер коллектива, должен заниматься творчеством. Он не имел права заявлять о готовности спектакля, не посоветовавшись со мной...

– Так это что же получается, – прервал её начальник. – Правая рука не знает, что делает левая? Получается, что директор и художественный руководитель не могут найти общего языка, и... нам из этого надо будет сделать соответствующие выводы?

– Нет, ну почему же... – голос Валентины Степановны задрожал, и Григорий, как на экране, увидел её мысли: «Два года до пенсии... два года до пенсии...». – Это единичный случай... И если бы не публикация в газете...

– Вот именно, если бы... – начальник посмотрел на директора дворца культуры, и Григорию показалось, что тот ему кивнул.

С первых дней назначения нового начальника стали ходить слухи, что тот своим наставником, так сказать «гуру», выбрал этого не улыбочивого, похожего на злого сельского учителя человека. Скорей всего их объединяло общее музыкальное образование, принадлежность к «титульной нации», может быть, дальние родственные связи, которые на востоке ценятся куда выше профессиональных способностей. Но главное, тот имел опыт чиновничьей «подковёрной» борьбы, которая славилась приёмами подтапливания и выталкивания, удушения и защемления не меньше, чем знаменитые восточные боевые искусства. Только в данной дисциплине это было «многоборье», а соревнование «олимпийцев» никогда не заканчивалось и в нём участвовали все.

Директор дворца культуры работал сначала в районном, затем в городском исполкоме, переименованном после обретения суверенности в горакимат. Там он был незаметной фигурой, но, по мнению начальника, приёмами пользоваться умел.

– Вот именно, если бы... – повторил начальник и перевёл свой тёмный взгляд на Григория. – Что скажете, Григорий Викторович? Всё началось именно с вас.

– С меня? – Григорий старался унять вновь накатившее волнение. – Косвенно, наверное, да. Но я никому не давал интервью, я никому не заказывал эту статью. Если бы я захотел высказаться в прессе, я бы это сделал сам!

За столом произошло движение. С губ директора дворца культуры слетело еле слышное «пи-сс-аки...», и Григорий понял, к кому это слово относилось.

Он действительно мог излагать свои мысли и чувства на бумаге. Его печатали в областных и даже в республиканских газетах. Он старался честно высказываться по волнующим его проблемам. И многим такая самостоятельность не нравилась...

– Единственное, что я сделал, это сообщил пришедшим ко мне людям, представителям «Русской общины», что все спектакли нашего репертуара находятся в полной готовности и могут быть показаны в любой день. Какую государственную тайну я раскрыл? А что касается статьи, то вы с автора и спрашивайте.

– А почему вы вообще докладываете «Русской общине», готовы ваши спектакли или нет? Действительно, получается так, что вами управляют

общинники. Вы что, перед ними отчитываетесь? – взял на себя роль прокурора директор дворца культуры, которого Григорий стал мысленно называть «сельский учитель».

– Я не док-ла-ды-вал! Я сообщил! – «сельский учитель» стал раздражать. – И говорил о творческой готовности коллектива. Как художественный руководитель я обязан все спектакли содержать в рабочем состоянии.

– Как же так? А вот Валентина Степановна говорит, что спектакль не мог состояться, так как исполнитель роли одного из персонажей уехал в Россию? Как это понять? – взяла на себя роль «свидетеля обвинения» заведующая отделом театров.

Она, пожалуй, осталась единственной, кого с натяжкой можно было назвать специалистом в этом раздувшемся до двадцати шести человек аппарате культуры, перекладывающем бумажки. До пенсии ей оставалось лет семь...

– Хороший вопрос. На эту роль было назначено два актёра. В силу определённых причин второй актёр не участвовал в спектакле. В данном случае после одной вводной репетиции он мог играть эту эпизодическую роль, был готов. – Тут Григорию пришла спасительная мысль, и он ухватился за неё: – А вот случись так, что там, наверху, – он показал пальцем на потолок, – вдруг приняли бы решение обязательно показать спектакль, а я бы доложил вам о невозможности показа? Какие вопросы вы задавали бы мне сейчас?

В кабинете зависла пауза.

– Да это всё «Русская община» воду мутит. Они, блин... Им, блин, всё неймётся! – подал хрипловатый голос «татуированный шкаф» – директор театра кукол.

С директорами русских театров с начала девяностых происходили странные метаморфозы. Коммунисты, несмотря на все справедливые упреки в адрес их правления, предпочитали утверждать на директорские должности отраслевых специалистов. Необходимым дополнением являлась принадлежность к партии.

Почти всё предыдущее десятилетие, начиная с восьмидесятого года, театром руководил относительно молодой, деятельный выдвиженец районного управления культуры со знаменитой дворянской фамилией и партийной «корочкой». В молодости он «гулял» с кинопередвижкой по району, совмещая работу за баранкой и работу «киносапожника». Не пил, не курил, а главное – обладал хорошим чутьём на «нужность» в данный момент начальству. Если было нужно, то он становился заядлым охотником, возникала необходимость – яростным оратором, а была потребность в лакеях – становился лакеем. Но даже среди лакеев старался быть старшим. Он окончил заочно институт культуры, стал двигаться по районной служебной лесенке. Достиг должности начальника районного кинопроката. Затем выдвиженца заметили и назначили директором областного театра. И не ошиблись.

Он, несмотря на свой маленький рост, оказался тяжеловесом, рвал «постромки» и резво рулил «театральный воз». Маленький рост давал о себе

знать, поэтому руководитель тешил себя, назначая на должности своих заместителей людей высокорослых, габаритных. И ещё он имел особое пристрастие к людям, связанным с шофёрской профессией. Завгары, водители вызывали у него особое доверие. Поэтому назначал их инженерами по зданию, зам. директорами по снабжению.

К людям творческой профессии относился как к неизбежному злу, а может быть, даже как к неразумным детям, и подобно настоящей матери, которая пестует увечного ребёнка, всё же любил их...

Успехи театра были заметны, и в конце восьмидесятых он занял освободившееся место начальника управления культуры, пригласив из другого города на своё директорское место бывшего своего зама, как ни странно, с высшим театральным образованием, человека высокой культуры, интеллигента...

На должность директора вновь открытого областного театра кукол он поставил последнего своего зам. директора, бывшего завгара, а тот, не долго думая, взял в свои «замы» водителя из театрального гаража, соблазнив перспективами, открывающимися в новой должности. Так в театрах началась эпоха «директоров – водителей», которым всё равно, что «баранку» крутить, что театром руководить.

Директора-интеллигента хватило на несколько лет. Тот не умел крутить «баранку» и по наивности как-то отказал начальнику управления предоставить и без того изношенный театральный «Уазик» для поездки на охоту нужных людей, после чего попал под такой прессинг, что закончил инфарктом и был вынужден уйти на пенсию по инвалидности.

И началась «шофёрская» чехарда! На должность директора «драмы» поставили «завгара – директора» театра кукол. На должность директора театра кукол поставили его «зама – водителя».

К этому времени начальник управления, «залитый полный бак бензина», как поговаривали ехидные и завистливые люди, «газанул» управлять южным театром в соседнюю Россию.

«Директор – завгар» театра драмы так же «газует» директором в маленький российский городской театр, забрав туда «замом» своего нового, следующего «зама – завгара».

«Директора – водителя» из театра кукол перебрасывают директором театра драмы... А на должность директора театра кукол ставят «специалиста» из управления культуры Валентину Степановну. Ненадолго!

«Директор – водитель» театра драмы любит охоту, рыбалку и водку больше, чем систему Станиславского. Его любимый девиз: « Не любите себя в искусстве, а любите меня!» в драмтеатре не поняли... Не полюбили! Пошли, проклятые «склочники», туда... НАВЕРХ!!! Но он уже в номенклатуре! А там своих просто так не сдают. Он свой! Так хорошо на банкетах шофёрские анекдоты рассказывает! И вновь чехарда!

Валентину Степановну ставят на её сегодняшнее место. А «директора – водителя» вновь возвращают на место директора театра кукол.

Но... Не зря говорят: посеешь привычку, пожнёшь характер, посеешь характер – пожнёшь судьбу! А в шофёрской привычке «замом» надо назначать своего, «водилу». Вот и назначил. И «замом», и водилой, и охранником, и другом... А сам стал... спиваться. И когда там, в верхах, стало уже совсем невмоготу, то его самого сначала перевели «замом» к его бывшему «заму», а затем уволили. А оставили исполнять обязанности директора его бывшего «друга-водилу», которого Григорий именовал не иначе, как «татуированный шкаф».

– Да, блин, помните тогда... С моим театром... Они тоже... Короче, нам тогда голову заморочили... Волну подняли... – он не договорил, очевидно, не отыскав нужных слов. Но Григорий догадался, о чём тот хотел сказать. Даже не сказать, а попытаться воспользоваться возможностью, как это говорится, «перевести стрелки».

Дело в том, что за «шкафом» числился «старый прокол»!

В прошлом году руководство области, ещё при старом начальнике культуры, захотело выселить детский театр из здания, в котором он находился более пятнадцати лет, дабы разместить в нём другую организацию. Сделано это было неуклюже, не ко времени скандально. Попытка переселения началась в новогодние праздники, в дни, когда шли детские утренники, и вызвала огромный общественный резонанс. «Татуированный шкаф» не обладал тогда ещё достаточным опытом, поэтому повёл себя достойно. Собрал пресс-конференцию, собрал подписи родителей и общественных организаций, обратился к представителям республиканского телевидения. Театр на время оставили в покое, и он чувствовал себя спасителем коллектива и героем дня.

Пока не пришло новое понимание: героем можно быть только с разрешения начальства!

Для реабилитации в глазах руководства подходило всё. А здесь был случай закричать «держите вора, он меня тоже обокрал!». В данном моменте был шанс перевести стрелки того события на «Русскую общину» и тем самым доказать искренность своего сегодняшнего покаяния, показать новому начальнику готовность отрапортовать: «Никогда!!!».

Тот заметил это и с пониманием кивнул.

– Нет, ты скажи, зачем тебе это надо?! Зачем тебе надо? – вдруг резко, почти на крике, на «ты» обратился к Григорию «сельский учитель». – Провокации устраиваешь... Я не поверю, что всё, что здесь написано, написано не с твоего голоса. Вот, пожалуйста! – он схватил со стола брошенную начальником газету. – Вот! Читаю: «... Труппа с пониманием отнеслась к предложению художественного руководителя...». И ещё... «извиняться перед гостем пришлось худруку Григорию Горланову...». И ещё... «артисты были готовы...». Ты вообще кто? Руководитель или мму... мальчишка? Ты, прежде чем бегать в «Русскую общину», у кого-нибудь спросил? – он не договорил, у кого и что должен был спросить Григорий, и демонстративно повернулся к нему спиной.

Григорию показалось, что где-то рядом завизжали тормоза. Это дремлющее подсознание предупреждало об опасности, включало в нервной системе резервы контроля, и только пальцы рук предательски задрожали. «Сахар подскочил», – привычно подумал Григорий. Он уже лет двадцать жил на таблетках и знал все симптомы привычной болезни.

– Стоп! Хватит! – голос Григория зазвучал чересчур резко, и все за столом напряглись. Директор дворца культуры вновь медленно, как в растянутом кадре, стал поворачиваться в его сторону. – Статью я читал. И здесь ещё раз вместе со всеми прослушал. Повторяю, что не имею к ней никакого отношения. Вы вызвали меня для того, чтобы зачитать мне статью, или выслушать? – последние слова были обращены к «сельскому учителю».

– Я тебя, те-бя не вызывал! – громко прошипел тот.

Григорий игнорировал этот явный вызов. Он понимал, что его провоцируют, провоцируют на взрыв, на скандал. Это был самый простой путь – выставить его неуравновешенным человеком, скандалистом, осколком великодержавного русского шовинизма, зазнавшегося от прошлых успехов ин-тел-ли-гента. А уж свидетелей его недостойного поведения будет предостаточно. Вот этого допустить он не мог!

– Давайте разберёмся... – уже тише сказал Григорий, отметив про себя, что голос предательски дрожит. – Я, в отличие от некоторых, к «Русской общине» никаких претензий не имею. Упрекать мне её не в чем. Но хочу заметить, что я не был замечен в её активистах, хотя по должности участвую во всех проводимых ею культурных мероприятиях. – Он сделал паузу, собираясь с мыслями.

– А ты не дрожи. Чего трясёшься? Чего ты дрожишь? – вновь зацепил его «гуру» начальника, продолжая свою игру.

– Хорошо... Я попытаюсь не дрожать... – принял игру Григорий. – Но не кажется ли вам странным, что мне приходится оправдываться перед вами за контакты с организацией «Русская община», которая входит как составляющая в Ассамблею народов Казахстана. Я по национальности русский, по рождению русский, по культуре русский, а вот по гражданству – казахстанец. Что, уже появились негласные запреты на общение с соплеменниками? Или это касается только «Русской общины»?

Он заметил, что в глазах некоторых сидящих за столом появилась растерянность. Простенькое, на их взгляд, судопроизводство оборачивалось местечковым «политическим процессом» по ущемлению прав инородца. Начальник до конца этого ещё не понял, но нутром ощутил, что привычный ход «свадебного мероприятия» даёт трещину и надо срочно менять музыку.

Честно говоря, Григорий мало верил в действенность всяких общественных организаций. А уж в то, что русский народ – это народ общины, не верил и вовсе.

Россия в его воображении представлялась не гоголевской «летающей тройкой», а репинской «артелью», которую тот точно изобразил в «Бурлаках на Волге». Все разные... С разных земель... Кто-то тянет лямку, кто-то

делает вид что тянет, а кто-то сбрасывает её... А над всеми ими... невидимый... ХОЗЯИН баржи!

Григорий с большим уважением относился к активистам русской общины и к их усилиям по сохранению самобытности, культурного наследия, содействия объединительным процессам в диаспоре, которая своими корнями уже проросла в этой земле. Но и жизнь это подтверждала: русский человек тяготеет к «артели».

– Ну хватит об этом, – завершил скользкую тему начальник. – С руководством «Русской общины» будут разбираться те, кому это положено. Выяснят их роль в этом скандале... И, надо полагать, выводы сделают.

– Давно пора! – подсутился «шкаф».

– На место пора ставить! – добавил «сельский учитель». Он явно был разочарован тем, что попытка вывести из себя «подследственного» успеха не имела.

– Надо решать, что нам делать в данной ситуации. Для этого я и собрал вас.

– А что тут решать? – подала, наконец, голос директор филармонии. – Надо срочно в следующем номере писать опровержение!

– И кто будет писать? – поставил вопрос начальник.

– Как это кто? Это и барану понятно! Кто заварил всю эту кашу, тот пусть и пишет. Господин Горланов и должен написать опровержение. Его имя упоминается в статье, ему и отвечать! – запустил эту, очевидно заранее проработанную идею, «сельский учитель».

Григорий, честно говоря, не был готов к такому повороту. Не просчитал...

– Ну и что же я буду опровергать? – спросил он. – То, что я подтвердил готовность спектакля? Я должен буду объявить, что солгал, забыл или был в тот момент невменяем? Должен буду сказать, что актёры не соглашались играть, а я их заставил? То, что я не извинялся перед высоким гостем, так как на встрече с ним разговора о театре вообще не велось? То, что второе лицо в области не говорило «да» или «нет»? Так я вообще не могу знать, кто и что говорит там, наверху! Я не понимаю, чего вы от меня хотите?!

– Вот! Вот! Вот! Он и показал своё истинное лицо! Вот он и признался... Не хочет! Этим сказано всё! Он сам заварил эту кашу, он! – гнев и ярость «сельского учителя» были неподдельны. С его тонких губ слетали брызги и блёстками оседали на полированную поверхность стола.

Боже, за что он меня так ненавидит? – подумал Григорий, глядя на искажённое злобой лицо.

– Григорий Викторович! Но ведь надо. Надо! – почти простонала заведующая отделом театров. Чувствовалось, что ей жаль Григория.

Вспышка ярости накатила внезапно, сметая на пути все защитные барьеры, и Григорий резко ударил ладонью по столу, так что заболели кончики пальцев.

– Ладно! Я напишу!!! Я на-пи-шу!!! Но напишу так, как это было на самом деле! Со всеми подробностями напишу! Правду напишу!!!

В той тишине, которая наступила после его эмоционального взрыва, можно было услышать, как трутся в воздухе друг о друга... молекулы.

– Не надо... ему писать, – медленно, вполголоса, точно боясь нарушить тишину, сказала заведующая отделом театров. – Если он напишет, будет ещё хуже, будет такой скандал...

– Я напишу... ему не надо, – сказала Валентина Степановна, и Григорий удивился, увидев каким каменным стало её лицо.

Говорила Валентина Степановна, но все смотрели молча на Григория, и ему казалось, что они прощались с ним...

Зуммер «кремлёвского» подбросил начальника, швырнул к рабочему столу, и повторилась сцена, предшествующая этому заседанию.

Начальник так же осторожно положил трубку, поправил галстук и деловым тоном сказал:

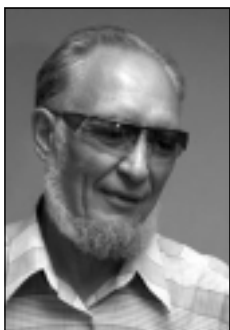
– Меня вызывают... Туда...наверх. Вас там тоже ждут, – обратился он к директору дворца культуры. – Вы со мной. Да... и вот что... Надо кончать со всеми этими пис-саниями. Разберитесь. Твои тоже... там, в столицу пишат... У филармонии писаки объявились... – Он повернулся к директору театра кукол. – У вас сейчас в театре тихо, молодец! Ну а вы, Валентина Степановна... Ну в общем, я на вас надеюсь... В пятницу буду читать газету.

Расходились молча. Григорий сел в машину и долго не решался повернуть ключ в замке зажигания. Наступила апатия, которая за рулём опасней нервного возбуждения. День ещё только начинался. В одиннадцать его ждали актёры на репетицию, и он должен быть, что называется, «в форме». А в голове звучали строчки перевода на русский его любимого казахского поэта начала двадцатого века:

*Слышишь, судьба, не хочу подаяний!
Полною мерой отмерь мне страданий,
В огненном вихре сжигая дотла.
Пусть этот вихрь моё тело корёжит,
Испепелит, до золы уничтожит,
Чтобы из глаз моих соль потекла...*

... Но слёз у него не было. Сердце сжимала сухая обида.

Окончание в следующем номере.

Владимир ГУНДАРЕВ

“Я брал слова у неба и земли...”

Ода ушедшему году

Две тысячи одиннадцатый год,
Мне было жаль с тобою расставаться.
Не потому, что мне давно не двадцать,
И я не рвусь безудержно вперёд.

Таким бывает лишь надёжный друг.
К тебе привык я, помыслами сросся —
Так благодатно окропляют росы
В сухмень июня чабрецовый луг.

Хотя и ты добавил мне утрат
(Их и в минувшем выпало с лихвою) —
Как не поникнуть скорбно головою,
Коль в мир иной ушёл мой младший брат?

Но! Всё же был ты милостив ко мне,
Даруя дни, как нежные купавы,
Как будто красного коня купал я,
А «проскакал на розовом коне».

Ты уберёг от ядовитых стрел.
И были не напрасны ожидания.
И встречами заветными неожиданно
Обогатил, утешил и согрел.

Чтоб я свою Америку открыл,
Ты ободрял из горней выси взглядом,
Как добрый ангел, был со мною рядом —
Мне слышен был незримый шелест крыл.

Ну что ж, прощай, мой незабвенный год...
Я дялю и дялю в себе твои мгновенья.
Лишь только б не иссякло вдохновенье
Во дни тревог, печалей и забот.

Ещё в душе достаточно огня.
А будет день — и не лишит он пищи.
Но будущность, ещё не наступивши,
Уже сегодня тяготит меня.

5 января 2012 г.

Желанное

Собраться б с духом — и решиться:
В забытый домик над рекой
Махнуть, и разом отрешиться
От сутолоки городской.

Приятно ничего не делать
Хотя бы три-четыре дня.
Вставать, позёвывая, в девять,
Промозглость неба не кляня, —
Ведь никуда спешить не надо,
Едва забрезжит тусклый свет.
И даже лёгкая досада
За подгоревший вдруг омлет
Не озаботит настроенья
И безмятежье не проймёт.
Открыть брусничное варенье,
К нему густой гречишный мёд.
Чаёк пошвыркивать бы с ситным,
Да так, чтоб пот с лица ручьём,
И с самоваром сановитым
Калякать просто ни о чём.
Доверчивых и простодушных
Синичек угостить зерном.
И чутко слушать, слушать, слушать,
Как дождь лопочет за окном,
Как очистительные слёзы
Сквозь поредевшую листву
Роняют светлые берёзы
С ветвей на жухлую траву.
Присесть у печки на приступке
В пропахшей донником избе
И вкусный дым пускать из трубки,
И нежно думать о тебе.

26 октября 2011 г.

Скворец — как Алкин Галкин — имитатор,
Искусно подражает голосам.
Его рулады с середины марта
Звучат по луговинам и лесам.

В весёлом упоении своём
Порой такие выдаёт пассажи —
Иные знатоки вокала даже
Сравнить его способны с соловьём.

Нет ни единой самобытной ноты,
Поёт с чужого голоса шельмец,
А всё равно он в славе и почёте,
Властитель впечатлительных сердец.

Не замечая истинных творцов,
Бездарных имитаторов возносим,
Которые жужжат подобно осам,
Фальшивым мёдом потчуют глупцов.

Но лишь скворец талантлив, и по праву
Он радуется напевами весь свет.
И мне лукавый скворушка по нраву,
А подражатель Алкин Галкин — нет.
29 октября 2011 г.

Метаморфозы любви

Два диалога

1.

— Хорошо ль тебе, родная, на моей лежать руке?
— Я купаюсь, наслаждаюсь, как малина в молоке.
— А легко ль тебе, родная, на моей дышать груди?
— Я с твоим сольюсь дыханьем, лишь немного погоди.
— В куполах атласных этих — неземная власть и сласть.
Как же я благоговею, в тайном лоне растворюсь!
— Завораживают душу нежные твои слова,
От блаженства, мой любимый, закружилась голова...

2.

— Ты мне руку отлежала, лучше на подушке спи.
— Я такой тяжёлой стала? Ладно, только не храпи.
— Что слюнявыми губами ты мою мусолишь грудь?
— Приласкать тебя хотела...
— Я устал...
— Не обессудь...
— Что ты титьки развалила? Вот же дал корову бог!
— Ну а мне кого подсунил в наказание он под бок?
— Хватит, дура, хлюпать носом, есть терпению предел!
— Сам дурак! Мужлан! Тупица! Как же ты мне надоел!
6 ноября 2011 г.

Я завтрашний день спланировал,
И тут же — какая связь? —
Берёзовый лист спланировал
С ветки в стылую грязь.

Различные вроде бы смыслы,
Но есть незримая нить,
Чтоб два ведра коромыслом
Прочно соединить.
27 октября 2011 г.

Я славаю птиц в родном краю,
И пусть же множатся их массы!
Но больше всех я кур люблю —
За диетическое мясо.
28 октября 2011 г.

Судьба, как и мода, капризна —
Со всеми дели.
Эпоха тоталитаризма
Померкла вдали, —
Мы в эру *тату*литаризма
Теперь перешли.
29 октября 2011 г.

С двух сторон расстояния —
Наше долгое стояние.
И такое состояние —
В ожидании слияния.
12 декабря 2011 г.

Не всякому оперу
По нраву слушать оперу.
И в Париже опера́
Ходят не в Гранд-Опера́.
13 декабря 2011 г.

Как мелькают судьбы^у моей даты!
В спешке некогда молвить «прости».
От святой простоты до простаты —
Вот этапы большого пути.
7 января 2012 г.

Мне кажется, я всё ещё расту,
Затылком упираясь в высоту.
А может быть, достиг я потолка,
И повторяет прежнее строка?
А вдруг недостижима высота,
И надо мной зияет пустота?
7 января 2012 г.

Игры

Провели давно черту:
Этот — барин, тот же — голь.
Кто в лаптях — играл в лапту,
В полосатых гольфах — в гольф.

Не до игр ныне нищим —
Вымирают от невзгод.
Хорошо лишь нуворишам —
В гольф играют без забот.
9 декабря 2011 г.

Иван становится Петром

Когда-то и милиция
Бывала милолицею.
Но как, скажи на милость,
В ментовку превратилась?

Развалена своими же!
Теперь для смены имиджа,

Чтоб грязь из дома вывести, —
Меняются лишь вывески.

И что это за новости? —
Иван — Петром становится,
Хотя нутро Иваново
Не переделать заново.
И чья теперь полиция, —
Определяю по лицам я.
15 декабря 2011 г.

Шоу

Терпеть не могу все шоу, —
Кроме Бернарда Шоу,
Всё остальное — пошлость,
Лишь оскорбляет слух.
В сытых котах гламура,
В развратных кошках гламура —
Тлетворный дьявольский дух.
7 января 2012 г.

Ноктюрн

Ларисе Мартыновой

Зимой ночная тьма светла от снега:
Укрыв земную твердь пуховиком,
Сияньем первозданности влеком,
Он лепестками опадает с неба —

С его вселенской яблоневой кроны,
Где обитают белые вороны.

Как женская душа непостижима —
Чарует взгляд ночная белизна,
Сама же безразлично-холодна,
Хотя влечёт к себе неудержимо.

Земля, облагороженная снегом,
Сравнима в мироздании с ковчегом,

Затерянным в космическом пространстве.
Он, как телок на привязи, прибит
К одной из предначертанных орбит
В тугом клубке неисчислимых странствий.

Неужто свет души моей нетленной
Сольётся с беспредельностью Вселенной?
1 декабря 2011 г.

Снег

«Выпавший снег — как взбитые сливки, —
скажет стряпуха, —

Сахарной пудрой инея
обсыпал мороз деревья».

«Нет, снег — это белый саван, —
возразит седая старуха, —

Ведь зимою —
природа мертва».

«То облака спустились,
землю украсить чтобы», —

Вымолвит
стихотворец — не от мира сего.

«Глупости, — возмутится
химик высоколобый, —

Это замёрзшая влага —
с формулой H₂O».

«Снег походит на хлопок», —
поправит узбек-дехканин.

Туземец с острова Пасхи,
выпив кокос на обед,

Разинет рот удивлённо,
обдав ванильным дыханьем:
«Слова такого нету,
а значит и снега нет».
10 декабря 2011 г.

Сельское утро

На крыльцо я утром вышел, встав попозже в выходной.
Первой гаркнула ворона, поздоровавшись со мной:
«Старый хрыч, смотри, спросонья не протри глаза до дыр.
Что валяешься в постели, где обещанный мне сыр?»

Тут же сплетницы-сороки раскричались стрекоча,
Но кота заметив рядом, быстро дали стрекача.
Франт-петух с гусарским видом завлекал своих подруг.
Занят лишь трудяга-дятел — по берёзе тук да тук.

Шарик — весь в репьях, неряха, — с наслаждением кость грызёт.
Солнце шуруется сквозь тучки, озаряя горизонт.
Моложавая соседка в незашторенном окне.
Хорошо в деревне летом!

Только это снится мне.

11 декабря 2011 г.

*Годами голодаю по тебе.
И. Сельвинский*

Не делаю я культа из еды.
Не льну к деликатесине любой.
Мне ни к чему заморские плоды, —
Но не могу насытиться тобой.

И что за чувство голода во мне,
Как ястреб жертву бедную когтит?
Покоя даже не даёт во сне
Неутолимый зверский аппетит.

И не дай бог пресытиться, и счесть,
Что этот зов — болезнен и нелеп.
Любое яство может надоесть, —
Не приедается лишь чёрный хлеб.

Не сдобой, пышкой — уж не обессудь! —
Моим

насушным хлебом
с солью будь.

17 декабря 2011 г.

Маниловские мечтания

1.

Надо будет с Галею
 Съездить в Португалию,
 Великобританию
 Навестить бы с Танею,
 Заглянуть в Эстонию
 Вместе с тонкой Тонею,
 Побывать в Италии
 В обществе Наталии,
 Посетить Германию
 С белокурой Манею,
 А на Украину
 Пригласить бы Инну.
 Лену или Эллу
 Взять в Венесуэлу.
 Но в Вальпараисо
 Ждёт меня Раиса
 (Может, и Лариса).

2.

Вот сижу, гадая,
 Укрываюсь пледом.
 Впрочем, никуда я
 Всё же не поеду.

 Ведь мои Галины
 И Татьяны — святы,
 Созданы из глины —
 Я в душе ваятель.

 Вовсе не бездельник!
 Но живу в тревоге,
 Что в кармане денег
 На сто вёрст дороги.
31 декабря 2011 г.

Ты моя восточная заря.
 Я, увы, твой западный закат.
 Я живу тебе благодаря,
 Я живу, тебя благодаря,
 Неохотно отступив за кадр
 Бесконечной ленты бытия,
 Чтоб тебе не помешать ни в чём,

Ненароком не задеть плечом.
 И, твоим сияньем облучён,
 Я стою, дыханье затая,
 Притулившись к кромке бытия.
 Но себя надеждой тешу зря —
 Ведь с зарёй не сходится заря.
7 января 2012 г.

Чавкают

часы

в тишине

ночной,

Плотоядно пожирая время.
 Набухают от такого рвения
 Прошлого отвалы за спиной.

Где ж золотоносная руда? —
 Алчным помышлениям в угоду
 Столько зря потрачено труда
 На пустопорожнюю породу.

Люди, люди, грязнете во лжи вы,
 Обуяны жаждою наживы,
 Чтобы видной стать величиной,

А прохвосты рядятся в святоши...
Стихнет лишь дневное суматошье —
Чавкают

часы
в тишине
ночной.

8 января 2012 г.

Цветут деревья в январе...

Прекрасное не долговечно.
Гомер

Цветут деревья — вот уж чудо! — в январе.
Как будто это майское цветенье.
Лиловые ложатся полутени
На кроны белые на утренней заре.

И даже сосны, словно яблони, в цвету.
И клёны с липами покрыты белизною —
Такою непорочной, неземною —
Напоминая воплощённую мечту.

На тополях роскошный сказочный наряд —
Что может быть причудливей и дивней? —
Всё это сотворил кудесник-иней,
При лунном свете вдохновением объят.

И очищается душа от шелухи,
Спешит с волшебной благодатью слиться.
У встречных — зачарованные лица,
Как будто в церкви им отпущены грехи.

И даже снеговик, что слеплен во дворе,
Взирает, словно просветлённый Будда,
С улыбкой восхищения на чудо —
Преображённые деревья в январе.

Увы! Деревья скоро примут прежний вид —
Едва нагрянет заполошный ветер,
И снова кинопись костлявых веток
Нас беспощадно к прозе жизни обратит.
10 января 2012 г.

На рыбалке

А. Курлене, В. Коноплёву

Розовый сок рассвета озера гладь окрасил.
Пар над водой клубится, вязнет в кустах ивняка.
И замирает сердце — вот и всплески карасьи:
Крупная рыба скоро клонет наверх —

Жирная, в позолоте, будет на зорьке первой
Долгожданной добычей, нанизанной на кулан.
Но поплавки недвижны — из лёгких гусиных перьев —
Стоят по команде «смирно», каждый как истукан.

Меж ладоней лопушки вроде один вдруг вздрогнул...
Замер... стал потихоньку приплясывать в тишине.
Лёг неожиданно набок, словно устал немного,
И устремился в сторону — это подсказка мне.

Схватываю удилище, вот натянулась леска,
Сопротивляется рыба — силы как у быка.
Ближе тяну, напрягаясь, — сколько же брызг и плеска!
Ну и карась! — Лопата! Тяжко вздымает бока.

Воздухом задохнувшись, мелкой охвачен дрожью...
Радуюсь я удаче, снимая с крючка улов.
О! Поплавки другие затрепетали тоже —
Это ведь наслажденье, если хороший клёв.

Я карасей таскаю — их чешуя, как пламя.
А приманкой им стали перловка и червячок.
И невдомёк мне даже, что, невидимый нами,
Есть «рыболов», который ловит и нас на крючок.
14 января 2012 г.

*Опять открывались дали,
Природа была смела.
Сады уже отцветали,
А женщина всё цвела.
К. Ваншенкин*

Листву собой обнимая,
Чтоб не помять — слегка,
Сады зацветали в мае,
Их белые облака,

Смешавшись с горчившей пылью
И распростёрв крыла,
Торжественно-тихо плыли...
И женщина расцвела.

Потом лепестки слетали —
Как будто метель мела.
Желтели от зноя дали,
А женщина всё цвела.

Плодами спелыми осень
Пригнула хребет ствола,
Вились над кронами осы,
А женщина всё цвела.

Сменялись вёсны. И зимы
Листву сжигали дотла.
Но так же неотразимо
Та женщина всё цвела.

Смиримся с этим едва ли —
Природа бывает зла:
Сады опять зацвели,
Но женщина — отцвела.
15 января 2012 г.

Три поцелуя

Поцелуй женщины,
Которую боготворишь
И которая любит тебя, —
Цветёт на губах
И возжигает пламя блаженства в груди.

Поцелуй любящей тебя женщины,
К которой ты стал равнодушен
И тяготишься ею, —
Словно острый ожог от листьев крапивы.

Снисходительно-брезгливый поцелуй
Любимой женщины,
Которая к тебе охладела, —
Оставляет кровоточащую рану на сердце.
22 января 2012 г.

Недоумение обывателя

Власть меня уверяет,
что живу год от года всё лучше,
Мол, по данным статистики,
в среднем доходы растут.
Я удивляюсь этому,
всё же на всякий случай
Лишние деньги в карманах
усердно ищу там и тут.

Нет, не прибавилось за год,
а меньше их даже стало.
Растут же тарифы и цены —
как после дождя грибы.
Может быть, власть ошиблась?
Но нет — газеты листаю —
Твердит, что живу я лучше —
как властелин судьбы.
Я тоже ведь шит не лыком —
немало по жизни топал.
И ум в черепной коробке
какой-никакой ношу.
Но власть меня водит за нос,
считая, что я недотёпа,
И на уши, не стесняясь,
вешает мне лапшу.
23 января 2012 г.

Моим читателям

*Зинаиде Чумаковой –
в память о прекрасной творческой встрече
в Жезказганском историко-археологическом
музее 14 сентября 2011 г.*

Быть может, вас и мало, но вы есть.
Спасибо за оказанную честь, —
Коль строки безыскусные мои
В своих сердцах вы сохранить смогли:
Ведь вы — моя духовная родня,
Которой нет дорожке для меня.
Я брал слова у неба и земли,
У февраля, когда снега мели,
У золотой берёзовой листвы,
Росистым утром скошенной травы,
Когда её духмяный аромат
Вплывал тягуче в солнечный закат,
У спелого пшеничного зерна,
Чьим нежным светом степь озарена,
У скрытого в чащобе родника,
У незабудки и у василька.
И даже в тусклых буднях — благодать
Грядущего стремился угадать.
Я вместе с вами в бедах горевал,
Одолевал опасный перевал,

Негодовал, когда вас обдирал,
Как липку, хитроумный чинодрал.
И радовался малости любой,
Когда вы, поднимаясь над собой,
Могли улыбкой радовать других —
Не только сердцу самых дорогих.
Во мне — частица каждого из вас,
Живу я, окрыляясь и дивясь,
Что между нами трепетная связь, —
Ведь в сокровенных строчках о любви
Я ваши чувства — выдал за свои,
А искорки от вашего огня
Воспламеняют много лет меня.
Всё лучшее у вас перенимал
И добрым наставлениям внимал.
Но если своевольничал я вдруг —
Простите мне мой собственный недуг,
Не тем, бывало, верил голосам, —
То в этом виноват я только сам.
Я без утайки душу вам открыл,
Без вас — я слеп, бесчувствен и бескрыл,
Что вы *своим* признать меня смогли, —
Спасибо вам, читатели мои!

11 декабря 2011 г.

Владимир КУЗЕМКО

Менты в законе

Из записок районного опера

Введение в тему

Милиция – это власть над людьми. А власть меняет и деформирует души тех, кто ею обладает... Обычно так: чем больше у человека власти, тем меньше в нём – человека.

Нашу милицию народ не любит. Мы, «менты», ощущаем это кожей, и в принципе – понимаем, за что недолжблнвают нас сограждане...

Они не любят нас всех, скопом, за одну лишь нашу принадлежность к милицейской профессии. Но при этом мы между собою чётко различаем, кто из нас – более, а кто – менее заслуживает этой народной нелюбви своими словами, поступками и всем образом жизни...

Мы видим и знаем, кто из нас всегда старался и старается оставаться людьми в самых бесчеловечных порою условиях. Не буду утверждать, что им это всегда хорошо удаётся. А иногда – не удаётся и вовсе... Но они – старались!.. Тогда как многие другие – и не старались вовсе.

«Я – не мусор, я – честный мент!» – любимая присказка многих моих товарищей, самоотверженных трудяг-розыскников. То есть в нашем понимании «мусор» – много хуже, вреднее, несправедливее понятия «мент»... Кроме того «зла по необходимости», которое вынужденно творим все мы и каждый из нас, ментов, мусор привносит в свою работу и личную озлобленность, и корыстолюбие, и много-много других своих маленьких и больших недостатков, слабостей и пороков...

Мусор – это милицейское отребье, глухо презираемое даже своими.

Плохие люди ведь есть везде, даже – в раю. И работают они повсюду, даже – и в филармонии... Почему же органы внутренних дел должны быть каким-то исключением?..

... Но ещё более достойна презрения и людской ненависти та разновидность милицейских сотрудников, которых лично я бы назвал «ментами в законе».

Это те из нас, кто с годами не только нахватал себе достаточно звёзд на погоны, но и заручился «мохнатой лапой» наверху, став одним из членов привилегированной стаи, и теперь пользуется вполне осязаемой и действенной поддержкой на ещё более высоком уровне...

На этом основании он считает себя вправе вытворять что угодно и идти безнаказанно на практически любое злодеяние, – ничего не страшась и не оглядываясь на закон, моральные табу и мнение окружающих...

В принципе, в законченном и до конца сформировавшемся виде таковых – единицы. Это – высший ментовский комсостав, на уровне генералов и занимающих наиболее влиятельные должности полковников.

Но бациллы «мента в законе» дремлют, потихонечку разрастаясь, в очень многих из нас, и мало кто смог уберечься от их развращающего воздействия...

Кусочек власти, которой ты обладаешь, эта небольшая, врученная и тебе частичка общего права твоего государства творить над людьми замаскированный, но от этого не менее безграничный произвол – как яд, как наркотик, как самое сладкое и вкусное из всех лакомств!..

...Пройдёмся по всем уровням этого явления, начиная с «низа» и кончая самыми высокими его «эшелонами»...

Глава 1. Я – ОПЕР!..

1. Обо мне, родимом...

Начнём с меня. Старший лейтенант милиции, рядовой оперуполномоченный – «территориал» районного угрозыска. Ментовская «шестёрка», если называть вещи своими именами. Хотя нет, скорей уж – «семёрка»... Всё-таки не первый год «оперюсь»!..

За каждую провинность начальство увлечённо дрючит меня во все отверстия и использует, в числе прочих оперов, как затычку во все дырки. Ноль без палочки я для своих командиров, если честно!..

Но это – только для них...

Для граждан же я – представитель государства, одна из полноправных молекул его бездушной и всесокрушающей власти... Перед мною заискивают... Ко мне бегут за помощью пострадавшие от злоумышленников... Моей «крыши» жаждут и добиваются многие, начиная с торгующих на рынке мелких коммерсантов и кончая желающей завербоваться в ментовские сексоты и тем самым получить временную амнистию собственным грешкам уголовной шушерой...

И от того, помогу ли я этому конкретному человеку, или не помогу – зачастую целиком и полностью зависит его судьба в обозримом будущем...

Тем же терпилам, допустим, я могу помогать, бросив прочие свои дела, а потому – быстро и эффективно... Но могу – и не делать ничего, для гарантии обложившись со всех сторон оправдывающими мою пассивность бумажками... А у человека ведь, возможно, украли все сбережения, оставив практически без копейки, в совершенном отчаянии... Ну куда ему теперь деться?!.. Хотя в петлю лезь!.. Я же могу решить его проблему... Равно как могу и не решать!..

Вот только не говорите, что помогать я обязан каждому!.. Мало ли кто чего и кому обязан... Всем и каждому – не получается, нет на то ни времени, ни сил, да и – желания... Если понравится лицо данного человека (или, как вариант, если стимулирует материально) – могу подсуетиться для него в ущерб остальным, а не понравится или не отсыпал мне вовремя «лавэ» – извини, брат!.. На всех страждущих мои возможности не растянешь.

Так это ж я о честных людях говорю, о полноправных гражданах Отечества... Формально – хозяевах этой страны, в которой весь госаппарат только и существует для того, чтобы служить их интересам.

Что ж тогда о криминальной мелюзге говорить, о всяких там хулиганах, алкашах, наркушниках, воришках, проститутках, гопниках, наконец?.. Для них-то я и вовсе – Царь и Бог!.. Что хочу – то с ними и сделаю!.. (В разумных пределах, разумеется...). Они это знают, и – трепещут, и боятся меня, безжалостного и справедливого...

И недаром стерегу я каждый их шаг, обложив со всех сторон своими юркими агентиками и взяв их «под колпак» всевозможными способами и методами пристального оперативного наблюдения... Они знают, что рано или поздно я «закрою» их всех, но для каждого – отмерен свой срок... И для каждого – колоссальная разница в том, брошу ли я его за решётку сегодня, или отложу на завтра, а то и вовсе – на несколько месяцев...или лет...

Дёргая за ведущие к ним ниточки, я определяю многие повороты их доль и судеб. Это в моих руках – занесённая над ними державная секира, и зачастую (хоть и не всегда) только я и решаю, нанесу ли удар сейчас, или замешкаюсь...

2. Я на своей «земле»

Вот он я – неприметный, щупленький, ничем не выделяющийся в людской толчее... Иду по своей «земле», по обслуживаемому моим подотделом микрорайону. Невиден и малозаметен, но многие меня и видят, и замечают.

В окружающей людской толчее происходят неразличимые постороннему взгляду, но хорошо заметные мне перемещения и протуберанцы.

Одни – поскорее отвернулись, чтобы случайно не встретиться со мною глазами...

Другие – спешно заскользили между людских фигур, ускользая от моих бдительно стерегущих бандитское отребье глаз...

Третьи, напротив, преувеличенно громко и любезно поздоровались, ещё издали протягивая для рукопожатия распахнутые ладони... Я не брезглив, на чистоту рук и помыслов в подобных случаях внимания не обращаю, некоторым из таких руку даже и пожму, – нужный человечешко, полезный, пригодный как источник информации... Или же – может быть использован как подстава в одной из многочисленных, затеваемых мною оперативных комбинаций...

Но от многих других небрежно отворачиваюсь. Протянутая ко мне рука так и повисает в воздухе... Недостойны со мною ручкаться!.. Гниляки, ничтожества, падаль, компры у меня на них уж на пять лет строгой изоляции, – пора уж «закрывать»... Завтра и закрою, последние деньки они на воле болтаются, хоть сами про то ещё не ведают..

Я иду по своей «территории»... Она не только моя. Над нею много и других паханов, хозяев нынешней жизни, но те – брезгуют кусочничать, не поднимают с земли упавшие крохи, оставляя их доклёвывать мелким птахам вроде меня...

Но зато уж эти крошки – мои!

Тусующиеся на моей «земле» мелкие ларёшники, карманные воришки, спекулянты, компашки подростков, наркоманы, любители бухнуть, проститутки.

Это всё мой народец, мои крепостные...

Что захочу – то и сотворю с ними!..

Понадобится мне женщина, срочно и бесплатно сниму любую из ору-
дующих поблизости шлюшек, выбрав помоложе и незатрёпанной... И пусть
попробует отказать мне, кошёлка!..

Захочется после утреннего скандала с женою отвести на ком-либо
душу – остановлю первого же попавшегося на глаза ханурика, отведу в без-
людное место, начну цепляться: «Чё у тебя в сумке?.. А в карманах?.. А чё
глазёнки подозрительно бегают?.. А где ты был в позапрошлую среду, ори-
ентировочно с 19.30 до 19.45?.. Ах, не помнишь... Ну тогда – н-на тебе за
это!.. Н-на!.. Н-на, сволочь!..». И угощаю его десятком-другим отнюдь не
пирожков с повидлом...

А если, упаси Боже, ещё и наркота при нём найдётся или ножик, по-
хожий на тот, который описывался терпилой во вчерашнем гоппе... или ещё
что-либо явно незаконное или подозрительное – тогда всё!.. Амбед ему...
Отведу в райотдел, запрёмся в моём тесном кабинетике, и побью я его как
мамонта – дубиночкой, рученьками и ноженьками, периодически приго-
варивая: «А теперь говори, чего такого-этакого успел натворить ты со вре-
мени нашей последней беседы?..».

И ведь как следует нажмёшь на такого гадёныша, так обязательно за
каждым – за каждым! – найдётся какое-нибудь злодейство... Вонючая
кражонка хотя бы или мелкий наркосбыт...

Абсолютно невиновных людей в природе не существует. И зря усмеха-
етесь, дорогие мои читатели, морща недоверчивые гримасы, – допроси я
вас сейчас по полной программе – за каждым из вас что-нибудь обязательно
да всплывёт...

О блат-публике и говорить нечего, – бью и прессую я их, уже заранее
зная что виновны. Остаётся только уточнить, в чём именно...

Но это не значит, что я сразу же и непременно навешу на сознавшего-
ся «делюгу» и упеку его в «зону»... Зачем?! Мест в «зонах» всё равно хватает
лишь на каждого второго-третьего из заслуживающих отсидки... Вот лишь
каждого третьего я и «закрываю», руководствуясь в своём отборе: «кого каз-
нить, кого – миловать» – не самодурством и случайным выбором, а целесо-
образностью, интересами дела, конкретной криминальной обстановкой в
районе и на моей «земле»...

Этого я прощаю и амнистирую потому, что дружков-блатарей у него
много, вполне подходящий он в мои сексоты...

А тот дал мне на «лапу», и преступление им совершено пустяшное,
обязательной кары не заслуживающее...

Ну а те – просто хорошие люди, случайно оступившиеся и втянутые в
конфликт с законом... Без особой надобности хороших людей в тюрьму я
стараюсь не кидать. Хотя если понадобится для дела, – не дрогнет рука и
на них!..

Что, скажете – суд определяет степень виновности и меру наказа-
ния, а не я?.. Да, и суд – тоже... Но суды перегружены делами. Где уж им
вникать в тонкости, различать нюансы?.. Судья за те считанные часы,
которые он видит подсудимого перед собою, не в состоянии узнать его

поближе, почувствовать его душу, понять – чем человек дышит и на что пригоден... Для судебных все подсудимые в принципе – на одно лицо.

Я же, опер, с обвиняемым общался плотно неделями, а то и месяцами... А то и годами, если он регулярно прохлаждался на моей «территории». И я знаю о нём то, что ни один судья никогда не узнает!.. И пусть не в моих силах вытащить человека из суда и отменить судебный приговор, но ведь я могу сделать так, что человек тот под суд просто не попадёт, верно?..

Система правосудия в любой стране – это бесконечный конвейер сотворения различных бумажек. Совершенно преступление – и орган дознания (то есть – опер) оформляет необходимые для возбуждения уголовного дела материалы – первый этап.

Следователь строчит свои бумажки и подшивает их в уголовное дело, втыкая в него все нужные протоколы, справки, акты и экспертизы – второй этап.

Суд на основании материалов следствия и происходящего в зале суда проводит процесс и выносит свой приговор – третий этап.

А там ещё – кассационные жалобы, апелляции, просьбы о помиловании... В общем, бесконечная лавина всевозможных бумажек!..

Так вот, хоть и не во всех, но достаточно во многих случаях стоит только мне, рядовому оперу, на самом первом из этапов оформить одну из бумаг не так, а этак, и второго со всеми прочими этапами – просто не будет!.. Или, как вариант, состоятся и они, но совершенно уж по иному сценарию, и вместо длительного срока страдалец отсидит короткий срок, а то и вовсе отделается «условняком»...

Вот и получается, что не суд решил судьбу этого конкретного человека, а я. Хотя об этом, очень может быть, никто или почти никто даже и не узнал...

Проиллюстрирую примером. Ночью двое подвыпивших парней у коммерческого киоска шумели, требуя продать им бутылку водки и две пачки сигарет. «Бабла» у них немножко не хватало, а давать товар им в долг ларёшник, естественно, отказался... Тогда они со злости разбили два стекла в киоске валявшимся невдалеке на асфальте куском арматуры, но сделать больше ничего не успели: на шум прибежал милицейский патруль и задержал их.

Обоих доставили в райотдел, где они переночевали в «обезьяннике», а утром ими занялся я. Налицо были рапорт патрульных о задержании, объяснения ларёшника о произошедшем, «сознанка» обоих парней в том, что бедокурили и били стёкла... Мне осталось только определить, в какую сторону повернуть общее течение набирающего постепенно скорость бумажного потока.

Можно без особых укоров совести оформить всё как заурядную «хулиганку»: парнишкам по имеющимся уже материалам суд автоматом влечёт от 10 до 15 суток, плюс к этому ещё и стоимость разбитых стёкол после освобождения им придётся возместить... В общем-то, это – пустяк.

Но можно сконцентрировать внимание на том, что требуемый парнями товар не был оплачен ими сполна, то есть имел место как бы даже и грабёж, а если разобраться досконально – то именно грабёж, без всяких

оговорок!.. Внагиляк ночью два негодяя пытались взять «на гоп» несчастного продавца, – нарисуй я такое в своём материале, и тотчас будет возбуждено уголовное дело. Этих двоих – в СИЗО, где они как миленькие отсидят несколько месяцев, пока длится следствие и готовится суд. (Впрочем, некоторых угораздило дожидаться суда и по нескольку лет!) А там – и приговор. Минимум по этой статье – четыре года, но могут дать им и пять, и шесть лет...

Но и это ещё не всё!.. Начни я копать совсем глубоко – чем стёкла-то били?.. Ломиком!.. Тем же ломиком они вполне могли и голову ларёшнику разбить... Отсюда вывод: грабёж был осуществлён опасным для здоровья и жизни пострадавшего способом, то есть это – самый что ни на есть сто-процентный разбой!.. Двое озверевших маньяков замыслили убить торговца и забрать его выручку, что и случилось бы непременно, кабы патруль не подоспел... Слава нашей доблестной милиции, предотвратившей очередную жестокую мокруху!..

А разбой, братцы, это уж особо тяжкое преступление!.. За него сроки дают – будь здоров, и при данном раскладе восемь лет усиленного режима каждому – это минимум светящего им... При неблагоприятном же настроении судей могут вклеить и полновесный «червонец»!.. На моей памяти было даже два случая, когда в такой же ситуации давали и по двенадцать лет...

Отсидеть 10 суток в изоляторе временного содержания или 12 лет в «зоне» усиленного режима – есть разница?.. Есть!.. Да ещё какая!..

Так что вполне могли ребята загреметь в узилище на пару пятилеток и покорёжить себе всю оставшуюся жизнь этой, в общем-то, заурадной «хулиганкой», – подумаешь, выпили хлопцы и покуражились маленько... И все основания имел бы суд с ними так поступить, но – не поступил. И не потому, что месяцами разбирался в ситуации и просёк, что не опаснейшие бандиты перед нами, а обыкновенные ребята, каких кругом – море...

Нет, не по этой причине их судьбы остались неизуродованными, а потому лишь, что встретился в самом начале конвейера, затянувшего их в свои шестерёнки грозного механизма правосудия, я, молодой и пригожий... Сориентировался сразу, пробил личности обоих, понял – яйца выеденного то дело не стоит! И недостойно наше государство того, чтобы во имя его абстрактных принципов «законности и правопорядка» губить этих вот двух вполне конкретных парнишек...

Тем более, кстати, что один из них в прошлом помог мне разоблачить и посадить своего знакомого-домушника, а у второго – маманя в супермаркете отделом заведует, и с неё можно получить в знак благодарности за освобождение сыночка некоторый презентик... Но можно и не получать, это необязательно, желательно лишь... Я не шкурник. Но тут важен принцип: мне выгоднее не «закрывать» эту парочку, и обществу это выгоднее, и в конечном счёте, это выгоднее даже и государству...

... А я всегда стараюсь делать то, что выгоднее и полезнее!..

Вот почему – никакого грабежа, а тем более – разбоя... «Хулиганка»!.. Чистой воды «хулиганка»!.. Районный суд по моему определению в тот же день отштамповал обоим по 10 суток, честно отмотали они их от звонка до

звонка, мамаша одного из парней заплатила хозяину ларька за разбитое стекло, а мне выставила парочку бутылок коньяка – за проявленный мною гуманизм... Всем – хорошо!..

(В данной ситуации я вправе был потребовать и более серьезной мзды, но не захотел. Это уж могло потянуть на «дачу взятки», что чревато... А выпивка – это не взятка, а угощение! Сегодня добрая женщина угощает меня коньяком, завтра – я её, что ж тут плохого?.. И уважение ко мне проявлено, и риска для меня ни малейшего... А в будущем, если мне понадобится более серьезная услуга со стороны заводителовши – всегда будет возможность напомнить об оказанной мною её семье услуге...).

Уже полтора года прошло со времени описанной истории. Оба парня наверняка уже и забыли про этот неприятный для них, но, в общем-то, мелкий инцидент. А ведь сложись всё иначе – были б сейчас за решёткой, и ещё долго-о-о-о-о-о находились бы там... Я их спас от большой беды. Они это знают (если забыли – в случае надобности обновлю им память), и я это знаю. И мне – приятно.

... Собачья у меня работа, согласен... Но и она кое-что даёт. И самое главное – это ощущение силы и власти, ежедневно подкрепляемую уверенность в том, что я умней, напористей, талантливей и удачливей многих других...

Работа периодически рождает во мне чувство того, что я – Хозяин Жизни.

3. Моя текучка

Вчера, к примеру, наглого бандюгу запутал в сетях оперативных «комбинашек», и при сильнейшем дефиците улик и вещдоков сумел вначале – «закрыть» его, а затем и вытрясти из этой скотины «чистосердечные», что обеспечит ему суровый приговор...

Сегодня – вернул состоятельному чмырю часть уворованного у него мебельного гарнитура, а он в благодарность выставил мне поляну в кабачке средней руки...

Завтра – прихлопну наркобарыгу. Не всех торговцев «дурью» надо прихлопывать, многие из них вполне полезны в проводимых угрозыском «играх» с криминалом... Но есть и такие, которых пора уж к ногтю!.. Вот одним из таких и займусь. Он хитёр и изворотлив, а я ещё шустрей и изобретательней, и никуда ему от меня не деться... Он будет моим!..

Есть и совсем исключительные случаи, – вроде того, что произошёл в позапрошлом месяце...

Мокрогубый пэтэушник завёл знакомую ему с детства девчущку на пустырь, там изнасиловал её, а затем перепилил ей горло прихваченной с собою из дома ножовкой.

А позднее, когда на пустыре был найден растерзанный труп, первый же сочувствовал зарёванным родителям девочки и клялся-божился найти и растерзать неведомых её убийц...

И не «следак»-кретин выследил его, куда ему... Это я, опер, с самого начала этого парнишку в чём-то смутно заподозривший... Глазки у него были какие-то... блудливые!.. Вот и намекнул гадёнышу, мол, кое-что о нём знаю...

Заметался он от моих тёмных намёков, замандражировал, совершая одну промашку за другой... Я следил за ним внимательно, используя каждую возможность прокачать его «на косвенных»... Он и поплыл...

Вначале кинулся перепрыгивать те простенькие золотые серёжки, которые снял с убитой – после того как я ему насвистел, что знаю, где они лежат... Он и поверил, дурашка!.. Сам меня к ним, фактически, привёл...

А позднее, на допросе, когда стал он от всего открещиваться, мол: «Увидел её на пустыре уже мёртвой и забрал серёжки себе на память...» – и заключение экспертов не позволяло припереть его неоспоримо к стенке, – именно я полностью расколол его!.. И не только побоями, нет... Я его морально измордовал!.. Допёк его словами так, что убитая девочка встала проклятием перед ним, и не выдержал он взгляда её мёртвых глаз – сломался... Всхлипывал и рыдал в моём кабинетике, живописуя подробности того, как насиловал и убивал, но самое важное – заодно и рассказал, куда ножовку закинул, со следами крови и отпечатками своих пальчиков...

Он ведь почему так легко сдался-то?.. Потому что я ему подсказал: если не отпираться, а всё признать, тогда больше шансов скосить «под дурику» и вместо «пожизненки» отделаться небольшим сроком принудительного лечения в психушке... Он так и планировал: подлечусь маленько, потом выйду на волю – и ещё кого-нибудь изнасилую и убью!..

Но напрасно он губу раскатал!.. И не только потому, что никто из него, смышлённыша, делать «дурика» и не собирается, а и оттого ещё, что уж позаботился я пустить перед ним слухок в СИЗО, в ту камеру, где ему до суда сидеть придётся: вот вам, ребятушки, подбрасываем на перевоспитание редкостного уродца, который дитя изнасилдовал, убил и ограбил в придачу!.. О-о-о, чую – тяжко ему в камере той придётся...

... И почему-то уверен я, что уж никого этот губастенький не снасильничает и не убьёт...

... Власть над людьми – страшная сила... Привыкаешь к ней почти мгновенно, а отвыкнуть потом почти невозможно...

Глава вторая. СТАРШИЙ ОПЕР

1. Ненавижу!..

Спросите нас, рядовых розыскников, кого мы ненавидим больше всего?..

Бандитов?.. Нет...

Большинство бандитов – сволочи. Иногда какая-нибудь бандитская мразь натворит совсем уж несусветку – ребёнка, к примеру, по-садистски убьёт или руку на мента подымет... Такая иногда злоба вспыхивает на таких – так и прибил бы!..

Но, отведав душу на этой мрази руками и ногами, – успокоишься, оттаешь душой... Кто целиком и полностью находится в твоей власти, кто уж не опасен – тот не может быть объектом жгучей ненависти... Вот почему отношение оперов к бандитам в целом – спокойное, сугубо профессиональное,

бесстрастное, почти что благодушное... Их дело – воровать, грабить, насиловать и убивать. Наше дело – ловить и избивать их... Как говорят в Голливуде, «ничего личного – только бизнес!». А начни мы волноваться и палить с каждым криминалом нервную систему – долго не протянем...

Кого же ещё можем ненавидеть мы долго и жарко – уж не своих ли горячо любимых тещ?..

И опять – мимо...

Тёща – тоже человек, особенно если общаться с нею не очень часто. Согласен, раздражает она порою чертовски...

То сделает что-нибудь «не так», то «варежку» разинет невпопад... Естественно – огрызнёшься парой ласковых, а после – несколько месяцев приходится воздерживаться от и без того не слишком регулярных встреч и общений... (Это хоть и огорчительно, но не очень...).

Однако же не только ведь вред от тещи, верно?.. Изредка денежку своей дочери (твоей жене то есть) подкинет или внучонка возьмёт к себе на выходные, чтоб вы сами немножко отдохнули от сынули... А там, глядишь, заскочив как-нибудь в гости к любимой теще, чем-нибудь вкусненьким у неё побалуешься...

Короче, отношение к тещам – избирательно-неоднозначное. Порою так и хочется пристрелить вредную каракатицу!.. А иногда – совсем наоборот.

«Спасибо вам, Серафима Лукинична, за то, что вы есть на этом свете!». (Да-да, однажды по пьяни своей теще так и ляпнул, – до сих пор вспоминать стыдно... Никогда не буду больше в её присутствии так напиваться!..).

Но кого ж тогда дружно и сплочённо ненавидят лютой злобой практически все опера?.. Кому в любую секунду готовы вцепиться в глотку?.. О ком не могут вспоминать без зубовного скрежета и душевной боли?..

Ответ один: это – наше Начальство!.. Ох и допекло же оно нас – до самых что ни на есть печёнок!.. И так норовят нас утеснить отцы-командиры, и этак... То одну подлянку кинут личному составу, то совсем другую... словно живут по принципу: ни дня без того, чтобы не учудить побольше гадостей подчинённым!..

И дело даже не в том, что наши начальники – так уж плохи... Тогда хоть была б надежда, что плохих начальников когда-нибудь заменят хорошие, и дела наладятся... Но нет, «начальник» – это как клеймо на занимающем эту руководящую должность, вне всякой зависимости от того, хорош или плох он сам по себе...

Просто поганый человечек в шкуре начальника делается ещё поганее, а совестливого место руководителя портит... Иначе нельзя – должность такая!..

Наше начальство – как передаточное звено между морем терзающих наше общество проблем и неспособностью властей (по всевозможным объективным и субъективным причинам) их своевременно и в полном объёме решать... А решать – пытаются. Отсюда – куча идиотских законов, инструкций, приказов, указаний и поручений...

С самого верха эта снежная лавина катится вниз. Руководство всех уровней призвано обеспечить «неукоснительное исполнение» того, что исполнить невозможно, даже и теоретически... «Верхи» – дают, «низы» – хитчат и ловчат, начальство сердится и гавкает, подчинённые оправдываются, врут, выкручиваются и живчиками увиливают от разоблачения и кары... Но то и дело кого-нибудь всё ж разоблачают и наказывают, позавбыв только объяснить ещё не разоблачённым, как можно жить и полноценно исполнять служебные обязанности, не совершая именно того, за что недавно был покаран наш «засветившийся» товарищ...

В одном нашему начальству не откажешь – обойтись совсем без него всё-таки нельзя. Кто-то же должен управлять стихией!.. Кем-то так или иначе приходится жертвовать, испохавив его назначением на руководящую должность. Вот и жертвуем... Иногда – достойными, совестливыми и работающими (таких потом – жалче!), но в основном – типичными мусорами... Если уж кто-то должен исполнять роль гниды, так уж лучше – они!..

... Лично я, к примеру, ни за какие коврижки в руководители не пошёл бы!.. Ну его... Делать «как надо» мне всё равно не дадут, а исполнять слепо всё, что требуют – не хочу!.. Ну то есть как... На своём уровне именно этим я каждодневно и занимаюсь, но при этом отвечаю только за себя и сам держу ответ перед своей совестью. А если поставить меня во главе какой-нибудь команды – поневоле придётся заставлять других делать немалое количество гнусностей, гадостей и подлостей... Не желаю!..

2. Непосредственный – увы, посредственный

... Что способна сделать пусть и маленькая, но всё-таки власть над людьми с её обладателем – покажу на примере возглавляющего наш территориальный подотдел старшего оперуполномоченного, моего непосредственного начальника.

(Для справки: наш подотдел курирует один из микрорайонов Заводского района города Энска. Жилмассив поделён на две половины. Два опера (или, как вариант, опер + помощник опера) опекают одну из половин, ещё два – другую, возглавляющий же подотдел старший оперуполномоченный (обычно в капитанском звании) координирует их деятельность и отчитывается за них перед начальником угрозыска).

В общеизвестной и правильной мысли: «Чем выше занимаемая должность – тем дерьмовее человек!» есть маленькое исключение: это когда и на невысоких должностях оказываются личности малозначимые и вредненькие...

Нельзя сказать, впрочем, что наш капитан – дурак. Сам по себе он вовсе не глуп... (Да дураки начальниками обычно и не становятся. Чтобы выбиться в чины, нужны хоть какие-нибудь, да смекалка, определённая хватка, некоторая ловкость, наконец...

И человек-то наш старший опер – не из самых паршивых, нет в нём природной зловредности и желания нагадить ближнему... А в своё время, когда был он ещё рядовым оперуполномоченным в этом же райотделе, даже и уважали его товарищи за старательность и работящность...

Но потом, оценив его плюсы, и за неимением большого выбора кандидатур, назначило его руководство пусть и маленьким, но – боссом!.. И сразу же таким «тормозом» заделался...

Не имея ни малейших организационных талантов, будучи не способным сплотить и повести за собою свой маленький коллектив, с максимальной пользой эксплуатируя сильные стороны и достоинства каждого, он в то же время суетился изо всех сил, стараясь доказать начальству, что оно не ошиблось в выборе, приподняв его над общей массой... Доказывал всячески, что вполне заслуживает если и не дальнейшего повышения по служебной лестнице, то хотя бы оставления в прежнем, «приподнятом» состоянии, и больше всего боялся возврата в былое, «молекулярное» состояние...

Постоянные крики, матюки, идиотские поручения, зачастую – бессмысленные, ещё чаще – неисполнимые... Дёргал ребят по мелочам, а помощи в серьёзных вопросах от него не дождётся!.. Понятно, что в таких условиях работа завалилась, и показатели покатались под уклон...

На оперативках в РОВД нас всё чаще начали склонять во всех степенях. Но своей вины в этом капитан вполне искренно не замечал, «вы же видите, я днюю и ночую на работе!», а поскольку кто-то конкретный ответить за провалы должен, то во всех неудачах клял подчинённых ему оперов: такие и сякие, блины, болваны, бездельники... А всё почему?.. Да потому, что гениальных его указаний не исполняют в точности!..

Ладно... Разберёмся с тем, что же конкретно он указывает...

Скажем, вызывает меня к себе и интересуется: «Чем думаешь заниматься?..». Ну думать-то я могу пивка хлебнуть в любимом мною пивбаре «Три богатыря», невдалеке от райотдела... Но отвечаю что положено: «Через час со следователем Сысуевым и вором-форточником Демьяненко едем на «территорию»... Вор дал вчера явку с повинной на совершение им кражи по Мостостроительной, дом 24, в позапрошлом месяце... И теперь воспроизведём события на месте, пусть всё покажет и расскажет, под протокол и при понятых... На этот месяц «следак» уже не успевает закончить оформление раскрытия кражи, а вот в показатели следующего месяца это пойдёт!..».

Казалось бы, ясно всё объяснил, да?.. А старший опер взрывается: «Ты об этом месяце думай, а не о следующем!.. У нас в этом месяце по раскрытиям полный завал... Значит так: немедленно езжай на опрос свидетелей по краже «Москвича» у фотографа Фридмана!».

Недоуменно пожав плечами, пытаюсь объяснить: следователь уже ждёт доставки домушника из СИЗО, и та кража уже раскрыта, осталось только задокументировать... А эту ещё только предстоит раскрыть, и удастся ли найти вора – большой вопрос!.. Наверняка «Москвич» уж разобран на запчасти и продан в качестве таковых на местном рынке...

Затем, поколебавшись, сообщаю заветное: с «Демьяном» есть негласная договорённость, что вдобавок к своей «родной» краже он при воспроизведении возьмёт на себя ещё и две «левых», не им совершённых... Ему ведь всё равно придётся сидеть – что за одну кражу, что за три... А нам приличный довесок к показателям раскрываемости!.. Мы же за это его куревом и чаем в СИЗО «подогреем»...

Любому оперу такие аргументы – что железобетон. Но капитана заклонило: «Я сказал – езжай на адрес к фотографу, и точка!..». И кулачком уже по столу стучит, словно и впрямь меня в чём-то худом уличил.

А ведь я лишь о службе беспокоюсь!.. Мне-то лично что – больше всех надо?..

Хотя и – вру... Его дуrolомство рикошетом бьёт и лично по мне. Послушайся я старшего опера – не будет в следующем месяце трёх раскрытий преступлений в мой план... Запишут невыполнение!.. А если ещё и на работу угораздит разок опоздать или же залететь в какую-нибудь халепу по пьяни – объявят строгий выговор, а то и неполное служебное соответствие... Так недолго и из органов вылететь!.. И этот дятел за меня ни за что не вступится, наоборот – напомним: «Ты ж и к Фридману тогда лишь после второго напоминания выехал!..».

Самый лучший вариант в таких случаях: внимательно выслушать старшего опера, старательно ему поддакивая, а затем сделать по-своему, как и планировал... Ну а отмазку перед капитаном потом придумать – это уж дело техники!..

... И оно мне надо – вместо поддержки своего непосредственного начальника иметь от него постоянно одни чиряки на задницу?.. А ведь у нас в «конторе» такое – за правило. Редко когда встретишь дельного руководителя, да и тот вынужден как-то маскироваться, подделываясь под общий стиль дуrolомства, чтоб «вышестоящие» не опознали чужака и не съели... Таких примеров – уйма...

Между прочим, до этого старшим опером был у нас совсем иного склада товарищ: неугомонный, заводной, весь в работе... Постоянно бегал, лазил где-то, вынюхивал, высматривал, с людишками топтался, выводывал нужную информацию...

Бывало, появляется возможность всем подотделом сесть и спокойно напиться. Всем подотделом так и делаем, один он, сорвавшись с места, мчится в СИЗО, допустим, «из оперчасти звонили – можно пробить сознанку по мокрухе в Лосиной балке!..».

Ну-ну, думаем... Старайся там, бегай, пока мы будем конкретно бухать!..

Но чужая старательность заразительна! Глядя на такого «старшого», иногда и самому хочется что-нибудь сотворить сверх уставного!..

Потом забрали того «старателя» с повышением в горУВД. Иногда встречаемся на совещаниях и оперативках. Если просишь его о помощи – сразу же: «да, конечно, о чём разговор?!». И делает всё, как обещал... Толковый мужик.

А с этим, нынешним, не то что работать – даже находиться вместе в одном здании не хочется!..

г. Днепропетровск.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Находка

Романтическая поэма

1.

В широких степях приазовской земли
трёх каменных баб землепашцы нашли.

Их выпахал трактор, кладя борозду,
он путь на Полярную правил звезду,
вдруг сталь скрежетнула, мотор «зачихал»,
и понял парнишка, что он — отпахал.

**Николай
Владимирович
ПЕРЕЯСЛОВ**

– поэт, критик, прозаик, журналист. Член Союза журналистов Москвы и Международной Федерации журналистов. Секретарь правления Союза писателей России. Член Международной Ассоциации писателей и публицистов. Действительный член Петровской академии наук и искусств.

Родился 12 мая 1954 года в Донбассе. Окончил заочно Литературный институт им. А.М. Горького (семинар критики). Работал шахтёром, геологом, журналистом, чтецом-псаломщиком в православном храме в Тверской области, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы, советником председателя Комитета по телекоммуникациям и СМИ города Москвы.

Автор 21 книги стихов, прозы, критики и поэтических переводов, печатался в газетах и журналах России,

Украины, Беларуси, Молдовы, Армении, Грузии, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, США, Китая, Германии, Болгарии, КНДР и других стран.

Участник выездного пленума Союза писателей России в Чечне, Конгресса народов России в Якутске, Первой международной поэтической конференции в Каире и нескольких Всемирных Русских Народных Соборов.

Награждён медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», медалью РПЦ святого благоверного князя Даниила Московского, орденом М.В. Ломоносова, Почётной грамотой Министерства культуры РФ и другими наградами.

Лауреат литературных премий имени Андрея Платонова, Бориса Корнилова, Алексея Толстого, святого князя Александра Невского и Большой литературной премии России. Давний автор «Нивы».

Он трактор покинул, пошёл выяснять,
нельзя ль будет лемех зазубренный снять,
а новый — поставить?.. И в лунных лучах —
увидел вдруг слёзы в открытых очах.

Зажёг он фонарь, и под плугом возник
нездешней красавицы каменный лик —
из камня причёска, из камня глаза...
Откуда ж у бабы живая слеза?

И словно бы голос раздался в ответ:
— Мой милый! Слезе этой — тысяча лет!
Её породили обида и боль,
что душу мою выжигают, как соль.

В орде Шарукана я розой цвела,
лицом смуглокожа, душою — светла,
скакала степями на пылом коне,
сам Тенгри небесный был ласков ко мне.

Любовной поры я достигла тогда.
Четырнадцать лет — вот невесты года!
Всё краше я делалась день ото дня...
И ханский племянник приметил меня.

Он был, точно жаба, противен и глуп,
свисала всё время слюна с его губ,
на толстых щеках жир застывший блестел,
и день ото дня он всё больше толстел.

Он просто мне шагу ступить не давал,
он трезвый и пьяный ко мне приставал,
завидев меня, он кричал во всю мочь:
«Ты будешь моею в ближайшую ночь!»

Красивое тело — высокая честь!
Все требуют ласки, суля взамен — мечь.
Уж лучше родиться хромой и косой,
чем злить сластолюбцев своею красой...

2.

Однажды под вечер в реке Сюурлюй
я мылась среди серебрящихся струй.
Ласкала мне тело речная вода,
всходила на небо ночная звезда.

В камнях разбиваясь, журчала река,
текли птичьи посвисты из ивняка,
кузнечиков трели звенели в ушах...
И я — не слышала вкрадчивый шаг.

Он бросился в воду, от страсти дрожа,
он мял мои груди, смеясь и визжа,
потом на плечо, как мешок, положил
и быстро на берег со мной поспешил.

Ступив лишь на сушу, он бросил меня,
как всадник добычу кидает с коня,
и вслед навалился, подобно скале,
меня припечатав былинкой к земле.

Я с детства свободой питала свой дух,
меня просто так не возьмёшь на испуг!
Я землю рукою хватала в тоске —
и камень попался мне в мокром песке.

Не помню, как пальцы зажали кремень,
мой ум заслонила обида, как тень,
взмахнула рукой я — послышался хруст —
и труп откатился под ивовый куст.

Схватив своё платье, я бросилась прочь,
надеясь, что даст мне укрытие ночь,
и мчалась на проблеск Полярной звезды,
пытаясь себя увести от беды.

Но стоило Тенгри над полем взойти,
сто конников мне перекрыли пути,
меня отыскав по примятой траве...
Мать мёртвого сына — была во главе.

3.

О боги! Как больно и вспомнить о том,
как били меня сыромятным кнутом,
как лопалась кожа моя на спине
и кровь, запекаясь, струилась по мне.

Избитая вся, я упала в траву,
едва созная: живу — не живу?
Казалось — сам воздух стал едким, как соль,
и мне доставляет мученья и боль.

Но этим не кончились муки мои —
и в час, когда в ивах поют соловьи,
за ноги к коням привязали меня
и плетью огрели их, в поле гоня!..

Не стану описывать, что в смертный час
пришлось мне узнать... Просто мир вдруг погас,
как будто, безмерно сочувствуя мне,
сам Тенгри светить перестал в вышине.

Не помню, как долго влачили меня
два мчащихся полем безумных коня,
но, выдохшись и бесконечно устав,
они возвратились в знакомый им стан.

Я помню пронзивший Вселенную крик —
то мать моя мой изувеченный лик
узнала в притащенных в лагерь кусках...
И разум её опалила тоска.

В безумстве схватила она острый нож
и бросилась к вежам сановных вельмож,
вбежала в шатёр, где жила мать того,
кто вызвал причину конца моего.

Там мёртвой горой мой обидчик лежал.
В лампадах — огонь желтоватый дрожал.
Над траурным ложем, как ива к воде,
убитого мать наклонялась в беде.

«Он был некрасив, толстозад, толстогуб,
отчаянно глуп и чудовищно груб, —
сказала она, сидя в позе одной. —
Он был — идиот. Но он сын мой родной...»

4.

Что дальше случилось — не видел никто.
В преданьях народа осталось лишь то,
как в центре становища вспыхнул шатёр,
пылающий, как погребальный костёр.

На месте пожара в золе и в пыли
три мёртвые тела позднее нашли.
Средь них — мой насильник. А прямо на нём —
сожжённая яро пылавшим огнём,
его обожавшая мать, не дыша,
с торчащей в груди рукояткой ножа.

А рядом, найдя себе вечный покой,
лампаду зажав обожжённой рукой, —
там мать моя узнана всеми была.
(Она-то огонь всюду и пролила!..)

На память об этом, спустя много лет,
чтоб время не стёрло бледнеющий след,
ваятель три камня из речки достал
и наши три лика на них изваял.

Взгляни на меня — видишь слёзы мои?
Когда в ивняках запоют соловьи,
ты вспомни, как наша судьба коротка.
Лишь боль никуда не уходит века.

Открой свои веки пошире, мой друг.
Ты рад ли той жизни, что видишь вокруг?
Мир вновь некрасив, толстозад, толстогуб,
отчаянно глуп и чудовищно груб.

При том — уязвим (можно камнем убить!).
И страстно любим (как его разлюбить?).
Знать, нету другого исхода у нас,
как вместе сгореть в погребальный наш час...

5.

... Парнишка встряхнул головой — и дурман
развеялся, точно над полем туман.
Вот трактор. Вот взрытые плугом поля.
Вот близкая сердцу родная земля...

За нашей спиной — века и века!
Там память столетий течёт, как река.
Там гибли народы в огне и в крови,
душою стремясь к красоте и любви.

Пусть время ведёт себя, как идиот,
паши свою землю, люби свой народ,
работай, чтоб мир этот радостней стал
и нас сыromятным кнутом не хлестал.

Отчизна моя! Ты меня не забудь,
пусть будущий пахарь найдёт как-нибудь
мой каменный лик посреди борозды
при свете далёкой Полярной звезды.

Что проку любить на земле и страдать,
коль это — столетьям нельзя передать?..

г. Москва.

Александр УБАСЬКИН

Первая победа

Рассказ

Жизнь покидала меня, и мои собственные слёзы оплакивали её. Я умирал, хотя из всех толпящихся вокруг меня людей, пожалуй, единственный, кто не должен был покидать этот мир именно так и именно сегодня. Я был трус. Но все кругом сейчас называют меня смельчаком, а бабульки – героем. Господи, но ведь я должен был жить долго. Я всегда знал, каким буду стариком, какие у меня будут солидные очки (а лучше пенсне), какую буду выращивать необыкновенную клубнику. Я до сих пор почти не знал женщин и мечтал о том, что ко мне, пожилому, иссечённому жангабеновскими морщинами, будет приходить, нет! нет! не медсестра, а именно сестра милосердия, и ей будут, конечно, приятны мои галантные манеры и полнейшее отсутствие жалоб и стонов. Уже сейчас в моей тетрадке было заготовлено два десятка анекдотов и шуток про врачей и больных, конечно, тонких, я бы сказал, салонных, в которых напрочь отсутствуют любимцы юмористов гинекологи и сексопатологи.

Я даже научился одному превосходному похлёбкинскому рецепту заваривания чая, за который обязательно получу её обворожительный комплимент. А вдобавок и собственное малиновое варенье. И болезнь у меня, непременно, будет серьёзная и обязательно сердечная. Меня станут касаться её тёплые пальцы, а я буду вдыхать запах её утренних волос. Они будут с паутинками седины, и когда их волна будет накрывать её лицо, мне будет позволительно беззастенчиво любоваться ими.

И вот этого, кажется, уже ничего не будет. Видно, ладони Судьбы были очень заняты и не успели отвести от меня беду. Вместо моего ангела-хранителя сейчас мне искусственное дыхание делал огромный скоропомощный детина, наполняющий мои лёгкие мальборовским дыханием. Он напоминал автомобилиста, накачивающего раскисшее колесо, но, скорее всего, мне уже не ехать с ним по одному маршруту.

Ну почему, Господи, всё так получилось? Ведь я жил очень тихо и незаметно, с застроченными желаниями. Больше всего на свете я любил своё гнездо, со стенами, напоминающими гербарные листы; свои книги, расположенные на полках так, что задвинутые во второй ряд многотиражные Пикуль и Семёнов тщетно пытались вытянуться над томами Достоевского, Гоголя и Набокова. И надо отметить, что страницы скандальной «Лолиты» нисколько не были замусолены. Я сам сотворил этот мир. Всё, что я создавал вне дома со всеми людьми, это был вклад в общую копилку, и я брал плату за это – моим спокойствием. Я не наживал врагов и не заводил друзей. Если

в моё жилище проникали случайные незваные гости, то быстро выпроваживались, а мухи и комары уничтожались. И лишь однажды обнаружив за шкафом паука, я не убил и не прогнал его, так как он сидел в моей любимой позе, поджав ноги и даже не пошевелился при встрече со мной.

У меня никогда не было ни кошек, ни собак. Ведь у них наверняка есть свои привычки и, скорее всего, отличные от моих. А если несовместимость станет критической? Сколько раз я встречал в своре заштатных бродячих собак жалких и истерханных породистых колли, спаниелей и болонок, оказавшихся на улице и вызывающих такую грусть, как вид подвенечных платьев, сданных в комиссионку.

В моей квартире был идеальный порядок, хотя веник с обленившимися повадками денщика был спроважен на антресоли; любая хлебная крошка сразу же бралась мною на учёт и аккуратно пальцами переносилась в мусорное ведро. Дома я мог бы быть и незрячим, так как знал место любой вещи и, кажется, за всю жизнь ни разу не споткнулся об стул или кресло, которые жили строго в отведённых местах. В своих стенах я никогда мысленно не употреблял слово «искать» и никогда не задавался вопросом «где?».

Я никогда не понимал людей мазохистски живущих в информации катастроф, аварий и катаклизмов, получающих наивысшее блаженство, если число жертв переваливало за единицу с тремя нулями. Если сослуживцы начинали обсуждать какое-нибудь происшествие или кровавый боевик, то я уходил из комнаты или старался полностью погрузиться в работу.

Мой телевизор был очень старой марки, и я в шутку называл его «Профессором Амосовым», так как тело его ещё было очень молодо. Включался он, особенно в последнее время, довольно редко. Мне не хотелось прорубать окно в чуждый мне мир. Там не было тургеневских женщин, пастернаковских свечей, буинских беседок.

Дневную душевную изморозь я растапливал обычно у вечернего окна, наблюдая, как ежеминутно вырастают тени, любимые внуки надвигающейся ночи, не обращая внимание на одиноких сторбленных, словно дезертиры, прохожих или на заикающиеся гудки нервного такси. Я любил любое время года. Мне одинаково дороги были майское тепло, задаток летней жары; ежевичные сумерки августа; пора канареечного грима демисезонной листвы, суета синиц на припорошенной кормушке и кликушество декабрьских метелей за окном, вечно с подвыванием просящихся в комнатное тепло.

Мир моего воображения был самодостаточен и больше принадлежал Серебряному веку. Там, словно окутанные шифоном тумана, существовали другие вечера со слегка декольтированной луной, окружённой заурядными искрами; с первыми зацелованными записками и с юной однопартницей, чей нечаянный платочек чудом сохранился, чтобы исполнять миссию шёлковой закладки памяти.

Иногда в полудрёме и грёзах я засиживался до той поры, когда чернильную тьму ночи не начинал осветлять ластик рассвета, а первый луч, словно солнечный гид, не приступал к утренним экскурсиям.

С самого раннего детства внешний мир был страшен для меня, сначала таинственно, а затем обыденно. В нём всегда находился некто враждебный мне. Казалось, что я притягиваю обидчиков возможностью их безнаказанной самореализации. И хотя у меня не было явных недругов, но опасности, а значит и страхи, были повсюду. Ни одно чувство на свете: любовь, радость, счастье я не знал так точно, до последней ижицы, как страх. Я изучил все его маски, все его талантливые, но заезженные роли, и даже иногда с усердием суфлировал ему. Я был достаточно трезв, чтобы понимать – его вериги нацеплены мне самой Судьбой.

И вдруг тот первый случай, первый Поступок, первый побег из застенков страха, который изменил всё настолько, что я умираю именно сейчас и именно так.

Это был маленький мальчик, лет пяти-шести, очень неприбранного вида. Он бежал по улице, разрезая утреннюю озабоченность города пронзительным криком. За ним суетливо, но громоздко гнался огромный, как мне показалось, дворово-доминошный детина. Ни крик, ни бег мальчика не были обращены ни к кому конкретно, хотя кругом была масса спешащих прохожих.

В своей жизни я видел много драк, избиений, но всегда находил оправдание, чтобы не ввязываться в переделки. И облегчённо вздыхал, когда это делали другие. «Вот видишь, всё обошлось, и ты остался цел и невредим». Так было много раз, и я к этому привык.

Но тогда, или вид ребёнка был очень несчастный, или сама картина происходящего: очень маленький ребёнок и здоровенный громила. Меня пронзил ужас от предчувствия неизбежной беды, но я уже протягивал руки помощи, в которых через мгновение укрылся малыш. Детина подскочил ко мне, но на лице было больше нерешительности, чем ярости. И это его замешательство вдруг придало мне смелость и силы. Страх ещё пытался царствовать, но новое, доселе неизведанное мне чувство силы и решительности врывалось в его владения. Я стал разгибаться. И вдруг детина буквально залепетал, бормоча о том, что мальчик его не слушает и не идёт домой. Но я не слушал его. Я видел только его сгорбленную фигуру, его страх передо мной. Я видел, что победил. Победил впервые в жизни. И это оказалось так просто. И чувство победы, благородного поступка было гораздо лучше, чем удовлетворения, получаемые мной при вечных моих отступлениях. Я торжествовал, и опять это чувство было новое для меня. О, упоение победой за благое дело! Торжество Виктории приветствовалось каждой клеткой.

Я, конечно, часто видел лица победителей, но никогда не завидовал им. У олимпийцев была своя судьба, отличная от моей. Я уживался в своём мире, я умел существовать в нём. И вдруг это новое

состояние. Я, конечно, не стал другим. Ничего не изменилось внешне, да и внутренне в моей жизни. Все привычки остались со мной. Но во мне словно весенней пичужкой строилось гнездо для рождения нового ощущения. Я не мог дать ему название, да и оно не оформилось ещё ни в одно из существующих понятий, а было только её эскизом, более похожим на объяснение взмахом руки, чем кистью. Так мы волнуем воздух, дирижируя руками, пытаюсь объяснить что-то более себе, чем окружающим. Нечто уловленное нафантазированной мыслью, чем рассудком и логикой.

И как ни странно, я был рад, что ОНО во мне поселилось, хотя проверенный и надёжный страх говорил мне: «Опомнись!». Но я принимал это за его ревность. Он не терпел треугольника, мой верный Санчо Панса.

И только сейчас, в окружении утомлённых от ожидания ангелов, я понимаю, что сладостное чувство было разрушительным для меня. Первая победа над страхом не отворила окно в новый для меня мир, а только чуть-чуть приоткрыло форточку, но и этого было достаточно, чтобы свежий воздух необычного мира ворвался ко мне. Я заметил колыхание штор, но упоение результатом было столь необычным, что я не прислушался к голосу разума и опыта. Так дети, стоя посреди большой весенней лужи, счастливо топают по воде, не подозревая о бедах, не обращая внимание на родительские вопли.

Меня по-прежнему окружал мир опасностей и жестокостей, и я всё так же был в нём беззащитен и одинок. Если существовала реальность беды, то я старался обходить её стороной. Но фортуна вновь решила проверить меня на прочность. Второй случай был для меня и окружающих менее героичен и уже обошёлся мне кровью. Уже не было ликования в душе, уже не было и самой победы. Я просто ввязался в драку, был побит и лишь благодарность жертвы была мне наградой. Дома я смыл кровь, благо небольшую, сел в кресло, обхватив голову руками, и бормотал: «Чёрт! Чёрт возьми, зачем тебе это надо?». Но это уже не было голосом отчаяния. Я уже не чувствовал себя ж е р т в о й. Я только не понимал ничего в себе. Я ощущал, что происходит что-то мне неподвластное, перечёркивающее весь мой улиточный опыт. И вновь моё состояние не облекалось ни в какое известное мне понятие, да и я не очень-то искал его.

Я позволил страху жить со мной, но уже на правах квартиранта, который вносил свою плату – относительное спокойствие. Но он уже докучал мне, как соседский кактус, оставленный на время отпуска, или гость, приехавший на два дня, но застрявший надолго, радость и волнения первой встречи постепенно стираются и ты начинаешь раздражаться занятому туалету и нестиранным носкам, развешанным на батарее.

И вот однажды вечером, когда августовские баритональные завывания смешались с басовитыми сентябрьскими порывами ветра, чувство жгучего одиночества настолько болезненно пронзило меня, что я решил разыграть с устоявшимся бытом гамбит, пожертвовать

толикой своего уклада и завести друга. И тут мне помог случай. На входной двери подъезда я увидел объявление, написанное от руки: «Отдам котёнка в простые добрые руки». Я неожиданно для себя посмотрел на свои ладони. Глупо, конечно, но я, посмеявшись над собой, решил позвонить, а затем отправился по адресу.

Хозяйкой котёнка оказалась худенькая женщина с ахматовским профилем, но православным взглядом, обладательница красивой старинной ладанки. У неё уже жили два котёнка, тоже уличные, и потому других безадресных она пристраивала в «добрые руки». Почему было написано про простые руки, я понял, увидев самого котёнка. Ещё при рождении судьба отказала ему в жительстве не только в элитных домах, но и менее избранных, где котят часть интерьера. Левый глаз скрывался за мутной плёнкой, а шерсть больше напоминала власяницу, грубую одежду долгостранствующего отшельника. Не верилось, что это существо относится к тому же семейству, что и снежный барс и амурский тигр. Но я был обречён на дружбу с котёнком и в немалой степени из-за чудного, волнующего голоса хозяйки.

Когда дома я опустил гавроша на ковёр, то мне показалось, что все предметы с изумлением уставились на него, и даже изгой квартиры, перевязанный синей изолентой допотопный уют пренебрежительно мигнул своим тоже единственным глазом. Я налил молока, и мы отпраздновали встречу и его новоселье. Напившись, он с мокрыми усами, похожий на юного Тараса Бульбу и с повадками бывшего полкового квартирьера степенно обследовал жилище и в конце концов, нимало не святотатствуя, расположился на моём диване.

Хозяйка сказала, что во дворе его зовут Бякой, но я решил, что так можно назвать в шутку только красивого кота, выросшего из образа гадкого утёнка, а своего, дабы он не нёс по жизни каинову печать, окрестил просто Порфирием Ивановичем, чтобы у него всегда было чувство собственного достоинства. Дома я, конечно, именовал его Порфушей, но даже детям во дворе не позволял называть сокращённо.

Многое изменилось в нашей светёлке, мне даже пришлось достать веник и заставить его работать. Меланхоличный веник, владелец красных лампасов, очень кичился дружбой со мной, явно недолюбливая нового жильца. Котёнок отвечал ему тем же и норовил задеть его при всяком удобном случае. Но больше всего Порфирия приводили в восторг оконные шторы, разучивающие всё новые и новые танцы под балетмейстерские указания сквозняка.

Сегодня мы как всегда пришли с Порфирием Ивановичем в школьный парк, наше излюбленное место прогулок. Здесь среди детских колясок, карапузов и старушек мы были в полной безопасности. Котёнок скоморошничал в густой траве, нарушая бравурные скерцо кузнечиков, которые вылетали при его приближении, уподобляясь крохотным воланам. Когда после прогулок он вылезал из травы, то был увешан семенами, словно эполетами, а его песочная горжетка принимала ломбардный вид.

Собачники со своими питомцами появлялись здесь редко, для них невдалеке была построена специальная площадка, где ранним утром и к вечеру собирались от совершенно молчаливых чау-чау до златоустых пипильонов.

К великому сожалению, сегодня в беседке собралась компания молодых людей с собаками без поводков. Раздавались звон стекла и первобытная речь. Собаки были как на подбор бойцовских пород, янычары, замшевые убийцы, испоганившие образ милого Бима Белое Ухо, идеала нашего поколения.

Я осторожно опустил Порфирия Ивановича на траву и загородил его спиной, но глазастый буль-тербер мигом рванулся в нашу сторону. Котёнок вскарабкался на ближайшее дерево, но оно было слишком тонким и даже Порфуша был для него обременительной ношей. Холодея от ужаса, я схватил палку и стал отгонять собаку. И тут вся компания рванулась ко мне. Меня окружили накачанные парни с явно проглядывающим гантельным интеллектом, бесспорные дубликаты своих собак. Меня били даже не злобно, почти равнодушно, но с такой беспощадностью, что даже оторопелые собаки отбежали в сторону. Видно, так умело били по мячу их любимые хавбеки. Теряя сознание, я понял, что умираю, хотя не должен... Не должен! Потому что от моей жизни сейчас зависит и другая – там, на тонкой ветви тополя. Нельзя, чтобы Порфирий Иванович опять превратился в бяку.

... И почему это я решил, что женщины с прожилками седины обязательно должны склоняться над больным человеком? Ведь можно и над любимым... И зачем-то же мне была ниспослана та первая победа?!

г. Павлодар.

Слободан ВУКАНОВИЧ

“В цветке я угадаю тайну звука...”

Контейнер

Мы его наполняем нашими капризами,
Нашими фрустрациями,
Крошками злобы
И остальными полезными
и бесполезными рецептами.

Он иногда разбухает,
Кричит, кипит, воняет.
Он — наше спасение,
Наш чистильщик.

Вытряхиваемся
Физически и духовно.
Он — наше оправдание
Перед собой и миром.

Он — концертный зал наших
взлётов и падений,
Выставка монтажа и коллажа,
Энциклопедия духа и души,
Склад костюмов и масок.

Судьба

Когда он начал засыхать, —
Искал свои корни.
Когда наглотался мутной воды, — искал источник.

Карета осталась без колёс.
На дороге нашли его с протянутой рукой.
Назвали его «неисполненное желание».

Судьба неподкупная.
Источник глубокий.
Дорога короткая.

Слободан

ВУКАНОВИЧ (1944)

— профессиональный литератор, живёт в Подгорице (Черногория). Автор книг стихов: «Звёздные перья», «Снимки кассеты корабельного журнала», «Космическое переселение Монтенегро», «Куда нам дальше», «Лодка – ложка», «Крылатые рыбы несут златоустого иеромонаха», «Дома пахнут туманом», «Это не для нежных» (три издания), «Ты мне не поверишь, Амалия стала ветряной мельницей», «Девочка с головкой апельсина», книги прозы «Пять либретто для балета» и романа «Ключ-маятник».

Вуканович опубликовал также семь книг для детей. Его драмы ставили в театре и на радио. Его произведения вошли в 30 антологий, обзоров и сборников. Стихи и «игрокасы» представлены в учебниках для восьмилетней (девятилетней) школы «Как это можно» и «Чудеса чтения».

Произведения Слободана Вукановича переведены на английский, русский, французский, белорусский, итальянский, арабский, польский, венгерский, румынский, словенский, македонский, турецкий, болгарский и албанский языки.

В «Ниве» выступает впервые.

Бюро потерянных вещей

Когда не строят большие постройки,
Когда не конструируют мощные машины,
Что люди делают, когда не работают?

Состоящие из крошек ненависти и ошибок,
Состоящие из пародий, травести, цирка...
Из умных и безумных частиц,
Из поверий и заблуждений,
Двадцать до и двадцать веков после,
Играют драмы с причитанием и плачем
В двадцати тысячах картин,
В двадцати тысячах сцен.

Меняют кулисы, костюмы, маски...
Меняют и оружие, для перемены.
Даже и ненависть другая.
Сами себе создают лабиринты.

Люди приручают диких зверей,
Люди приручают деревья,
Приручают природу.
Никак себя не приручат.

Создали бога для оправдания грехов,
Создали бога как алиби для покаяния.
Выдумали рай, птиц златокрылых.
Зачаровали небо запахом базилика.

В огне ищут воду,
В воде ищут огонь,
Сеют пепел, а ищут разум.

Состоящие из ненависти и ошибок,
Меняют костюмы, маски, оружие, зло...
Приручают зверей, деревья, природу.
Создали бога как алиби для покаяния.

Арена совести это Бюро потерянных вещей.

Портрет эмигранта в облаках

Снится весна.
Горизонт.
События местного масштаба.
Недоразумения ожидания.

Письма — коммуникация с облаками.
Когда его касается — оно исчезает,
Когда его получает —
Разбивается вдребезги как драгоценная ваза.

Разговор — лампочка в тоннеле.
Радость — это мгновение,
Пища для иллюзий,
Рамка для ожидания.

Ожидание — подземная железная дорога
В охотничьих угодьях надежды,
Бесчисленные говоры языков всех рас,
Беседуют пальцы и мимика.

Отверженные в саду спасения
Чистят чужой мусор,
Копают каналы для реки возвращения.
Желания хозяина выполняют нормы выживания.

Эмигрант с двумя головами —
Два языка, два послания.
Бережёт себя и копию,
На одном дереве два плода.

Мелодия одиночества оставляет шрам.
Любовь распята между двумя головами.
Заблуждение отрезвило,
Сейчас лучше слышит и видит.
Кто понял портрет эмигранта в облаках,
У которого нет своей рамки,
И не нашёл дороги до комнаты, —
На одной кровати две подушки.

Старик кормит голубей

Когда время подводит черту,
Остаётся много вопросов,
Неиспользованных возможностей,
Немного ответов.

Для старика оставшиеся
Минуты и мелочи —
Как крошки,
Которыми он кормит голубей.

Скамейка в парке — зал ожидания.
Песочные часы.
Разматывается клубок воспоминаний.
Время — засушенная травинка.
Тишина дышит,
Нет сил кричать.

Голубь — мальчик из пригорода.
Во дворе каменного дома
Одаривает голубку синими и красноватыми зёрнами,
Зёрнами преданности и любви.

Целыми днями он их собирал.
Она дрожала от возбуждения,
Он смущённо бормотал.
Заржавленная рамка воспоминаний.

Голуби хотят надёжности и опоры.
Неуверенная рука трясётся и падает.
Высыпался песок.
Травинка легла.
Шорох крыльев
Нарушает отпевание тишины.

Скамейка ожидает следующего гостя.

Узнают меня

В цветке я угадаю тайну звука,
В воде — лик неясный.
Совершенство — полный обман.
Всё временное ищет своё спокойствие
Во сне пепла.

Однажды
Поймёт мою космическую веру
И мою смерть от взглядов звёзд.
Узнают меня небо и река —
Мои биографы лет.

Дома пахнут туманами,
Жители — потерянные ключи.
Порог — памятник возвращению.
Вселенная устраивает поминки,
Свет заменяет музыку.

Перевела Марианна КИРШОВА.

Этот век не для нежных

Забальзамировали мы Смысл,
Сознание,
Желания,
Сведения,
Связи.

На гравитационных полях
Испытываем
Своего личного
И коллективного дьявола.
В форме пустоты
Рождается покаяние.

Машина наградила нас за Послушание.
Стали мы бессмертными.
Мы — круг без Выхода и Входа.
Генетики — это косметологи наших органов.
Предлагаю Бессмертие
За обычный насморк.

Они о том,
А я выращиваю цветы,
К фиалке прививаю кактус —
Это не для нежных.

В рамке действительности
Жизнь, Радость, Печаль,
Кровь,
Отрава,
Пепел.
Этот век не для нежных.

На гравитационных полях
Испытываем
Своего личного и коллективного дьявола.
Этот век не для нежных.

Любовь, расширь небо, чтобы я остыл

(Людвиг ван Бетховен. «К Элизе». Балет.

Публики не видно. Попеременно снег и цветы)

Печаль с перчатками и шляпой.
В постели жизни ощутив горошину,
Затрясла туфельками.
Туфельки жмут надежду.
Трепещет влюблённость.
Сбросила шляпку невинности,
Укололась шипом реальности.

Прошло 12 часов.
Золушки массовое явление.
Принцы пьют медовуху влечения.

Любовь,
Твоя кожа — поле битвы моих вожделений.
Любовь,
Расширь небо, чтобы я остыл.
Снега сугробы из-за страсти.

Сказка — спасение от реальности.

Перевёл И. ЧАРОТА.

«История земли – история её народа», – гласит народная поговорка. Есть люди, в чьих судьбах с ослепительной яркостью преломляется само время, отражается история. Жизнь активного участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза, Халык Каһарманы за номером один, первого министра обороны суверенного Казахстана генерала армии Сагадата Нурмагамбетова есть сама история страны. Имя Сагадата Кожамметовича уже при жизни вписано в скрижали Отечества. Ныне имя героя носит республиканская военная школа «Жас улан», в его честь названа улица в родном городе Акколь, что недалеко от столицы.

Годы Великой Отечественной войны для комбата, «пропахавшего» со своими однополчанами пол-Европы от Кавказа до Берлина, впоследствии ставшего известным военачальником, прежде всего бесценный опыт, оплаченный высокой ценой.

И сегодня, несмотря на свой преклонный возраст, ветеран (ныне он является советником министра обороны РК) не устаёт делиться этим опытом с молодым поколением. Да и молодёжь платит фронтовику особой теплотой и искренним уважением. Ещё бы, ведь Нурмагамбетов один из тех, кто стоял у истоков создания Вооружённых сил нашей страны, будучи министром обороны РК.

О том, как создавалась армия суверенного Казахстана, и о других актуальных вопросах современной действительности идёт речь в данном интервью для журнала «Нива».

– Сагадат Кожамметович, недавно казахстанцы широко и торжественно отметили знаменательную дату – 20-летие Вооружённых сил Республики Казахстан, что свидетельствует о чувстве гордости за суверенную республику, за её армию, за историческую память. В одной из своих книг вы написали о том, что День Победы – это начало современной жизни многих народов: начало свободы, демократии и суверенитета, в том числе и Казахстана. Всё же восхождение к свободе, независимости нашего народа не начинается ли с его национально-освободительной борьбы?

– Думаю, что глубоко справедливо вспомнить мужество и подвиг казахского народа, которому не раз в своей истории приходилось вставать с оружием в руках на защиту свободы и независимости. Хотел бы, однако, подчеркнуть, что казахский народ в многовековой истории никогда не ставил силу выше разума. История не знает ни одного случая, когда наши предки претендовали бы на завоевание чужих территорий.

Они прибегали к силе, проявляя храбрость и мужество только в тех случаях, когда иноземные завоеватели пытались захватить их земли и поработить.

Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев о величии и значении казахского народа сказал следующее: «... Наши предки думали о безопасности своего Отечества, и это помогало им на протяжении многих веков, в условиях постоянных нашествий агрессоров, успешно отстаивать необъятную территорию Казахстана... Много раз казахи стояли на грани гибели. Но воля к жизни, воля к свободе вновь и вновь поднимали народ с колен...».

Из благодарной памяти потомков никогда не сотрутся имена их предков, принявших от них боевую эстафету – батыров, военных руководителей казахского ханства: Кенесары, Кабанбая, Богенбая, Раимбека, Карасая, Наурызбая, Исатая, Махамбета и др.

Нам есть кем и чем гордиться, ибо наши предки оставили глубокий след в истории, оказали мощное влияние на судьбы народов Евразийского континента. Тут велика роль и значимость Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Война, развязанная фашистской Германией, имела задачу – огнём и мечом покорить народы нашей страны, полностью лишить их государственной самостоятельности, национальной культуры и самобытности, истребить миллионы людей.

– Каков был вклад казахстанцев в разгром фашистских агрессоров?

– Война со всей убедительностью показала сплочённость, единство народов, силу советского военного искусства, героизм и отвагу людей разных национальностей, в том числе казахстанцев. Наша республика стала настоящим арсеналом фронта. За годы войны она направила в Красную Армию почти 1,5 млн. человек, каждый второй из них погиб. Сформировано и отправлено на фронт 14 стрелковых и кавалерийских дивизий, 7 бригад, 1 зенитный полк, 12 строительных и 2 автомобильных батальонов. Из них пять воинских соединений стали гвардейскими. Казахские соединения отличились во многих сражениях, в том числе в битвах под Москвой и Сталинградом, под Курском и Берлином. Что касается тружеников тыла, то они самоотверженно работали на предприятиях, в колхозах и совхозах, лечили раненых, принимали под свой кров эвакуированных из западных областей Советского Союза. Действительно, это были тяжелейшие и героические годы борьбы людей, благодаря чему ненавистный враг был повержен. Словом, участники войны и тыла сделали всё возможное и невозможное для достижения Победы над фашизмом, подарили радость жизни и созидания потомкам.

Ныне наш народ, имеющий великую историю, с образованием независимого Казахстана под руководством первого Президента страны Нурсултана Абишевича Назарбаева строит демократическое, правовое

и светское государство. Благодаря неутомимой деятельности, инициативе Лидера нации всего за 20 лет наша страна стала мощным и развитым государством с его новой и современной столицей – Астаной, главным итогом достижений стало признание мировым сообществом суверенитета Казахстана. В своем недавнем Послании Глава государства конкретизировал задачи страны на будущее. Главная цель – обеспечить каждому казахстанцу достойную жизнь в процветающем государстве. Новая социальная стратегия – это забота о благополучии каждого из нас. Курс, взятый Казахстаном на инновационное развитие, означает модернизацию экономики, гигантский рывок Барса в Будущее. А это значит, мощь Казахстана – сила и мощь его Вооружённых сил.

– Согласитесь, что сегодняшнее благополучие, стабильность армии воспринимается всеми как данность, претворившаяся в жизнь как бы сама по себе. Ведь за этим стоит самоотверженный труд многих людей, которые в годы становления независимости проходили службу, и тех, кто нынче в армейском строю. А какая была ситуация в период создания казахстанской армии, с какими трудностями пришлось столкнуться?

– Совершенно верно, нынешнее благополучие закладывалось вчера, а вернее, 20 лет тому назад. И мы не можем не вспомнить о зарождении Вооружённых сил. Неслучайно народная поговорка гласит: «Если прошлое не вспоминать, то настоящее не понять». Ведь Министерство обороны, Вооружённые силы родились не в одночасье, а создавались именно на ответственном этапе нашей истории – этапе получения Казахстаном независимости. Именно 7 мая 1992 года главой нашего государства был издан Указ о создании Вооружённых сил Республики Казахстан. «С момента образования суверенного Казахстана обеспечение национальной безопасности является первым приоритетом государства, – подчёркивал Президент страны. – Важнейшим слагаемым её является военная безопасность, которая в свою очередь немыслима без создания и строительства Вооружённых сил».

Первым шагом к решению этой задачи явился Конституционный Закон о государственной независимости Республики Казахстан, который определил, что «Республика Казахстан в целях охраны своей независимости и территориальной целостности имеет право на создание собственных Вооружённых сил».

Действительно, это было сложное время. С распадом Советского Союза явно наметилась тенденция разрушения единого оборонного пространства, растаскивания армии по «национальным квартирам». Это отрицательно сказывалось не только на социально-психологическом состоянии личного состава армии, но и на её боеготовности. И в этой ситуации процессы разделения некогда единых Вооружённых сил с каждым днём ускорялись. Все новые независимые государства приступили к созданию своих армий.

Казахстан на этом этапе выработки своей военной политики придерживался сдержанного подхода и проводил линию на сохранение единого оборонного пространства и на поддержку идеи создания Объединённых Вооружённых сил государств Содружества, полагая, что это позволит надёжно обеспечить как национальную безопасность Республики Казахстан, так и коллективную безопасность бывших братских республик. Такая позиция руководства Казахстана находила одобрение и поддержку не только в войсках, но и у широкой общественности.

– Насколько мне известно, не сразу образовалось Министерство обороны?

– Совершенно верно, до создания Министерства обороны большую работу провёл Государственный комитет обороны (ГКО) республики, сформированный на базе военного комиссариата и штаба Гражданской обороны Казахстана. При этом главная идея создания ГКО состояла не в разрушении единого оборонного пространства, а в противостоянии и приостановлении тех тенденций и явлений, которые вели к расшатыванию оборонного союза.

Анализируя происходившие события в странах Содружества и прогнозируя возможные изменения, я, как председатель ГКО, в начале января 1992 года представил справку руководству республики. После обмена мнениями глава государства дал указание о разработке к очередному заседанию Совета безопасности Концепции по военным вопросам, с учётом договорённости большинства руководителей стран СНГ на Минской встрече. Было также решено провести инвентаризацию воинских частей, вооружения, военной техники, имущества и научно-технического оборудования полигонов, производственного оборудования военных заводов, расположенных на территории Казахстана. И вся эта работа легла на небольшой состав ГКО. Время было ограничено.

– На то время много ли частей находилось на территории Казахстана? Что они собой представляли?

– В те годы на территории нашей республики была дислоцирована масштабная разнородная группа войск – части и соединения перворазрядного военного округа (Среднеазиатского военного округа – САВО). В его состав входили: стратегические силы – две дивизии современных стратегических ракет, готовые доставить эти летательные аппараты в любую точку земного шара, дивизия стратегических бомбардировщиков; космические войска центрального подчинения; разведывательные части; военно-строительные отряды. И ещё различные испытательные центры и полигоны. В общей сложности в Казахстане насчитывалось более 200 тысяч военнослужащих. Одним словом, наша страна представляла собой взрывоопасный регион, где какой-нибудь просчёт при обращении со стратегическими ракетами мог привести к гораздо более серьёзной катастрофе, чем на Чернобыльской атомной электростанции.

Скажу откровенно, в тяжёлых муках проходила квалифицированная проверка на местах, так как командиры воинских формирований неохотно представляли сведения. Тогда эти объекты обслуживались в подавляющем большинстве некоренными казахстанцами. Всё-таки проведённая тщательная работа позволила не только разработать проект Концепции военного строительства страны, но и способствовала тому, чтобы воспрепятствовать вывозу с территории Казахстана дорогостоящего оборудования и имущества.

Решение о создании своей армии в Казахстане было принято только тогда, когда все государства Содружества уже создали собственные вооружённые силы.

– В те годы молодое суверенное государство испытывало значительные экономические трудности, учитывая эту ситуацию, в первую очередь на повестке дня какие стояли неотложные вопросы?

– Что и говорить, создание своей армии требовало продуманности, взвешенного подхода. Сама обстановка ставила на повестку дня вопросы: «Какая нужна армия? Какова будет её перспектива? Какая должна быть организационная структура? Где брать необходимые профессиональные кадры? Кто наши стратегические союзники? Как быть со стратегическими силами с ядерным оружием?».

Груз проблем, который тогда полностью лёг на плечи Верховного Главнокомандующего Вооружёнными силами Нурсултана Назарбаева, действительно был чрезвычайно тяжёл. И хотя у нашего государства отсутствовал опыт военного строительства, именно под его руководством, исходя из сложившейся тогда обстановки, создавались условия для формирования армии, предназначение которой – быть на защите независимости, территориальной целостности и развития нашей страны. К тому же в условиях перехода войск под юрисдикцию Казахстана остро стояла задача обеспечить сохранность вооружения, боевой техники, материальных средств. Пристального внимания требовали войска стратегического назначения.

При этом нельзя было допустить снижения уровня боевой готовности войск.

С распадом системы централизованного снабжения, по сути, заново пришлось организовывать финансовое, материально-техническое и медицинское обеспечение войск.

В этих неординарных условиях глава государства, несмотря на свою занятость, не только интересовался состоянием войск, но и с руководством Министерства обороны неоднократно выезжал в дальние гарнизоны, проводя большую разъяснительную работу среди солдат, сержантов, офицеров, членов семей военнослужащих, населения. В последующем принимал непосредственное участие в учениях.

До сих пор в моей памяти 8 декабря 1992 года – этот день был знаменателен тем, что на сборе руководящего состава Вооружённых сил РК впервые в качестве Верховного Главнокомандующего выступил Президент страны Нурсултан Абишевич Назарбаев, чётко и ясно определив перспективы развития нашей армии. При этом подчеркнув, что она должна быть немногочисленная, мобильная, обученная, подготовленная, отвечающая современным требованиям.

Само время, обстановка требовали необходимости принятия экстренных мер по созданию собственной системы подготовки военных кадров, так как был ощутим их дефицит в связи с оттоком офицерского состава на историческую родину. Руководству Министерства обороны буквально на ходу приходилось принимать оперативные меры, так как полками, батальонами командовать было некому.

К сожалению, в бывших Вооружённых силах СССР не придавали значения подготовке национальных военных кадров, а если такие офицеры проходили службу, то их старались не выдвигать на вышестоящие должности.

С образованием казахстанской армии мы эти перегибы кадровой политики ликвидировали. Стали готовить национальные кадры на базе ранее существовавшего Алма-Атинского высшего общевойскового командного училища (АВОКУ), готовившего офицеров по четырём специальностям. На должность начальника училища был назначен опытный офицер Абай Тасбулатов, впоследствии генерал-лейтенант. Под его руководством в сжатые сроки была создана требуемая учебно-материальная база и налажено обучение курсантов по одиннадцати специальностям. Немаловажное значение уделялось и подготовке собственных военных лётчиков на базе Актюбинского института гражданской авиации. Ныне Национальный университет обороны, Военный институт Сухопутных войск, Военный институт Сил воздушной обороны, Военный инженерный институт радиоэлектроники и связи в целом готовят достойные кадры для Вооружённых сил.

– Каким ещё способом ликвидировали некомплект офицерских кадров?

– Одним из нетрадиционных методов восполнения некомплекта офицерского состава на начальном этапе явилось создание курсов по подготовке младших лейтенантов со сроком обучения от 3 до 9 месяцев. Такие курсы, как известно, были в годы Великой Отечественной войны. Оправдали они себя в Вооружённых силах бывшего Советского Союза в 60-е годы. Министерство обороны РК уделяло большое внимание отбору кандидатов на такие курсы из числа прапорщиков и сверхсрочнослужащих, имеющих опыт службы в армии. Будущие младшие офицеры готовились не в тепличных условиях, а в полевых, приближенных к боевой обстановке. Приток в войска молодых специалистов позволил снизить остроту проблемы укомплектованности первичных офицерских должностей. Кроме того, они укомплектовывались добросовестными, инициативными прапорщиками.

– В подготовке кадров в стороне не остался, наверное, и опыт других государств?

– Конечно же, в подготовке кадров нами использовался опыт не только бывших Вооружённых сил Советского Союза, но также опыт других государств, в частности США, Турции, Германии и др. С этой целью делегации Министерства обороны Казахстана посетили США, Турцию. Они имели возможность в США ознакомиться с программами, учебными процессами академии «Вест-Пойнт», военного университета национальной обороны, военно-исторического университета, колледжа сухопутных войск, университета ВВС США. А в Турции интерес у делегации вызвали учебные заведения – высшее пехотное и военно-морское училища.

Существенный вклад в подготовку кадров сыграло подписание нами ряда двусторонних соглашений с Российской Федерацией, основанное на приоритете стратегического партнёрства.

В целом, несмотря на отсутствие опыта военного строительства, объективные трудности переходного периода, удалось в короткие сроки создать один из важнейших атрибутов суверенного государства – Вооружённые силы страны.

В этот же период заложены основы нормативно-правовой базы обеспечения военной безопасности государства.

Основное содержание военной политики, направления военного строительства на начальном этапе были определены в Военной доктрине, принятой в 1993 году.

Наряду с другими законодательными и нормативными правовыми актами она сыграла положительную роль в обеспечении военной безопасности, военном строительстве на этапе становления суверенного государства.

Как видите, строительство казахстанской армии начиналось практически с «чистого листа», и Министерству обороны пришлось решать сложнейшие организационные вопросы.

– Использовался ли вами в ходе строительства Вооружённых сил опыт, приобретённый в годы Великой Отечественной войны?

– Несомненно. Серьёзное внимание уделялось боевой подготовке, поддержанию уставного порядка. Война показала, что солдат жив до первого выстрела. Упредил врага – победил. Не оставались без должной заботы состояние техники и вооружения, их грамотная эксплуатация.

На новый уровень подняли подготовку офицеров, начиная с командиров взводов, от действий которых во многом зависит успех боя. Ведь именно они учат солдат, вместе с ними идут в бой. Немаловажны для подготовки солдат,

сержантов, офицеров учения с использованием возможностей и мощи ракетных войск и артиллерии, авиации, танков, БМП и их тесное взаимодействие.

Опыт Великой Отечественной войны подтвердил, что ставить войскам непосильные задачи означает срыв боя. Кроме потерь, истощения сил и подрыва воинского духа это ничего не даёт. Война не прощает шаблонного подхода, к любому бою надо готовиться тщательно. Одну треть полевых занятий командиры должны проводить ночью.

– «Командир – центральная фигура, мозг войска, организатор боя, творец победы...» – так говорил в своё время Баурджан Момыш-улы. Интересно услышать ваше мнение о командирах фронтового поколения, с кем плечом к плечу воевали?

– Перебирая события военных лет, часто вспоминаю людей, с которыми свела фронтовая дорога. Своих командиров: генерал-лейтенанта Ивана Рослого, генерал-майора Владимира Антонова, полковников Александра Пешкова, Александра Епанешникова, Николая Мурзина знаю хорошо, так как воевал с ними, что называется, бок о бок. Остались в памяти и другие командиры, разные по возрасту и по национальности. Неважно, генерал он, офицер, сержант, казах, русский, армянин, украинец, белорус, грузин, узбек – спрос со всех один, все были равны перед клятвой, данной Родине.

На фронте для всех было единое правило: сам погибай, а товарища выручай. Что касается командиров, то личный пример для нас был главенствующим. А учились этому у старших начальников, у тех же выше-названных генералов, офицеров. Они во всём были примером для подражания. Для них выполнение воинского долга, офицерская честь, скромность, забота, отзывчивость, интеллигентность, конечно же, храбрость, отвага были превыше всего. Так, генерал Иван Рослый был командиром 9-го стрелкового корпуса, в его состав входила наша

301-я Сталинская стрелковая дивизия. Иван Павлович ещё в финскую войну, командуя полком, за проявленное мужество был удостоен звания Героя Советского Союза. Мне посчастливилось из его рук получить Золотую Звезду Героя. В ходе боёв на Кубани, Украине, в Молдавии, Польше и Германии он бывал в полку и в подразделениях. Встречался с командирами, личным составом, интересовался жизнью и бытом бойцов. Делился опытом, учил нас, командиров, как вести бой во взаимодействии с разными родами войск, в городских условиях, на что необходимо обращать внимание. В одном из сражений на днестровском

плацдарме Рослый был ранен в руку крупным осколком от снаряда и так продолжал ходить с перевязанной рукой до победного дня. Я назвал лишь одну из характерных черт стиля деятельности нашего старшего командира.

– Армия, говорил четырежды Герой Советского Союза, маршал Георгий Константинович Жуков, держится на сержантах. На ваш взгляд, актуально ли такое высказывание в нынешних казахстанских Вооружённых силах?

– Как бы там ни было, дисциплина во многом зависит от младших командиров. Я застал то время, когда дело обстояло именно так, как сказал полководец. Порядок всегда был у того командира, который обучал своих сержантов. Тогда младшему командиру во всём доверяли, он был опорой любого командира, начальника.

С созданием казахстанской армии мы готовили сержантский состав в учебном центре Министерства обороны. Там же проводили для руководящего состава Вооружённых сил показательные занятия по повышению роли младшего командира в подразделениях. Нынче сержантов-профессионалов готовит Кадетский корпус Минобороны.

– Как вы сами знаете, министр обороны не только военачальник, но ещё и государственный деятель, политик, дипломат. Именно вы стояли во главе этой самой дипломатии. Какая работа была проделана в этом направлении?

– Да, вы правы, глава оборонного ведомства несёт прямую ответственность за военную безопасность страны. Но дело в том, что слово «безопасность» – понятие довольно ёмкое. И военная его составляющая лишь, образно говоря, одно из направлений большого спектра проблем, решаемых в этой сфере. Пожалуй, в тот период наряду с созданием Вооружённых сил осуществлялись меры политико-дипломатического характера для обеспечения военной безопасности государства. Были установлены тесные связи с военными ведомствами как ближнего зарубежья, так и зарубежных стран, таких как США, КНР, Турция, Германия и др. Мне самому не раз приходилось выезжать в дальние командировки и с коллегами решать острые и сложные вопросы, стоявшие на повестке дня.

Руководство страны сконцентрировало свои усилия на создании пояса безопасности по периметру границ, формировании основ региональной системы коллективной безопасности, снижении ядерной угрозы.

Благодаря решительности главы государства, наша страна присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия, добровольно отказавшись от прав на ядерный арсенал, унаследованный Казахстаном от СССР. Стоит отметить, что Казахстан не только имел четвёртый по мощности в мире арсенал ядерных боеголовок, но также большие запасы урана. И сегодня наш Президент предлагает главам государств свои инициативы о построении мира без ядерного

оружия. Подтверждением тому являются глобальные саммиты по ядерной безопасности, прошедшие в апреле 2010 года в Вашингтоне, а также в марте этого года в Сеуле, и широкая поддержка международной общественностью выступления нашего Президента на этих форумах и другие его инициативы.

В рамках деятельности по созданию системы коллективной безопасности в регионе Казахстан стал участником Договора о коллективной безопасности государств-участников СНГ.

– Как вы оцениваете роль и значение деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в целом и членство в ней Казахстана?

– Откровенно говоря, тот Договор о коллективной безопасности, который был заключён 15 мая 1992 года, оказался рыхлым, в начальный период никто его не выполнял. Но факт остаётся фактом, когда возникла опасность на южных границах Содружества, он заработал. События последних лет со всей очевидностью подтвердили важность роли ОДКБ, и решения стали приобретать реальные черты. В этом есть заслуга и нашей страны. Казахстан на протяжении многих лет вносит в её поддержание определённый вклад. Никто не оспорит того, что именно наши дипломатические и военные усилия становятся основой для принятия конкретных решений на заседаниях Совета ОДКБ. Думается, это тоже примета времени, что военное сотрудничество наших государств перестало носить декларативный характер.

– В эти дни немало разговоров о религиозном экстремизме, на ваш взгляд, как следует с ним бороться?

– Считаю, что эффективно бороться с религиозным экстремизмом и фанатизмом, не только исламским, но и всякого другого толка, можно только при активном участии всего общества и, конечно же, при участии компетентных лиц, самих религиозных общин. Ответить на вызовы времени мы можем только вместе, сообща.

– Что вы можете сказать о состоянии сегодняшних Вооружённых сил?

– Важно отметить, что за 20 лет независимости наша страна сумела не только набрать темп для экономического роста, но и стала самым стабильным и безопасным государством в регионе. И эта стабильность изначально была обеспечена прочностью модели государственной власти, которая выстроилась в Казахстане вокруг центральной фигуры – фигуры Президента. И этот точный и выверенный курс по обеспечению экономической, политической стабильности, национальной безопасности, принятый главой государства, последовательно реализуется и сегодня. Опираясь на мировой опыт, Казахстан проводит работу по созданию мобильной, немногочисленной армии, соответствующей мировым стандартам. В плане обеспечения военной безопасности страны Министерством обороны, возглавляемым Адильбеком Джаксыбековым, сделано немало.

Да, ныне возникают новые факторы, дестабилизирующие обстановку в регионе. Жизнь не стоит на месте, ситуация в мире меняется, включая военно-политическую обстановку соответственно, с изменениями ситуации в мире меняются и стратегические задачи в сфере национальной безопасности. И в качестве изменения претерпевают методы вооружённой борьбы. В этих условиях наша республика адаптирует свою военную организацию к новым реалиям, этим и вызвана необходимость модернизации армии. Актуальным является приобретение нового поколения эффективных средств управления и поражения. Это направление закреплено в Государственной программе развития вооружения, техники и развития оборонно-промышленного комплекса до 2015 года.

Кроме того, руководством оборонного ведомства принимаются меры по улучшению системы подготовки военных кадров, повышению статуса военнослужащих и престижа воинской службы. Благодаря постоянному вниманию Президента страны – Верховного Главнокомандующего финансирование Вооружённых сил с каждым годом растёт. Вместе с тем глава государства заботится и о социальной защите военнослужащих и членов их семей. Положительно решаются и жилищные вопросы. Разумеется, есть и нерешённые проблемы, недостатки, но они разрешимы.

Прочная безопасность – это ключевой элемент нашего внутреннего развития. С учётом результатов общей стабилизации социально-экономической ситуации страны можно с уверенностью сказать о новом облике Вооружённых сил Казахстана – боеспособных, умеющих решать задачи по обеспечению безопасности страны.

Беседовал **Сапаргали ЖАГИПАРОВ.**

80-летию Роберта Рождественского

Ольга ГРИГОРЬЕВА

«Жил я впервые на этой земле...»

Пророческие стихи

Нельзя сказать, что я не вспоминала о нём все эти тридцать лет. Конечно, вспоминала. Песни на его стихи и в сегодняшние дни исполняются довольно часто, особенно в преддверии Дня Победы... И звучит ставший классикой «Реквием»: «Вспомним всех поимённо, горем вспомним своим... Это нужно – не мёртвым! Это надо – живым!». И по-прежнему сжимается сердце, когда слышишь «Город детства» – у каждого он свой, «пылью тягучей по грудь занесён...», но поэт писал эти строки об Омске. А «Эхо любви»! Песня остаётся одной из лучших о вечном чувстве: «Мы долгое эхо друг друга...».

Вспоминать-то вспоминала, но как бы это сказать – поверхностно: да, замечательный поэт был; к сожалению, мало теперь о нём говорят, пишут... А вот когда попала на его родину, в небольшое алтайское село Косиха, словно пламенем обожгло: я действительно вспомнила, кем был для меня Роберт Рождественский. Как это обычно бывает, с годами меняются наши привязанности и вкусы, появляются новые кумиры и забываются старые... А ведь именно Рождественский был тем, кто открыл для меня мир большой поэзии. Он был настоящим Учителем, хотя мы не виделись ни разу и он, разумеется, не подозревал о моём существовании.

С детства я знала имена и стихи многих поэтов. В моей жизни были Пушкин, Лермонтов и Есенин, чьи стихи читала мне мама. Но Рождественского я открыла сама! Моя старшая сестра Елена многие годы выписывала журнал «Юность» и складывала подшивки в книжном шкафу. А я время от времени туда залезала и читала. Сколько мне было? 11, 12, 13? Словом, тот возраст, когда формируется мировоззрение, оформляется вкус, определяется жизненный выбор. Очень хорошо помню этот день, когда в очередной раз я залезла в книжный шкаф и стала листать «Юность» (это был декабрьский номер за 1967 год). Открыла на странице с заголовком «Поэма о разных точках зрения». И всё, не оторвалась. Перечитала ещё раз: «Ну ладно, – мы рождаемся. Переживаем. Старимся. Увидимся – расстанемся... Зачем? Грядущие и прошлые. Громадины. Горошины. Плохие и хорошие. Зачем?...».

Потом я делилась своим «открытием» с подружками, родителями и любимой учительницей по литературе и, конечно, довольно быстро узнала, что моё «открытие» давно открыто, и Роберт Рождественский – известный советский поэт, имеющий к тому времени уже не одну книжку... Ну и что! Я-то открыла его сама! Он был только мой! Я перелопатила дома все

подшивки «Юности» и нашла немало подборок его стихов. Я пошла в библиотеку и взяла все сборники Рождественского, которые были там в наличии. Словом, это была первая любовь. Я «заболела» стихами. Любовь к его поэзии длилась долго, лет до двадцати. Потом в мою жизнь ворвалась Цветаева, разбередил душу Павел Васильев, околдовал своими ритмами Бродский... Читались взахлёб Вознесенский и Евтушенко, Ахмадулина и Окуджава... А Рождественский как-то незаметно отошёл на второй план. Но он, именно он впервые в жизни показал мне такие поэтические высоты, дал такие уроки искренности, нравственности, требовательности к себе, которые не могут пройти бесследно.

Перечитывая сейчас «Поэму о разных точках зрения», поражаешься её актуальности! Строки, написанные в 1965 (!) году, передают то, что случилось со страной в девяностых:

... Эгей, супермены! Советчики! Форды! Проныры! Варяги!
 Валяйте!
 А ну, налетай, джентельмены удачи, любители лёгкой наживы.
 Спешите!
 Откройте, что сами мы, в общем, старались напрасно
 (быдло, низшая раса).
 И сделайте, чтоб от жратвы прогибались прилавки
 В сверканье и лаке!..
 Чтоб даже в райцентрах любых ни на миг не потухла
 Ночная житуха...

Чем не картинка нашего времени? Правда, в последней части поэмы Рождественский нарисовал другой путь развития общества, но, увы, он не сбывся. Сбылись эти пророческие горькие предвидения: в наступившем веке потребления на роль хозяев истории и хозяев жизни вышли именно они – «млекопитающие и млеконапитавшиеся»:

... На планете вместо светочей ума
 Встанут Эвересты нашего дерьма!
 ... Разжиревшим веком будем править мы!
 ... Физикам и лирикам – привет! Аминь.

Но как хочется разбудить души современников, погрязших в мещанстве и меркантилизме, строками поэта! Как хочется докричаться, заставить задуматься:

...По стебелёчку вверх и вверх ползёт травяная вошь...
 Зачем живёшь, человек, – если так живёшь?

«Родился я в селе Косиха...»

...Сердце, а что я знаю?
 Ты подскажи мне тихо.
 Знаю, что на Алтае
 было село Косиха.
 Было село – я знаю –
 крошечного значенья...
 В речке вода парная
 после грозы вечерней...

Роберт Рождественский родился 20 июня 1932 года. С 2008 года на его родине проводятся Рождественские чтения. Косиха – очень красивое алтайское село: широкие просторные улицы, много зелени... Но, конечно, главная достопримечательность – это так называемый Яр любви. Представьте себе огромный океанский лайнер, врезавшийся в сибирский ландшафт. На его плоской «палубе» – светлая берёзовая роща, а если подойдёшь к краю, увидишь захватывающие дух просторы – леса и пригорки до края горизонта, а внизу извивается речка. На этом яру вспомнились мне многие и многие стихи Рождественского, посвящённые любви, – оказывается, я не забыла их с юношеских лет, все они хранились в глубинах памяти, а теперь всплыли: «Всё начинается с любви», «Необитаемые острова», «Зачем снятся сны», «Я спокоен, я иду своей дорогой...», «Отдать тебе любовь? Отдай!» и многие-многие другие, я и не знала, что помню их все!

В очень поэтическом месте родился поэт. Жаль, что он этой красоты не видел, так как увезли его из Косихи в двухмесячном возрасте. Но это село вошло не только в биографию, но и в творческий мир Рождественского и осталось в нём навсегда.

Луна, сквозь тучи прорастая,
глаза зелёные скосила...
Родился я в селе Косиха.
Дождливым летом.
На Алтае.
А за селом синело поле
и пахло
ливнем переспелым...

Вспоминает поэт родное село и в «Стихах о моём имени»:

Я скажу об Эйхе.
Я верю: мне знаком он –
большой, неторопливый,
как река Иртыш...
Приезжал в Косиху
секретарь крайкома.
Весёлый человечие.
Могучий латыш...

В честь коммуниста Эйхе и был назван мальчик необычным для тех мест именем Роберт.

И в стихотворении «Долги» снова упоминается Косиха, долг перед которой ощущает чуткое сердце поэта:

... Кивают головами
леса и травы,
снегопад и зной,
село Косиха,
Сахалин и Волга.
Живёт во мне,
смеётся надо мной
немыслимая необъятность долга!

То, что делают земляки поэта для сохранения его памяти, заслуживает всяческих похвал (и, конечно, желательно – материальной поддержки...). Рождественский фестиваль по традиции открывается в центральной районной библиотеке, носящей имя поэта. Надо сказать, что материалы, хранящиеся в фонде библиотеки, уникальны. К примеру, здесь хранится рукопись воспоминаний матери Роберта Рождественского. А сколько книг, фотографий, личных вещей Роберта Ивановича... Накануне четвёртых Рождественских чтений в Косиху пришла посылка от вдовы поэта. Алла Борисовна Киреева в этот раз прислала письменный прибор, книги поэта и его летний пиджак. Конечно, и приезжающие на чтения поэты и прозаики дарят библиотеке свои книги. Директор павлодарского дома-музея Шафера Татьяна Сергеевна Корешкова, с которой мы приехали на этот праздник, подарила библиотеке записанный в Павлодаре диск «Всё начинается с любви» с песнями на стихи Р. Рождественского. В газете «Алтайская правда» потом вышел материал под названием «Всё прорастёт в стихи», в котором говорится:

«Директор павлодарского дома-музея Шафера Татьяна Корешкова рассказала, что уникальный музей грампластинок образован на базе частной коллекции музыковеда, учёного Наума Григорьевича Шафера. Он за свою жизнь собрал (и продолжает собирать!) пластинки разных периодов, народов и направлений музыки. Всего их сейчас – 27 тысяч!

– Обычно коллекционер – просто собиратель, а Наум Григорьевич хочет, чтобы пластинка жила. Каждую пятницу в нашем музее проводятся литературно-музыкальные вечера. Голос Роберта Рождественского тоже звучит в нашем музее.

У Наума Григорьевича на пластинках есть не только песни на слова вашего земляка, «Реквием» Дм. Кабалевского, но и стихи в исполнении поэта. Мы отцифровали пять дисков, на которых Р. Рождественский читает свои произведения», – цитирует автор статьи Светлана Тирская слова Т. Корешковой.

Из библиотеки праздник переместился на знаменитый Яр любви. Было организовано две творческие площадки – песенная и поэтическая. На первой проходил межрайонный фестиваль народного творчества «Песни главные есть в судьбе любой» – здесь звучали и стихи Р. Рождественского, и песни на его слова. И давно ставшая народной «Сладка ягода» (её

исполнил знаменитый народный хор «Серебряна» под руководством Михаила Апарнева). Звучали и «Позвони мне, позвони», «Эхо любви», «Солнечный зайчик» («Я мечтала о морях и кораллах...»), «Мы – армия народа». Последнюю исполнил народный ансамбль «Русичи» из Солтонского района Алтайского края. Публика принимала парней на «бис»! Концерт длился долго – но на нём не прозвучало и десятой доли песен, написанных на стихи Роберта Рождественского. Ведь их более шестисот..

Поэтический фестиваль назывался «Надо собственной жизнью доказать свои стихи». Если бы Роберт Иванович был жив, он наверняка порадовался бы – сколько поэтов, приезжих и местных, читали свои стихи, с каким вниманием их слушали зрители! Ничуть не с меньшим, чем на знаменитых поэтических вечерах 60-х годов! Длился этот поэтический марафон более трёх часов... Я прочитала на нём своё стихотворение, посвящённое памяти Роберта Рождественского – «На берегу Омки»:

Зимы жестоки, долги
 На берегу Омки
 В сорок военном году.
 Как изо льда вылита
 Улица Карла Либкнехта,
 Брошенная в беду.
 Омские крыши-башенки...
 Мальчик остался
 с бабушкой,
 Писем от мамы ждёт.
 В кружках вода
 смерзается...
 Что же он не кончается,
 Сорок холодный год!
 Школа, военный госпиталь,
 Нянечка скажет: «Господи,
 Что ж ты такой малой!»
 Пели они без робости!
 Мальчика звали Робертом.
 Время звалось войной.
 Вьюга не унимается...
 В детстве поэт рождается:
 Вспышки, толчки, значки...
 Вспомнится, не забудется
 И ледоход, и улица
 На берегу реки.
 Всё прорастет в стихи.

Кроме родного алтайского села Р. Рождественского накануне его юбилея мне удалось побывать и в других местах, связанных с жизнью и творчеством поэта: в Омске, Петрозаводске, Москве и Переделкине.

«Где-то есть город...»

В автобиографии, датированной 1980-ми годами, поэт писал: «Я родился в 1932 году в селе Косиха, Алтайского края. Это в Сибири, довольно близко от Барнаула. Мать у меня — врач, отец — военный. Мы переехали в Омск — большой город на берегу Иртыша. С этим городом связаны мои самые первые детские впечатления. Их довольно много. Но самое большое — война. Я уже кончил первый класс школы и в июне сорок первого жил в пионерском лагере под Омском...».

В этой биографии поэт упустил небольшой эпизод: в 1932 году и по 1934 год он вместе с родителями и дедом жил в селе Щербакуль Омской области. Он, конечно, не мог запомнить это село. Но замечательно, что жители Щербакуля помнят своего земляка-поэта. В июне 2009 года Щербакульской библиотеке было присвоено имя Роберта Рождественского, а 3 ноября 2010 года на здании библиотеки был открыт мемориальный знак. В самом Омске, кстати, тоже одна из библиотек носит имя поэта, а на бульваре Мартынова (аллея литераторов) установлен памятный камень в честь Роберта Рождественского. К сожалению, не сохранился дом по улице Карла Либкнехта, 34, где прошли детские годы Роберта Петкевича (настоящая фамилия Рождественского).

Памятный камень
Р. Рождественскому в Омске.

Дом по улице К. Либкнехта, 34 в Омске.
Окна комнаты Петкевичей — на втором этаже справа. Дом снесён в 2006 г.

Отец будущего поэта Станислав Никодимович Петкевич был потомком ссыльных поляков, работал в НКВД. Мать Вера Павловна (до замужества Фёдорова) была до войны директором начальной школы в Косихе, училась в Омском медицинском институте, который окончила за пять дней до начала войны. Об отце Роберт помнил немного – в 1937 году родители разошлись.

В первые дни войны и отец и мать ушли на фронт. «Даже профессиональные военные были убеждены, что «это» скоро кончится, – пишет в биографии Р. Рождественский. – А что касается нас, мальчишек, так мы были просто в этом уверены. Во всяком случае, я написал тогда стихи, в которых, – помню, – последними словами ругал фашистов и давал самую торжественную клятву поскорее вырасти. Стихи были неожиданно напечатаны в областной газете (их туда отвёз наш воспитатель). Свой первый гонорар (что-то около тринадцати рублей) я торжественно принёс первого сентября в школу и отдал в Фонд обороны...».

Первое стихотворение будущего большого поэта называлось «Фашистам не будет пощады!» и было опубликовано в «Омской правде» 8 июля 1941 года. Под стихотворением подпись: Роберт Петкевич, ученик 3 класса школы № 19, 10 лет.

Роберт остался с бабушкой. А когда она умерла, приехала мать, привезла ему специально сшитую, маленькую военную форму и сказала, что заберёт с собой на фронт – в качестве сына полка. Счастью не было конца... Но это было летом 1944-го. А до этого были долгие военные зимы, и холод, и голод... Многие потом «прорастёт» в стихи:

...Тогда мы жили в Омске.
Там
В сорок втором году
В весну
Мы радовались не цветам,
А рассыпному толокну...
(«Тогда»)

«Память», «Почём фунт лиха?..», «Базар того года», «Та зима была, будто война, лютой...», «Тыловой госпиталь», «Концерт» – эти и многие-многие другие замечательные стихи, всё это Омск, детские впечатления, врезавшиеся в память поэта навсегда.

Уникальную книгу выпустил в 2006 году омский писатель Марк Мудрик. У неё двойное название: Роберт Иванович Рождественский «Омская книга» и Марк Семёнович Мудрик «Берег мой». Её составили стихи Р. Рождественского, связанные с омским периодом его жизни, и документальная повесть М. Мудрика. Опубликованы в ней многие детские фотографии поэта (некоторые – впервые) и снимок того самого дома, снесённого в 2006 году... В 2008 году в Омске вышла в свет ещё одна книга М. Мудрика «20 век. Поэты. Омск», в которую также вошёл материал и о Роберте Рождественском.

В очерке Р. Рождественского «Почему мы пишем о войне» есть такие слова о доме детства: «... Память начинается с города Омска, куда переехала наша семья. В этой памяти стоит двухэтажный старый бревенчатый дом. Брёвна какие-то сплюснутые, потрескавшиеся, и всё равно – живые, потому что меняют цвет... От дома по пружинящим мосткам деревянного тротуара семьдесят шагов до Омки – главной реки моего детства...».

Эти воспоминания поэта органично вошли и в программу омской филармонии, посвящённой предстоящему 300-летию города. Она называется «Два вечера с Робертом Рождественским». Мне посчастливилось побывать на этих вечерах в апреле прошлого года. Первый назывался «Необитаемые острова» (мастер художественного слова Лариса Дубинина, поэт Сергей Денисенко, музыканты Анна Шинковая и Юрий Поляков). На втором концерте – «Какие старые слова» звучали песни О. Фельцмана, А. Бабаджания, Е. Мартынова и других композиторов на стихи Р. Рождественского. Сама программа, сделанная с большой любовью и мастерством, и реакция благодарных слушателей (зал на этих вечерах был полон) – свидетельство любви и памяти простых омичей к своему земляку.

А с 2005 года омская филармония при поддержке правительства Омской области проводит фестиваль соотечественников под названием «Где-то есть город...», название которому дало известное стихотворение Рождественского:

Где-то есть город, тихий, как сон,
Пылью тягучей по грудь занесён.
В медленной речке вода как стекло.
Где-то есть город, в котором тепло.
Наше далёкое детство там прошло...

Страна Карелия

На фронт Роберт так и не попал. Армия шла в наступление, и матери – военному хирургу взять с собой в войсковую часть своего сына не удалось. В Москве его определили в детский дом, который располагался в Даниловом монастыре. Потом он поступил в военно-музыкальное училище. Об этом тоже есть стихотворение – «Третье музыкальное», которое вошло в книгу «Радиус действия» (1965):

Третье музыкальное, –
Помнишь ты или нет
Худого и заикающегося
Курсанта
Двенадцати лет?..

А самый первый поэтический сборник – «Флаги весны» – вышел у двадцатитрёхлетнего поэта в 1955 году в Карелии, в Петрозаводске. Сюда семья Рождественских приехала в 1948 году. Отчим Роберта – Иван Иванович Рождественский, за которого Вера Павловна вышла замуж в 1944 году, дал приёмному сыну свою фамилию и отчество. В Петрозаводске И.И. Рождественский был сначала командиром части, затем работал председателем ДОСААФ Республики Карелия. Роберт после школы попытался поступить в Литературный институт, но первая попытка не удалась, и он год

проучился в Петрозаводском государственном университете на историко-филологическом отделении. А в Литинститут он успешно поступил уже в 1951 году.

И, конечно, Карелия так же, как Косиха и Омск, вошла в поэзию Роберта Рождественского. В стихотворении «Кому принадлежу?» поэт отвечает на поставленный в заголовке вопрос: «Берёзе, ниспадающей в Онегу...». В Карелии у Роберта Рождественского были изданы книги: «Флаги весны» (1955), поэмы «Моя любовь» (1956), «Двести десять шагов» (1982), сборник «Выбор» (1982).

Если во время учёбы в Петрозаводском университете «страна Карелия» Рождественскому была малознакома, то уже через два года, когда Роберт был студентом Литинститута в Москве, он вместе с другом – поэтом Маратом Тарасовым – поедет в глухой Пудожский край. Здесь, как отмечают биографы, и произошло приобщение молодого поэта к дописьменным источникам русской культуры. Авторские вечера, устраиваемые потом Рождественским в разных уголках Карелии (Кондопоге, Сортавале, Лахденпохье, Кеми) литературоведы называют традицией, которую он перенял от народных сказителей (Федосовой, Трофима Рябинина), выступавших с плачами и былинами перед большими аудиториями.

«Во время одной из таких поездок и родилась идея посетить место захоронения знаменитой «народной поэтессы» Ирины Андреевны Федосовой, – вспоминал Марат Тарасов. – К великому удивлению и огорчению Роберта Рождественского, могила Ирины Федосовой уже через 70 лет после смерти сказительницы была утрачена. Рождественский приложил немало усилий для того, чтобы разыскать последний приют великой воленицы. А когда могила была наконец найдена (возле деревни Шилово на Юсовой горе), поэт, бывший в то время секретарём правления Союза писателей СССР и членом президиума Литфонда, обратился с просьбой о выделении денег на памятник Федосовой к директору Литфонда. Тот спросил: «Разве ей полагается памятник – она не член Союза писателей. Да и есть ли у неё заслуги?». – «У неё, – сказал Роберт, больше обычного заикаясь, – заслуги есть».

А о самой Федосовой очень скоро у Роберта Рождественского появились такие строки:

Спой, Ирина Андреевна свет-Федосова,
Про крестьян Олонецкой губернии спой.
Ты, Аринушка, выскажи их безголосье,
Пособи сиротинам, уважь горемык.
Ты спаси их, спаси от извечной напасти,
Ты их выпрями, выправь, людьми назови.
Ведь не зря по России
Всё Спасы да Спасы –
На терпении Спас,
На слезах, на крови...

Связь с народным плачем отчётливо ощущается в поэме Рождественского «Реквием», в тех строках, когда мать оплакивает своего погибшего сына...

В стихотворении «Подкупленный» поэт говорит: «Я подкуплен и Палангой, и Кижам...». Несколько стихотворений посвятил поэт жемчужине северного края – Кижам, неповторимым деревянным храмам. Одно из них так и называется – «Кизи»:

Он стоял легко и крупно.
К облакам вздымаясь круто,
купола светились крутло,
будто спелые плоды...

А в стихотворении «Мы стоим перед Кижским собором одни...» купола Преображенского собора Р. Рождественский сравнивает с друзьями:

... встанут други мои,
будто Кижский собор,
над могилой склонив
двадцать две головы...

Когда, задрав голову, я любовалась этим рукотворным чудом Кижей – Преображенским собором, то в голове звучала именно эта строка – «двадцать две головы...».

В Карелию я приезжала на большой поэтический праздник – Цветаевский костёр, который уже десять лет проводит в Петрозаводске замечательный энтузиаст, цветовед Наталья Васильевна Ларцева. И, конечно, прошла по местам, связанным с памятью Роберта Рождественского. Это здание университета, где он учился, это дом по улице Ленина, где начинающий поэт жил с родителями. Сейчас на нём висит мемориальная доска. Одна из улиц Петрозаводска носит имя Роберта Рождественского.

Петрозаводский университет.

Кстати, имена Цветаевой и Рождественского оказались связаны между собой – «круговой порукой поэтов». Р. Рождественский был председателем Комиссии по литературному наследию Марины Цветаевой, добился открытия дома-музея Цветаевой в Москве в Борисоглебском переулке. Надежда Ивановна Катаева-Лыткина, основатель музея, писала о многочисленных трудностях, с которыми столкнулись энтузиасты, решившие сохранить дом, где жила Марина Цветаева в 1914-1922 годах. Надежда Ивановна вспоминала: «Союз (Союз писателей. – **О.Г.**) должен был взять на себя хлопоты, все расходы, ответственность. Кто рискнёт на такое? Обошли всех – непередаваемая эпопея! Сколько «громких» писателей категорически отказались! Роберт Рождественский заменил в ЦДЛ К. Симонова

(после его смерти в августе 1979 года. – **О.Г.**). Он – решился. Взял всё на себя. Везде ездил сам. Добился постановления...» (из книги «Борисоглебье. Дом-музей Марины Цветаевой», издательство «Троица», Москва, 2007).

По московским адресам

Из Петрозаводска я поехала в Москву – по своим делам и многочисленным поручениям. И тут Роберт Иванович словно незримо меня за руку водил... Вот нужно мне было попасть на станцию метро «Тульская», забрать пару книг для павлодарских музейщиков. А рядом ведь – Данилов монастырь. Как не зайти! И как не вспомнить, что тут в конце войны жил в детском доме будущий поэт Роберт Рождественский. «В Даниловом монастыре половину занимала тюрьма, половину – детдом. Обидно было до смерти, что на фронт не попал...» – писал потом поэт. Нам трудно теперь представить всю обиду и отчаяние мальчишки, который две недели ехал из Омска с мамой на поезде – «на фронт», в военной форме, сыном полка, в твёрдой уверенности, во-первых, что будет с мамой, во-вторых, что попадёт на самую настоящую войну! И вдруг – детский дом...

И заходя в Литинститут, я тоже вспоминала Роберта Ивановича. В 1951 году его мечта осуществилась — он стал первокурсником Литературного института имени Горького! Тогда здесь учились Евгений Евтушенко, Расул Гамзатов, Григорий Бакланов, Владимир Соколов. С ними будущий поэт познакомился, подружился. Здесь в 1953 году Роберт встретил свою первую и единственную любовь, студентку отделения критики Аллу Киреву, будущую жену. Ему был 21 год, а Алле 20...

Вспоминая о своём знакомстве с Р. Рождественским в Литинституте, Евгений Евтушенко писал, что «проверкой на вшивость» было для них знание чужих стихов. И с Рождественским он подружился сразу, потому что Роберт знал запрещённых в то время Павла Васильева и Бориса Корнилова. ...Порадовался бы сейчас Роберт Иванович, узнав о том, что в Павлодаре открыт дом-музей Павла Васильева и поставлен ему памятник, и в Москве открыли мемориальную доску на доме, где он жил.

Кстати, Рождественский был дружен и с нашим замечательным земляком Олжасом Сулейменовым. С его имени начинается стихотворение Рождественского «Друзьям»: «Олжас, Мумин, Виталий!..». Третий герой из этого списка – Виталий Коротич в своей книге «Уходящая натура, или Двадцать лет спустя» вспоминает о поездке во Францию осенью 1977 года. С какими чувствами они втроем – Коротич, Сулейменов и Рождественский – бродили тогда по Парижу, сколько планов было впереди! «Я вижу вас за далью, воочью и во сне. Стихи друзей читаю. Как будто письма. Мне», – так заканчивалось стихотворение Р. Рождественского «Друзьям».

Заходила я по делам и в ЦДЛ, где немало дней своей жизни провёл Роберт Иванович... Такая уж это была поездка, «Рождественская». А в Переделкине у меня не было никаких дел, просто я специально поехала туда – поклониться могиле поэта. Перед смертью Р. Рождественский тяжело болел, перенёс сложную операцию. И написал пронзительные, может быть, лучшие свои стихи, которые потом составили сборник «Последние стихи».

Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле.
Что-то я делал не так;
извините:
жил я впервые на этой земле.
Я её только теперь ощущаю.
К ней припадаю.
И ею клянусь...
И по-другому прожить обещаю.
Если вернусь...

Но ведь я не вернусь.

На чёрном камне фамилия поэта и даты его жизни: 20.06. 1932 – 19.08.1994. Рано он ушёл, первым из друзей-шестидесятников – Вознесенского, Ахмадулиной, Окуджавы. Шёл мокрый снег, природа словно плакала...

*Могила поэта на
Переделкинском кладбище.*

И всё же он вернулся, и продолжает возвращаться – своими стихами, своими песнями, к новым поколениям читателей 21-го века!

Фото автора.

Павлодар – Омск – Петрозаводск – Москва – Переделкино.

Ирина СТРУГОВА

*

(Первая часть 1990-1999)

Слово оправдания

Моя трагическая ошибка уже не может быть исправлена, как и всякая иная трагическая ошибка. Как известно, трагедия отличается от простой драмы тем, что в сюжете нет возможности обратного хода, нет возможности что-либо исправить. Моя трагедия заключается в том, что когда-то я приняла роковое решение покинуть Россию. Что мною руководило? Причин было много, но все они ничего не стоили по сравнению с моим тогдашним внутренним состоянием полного разочарования в жизни, равносильного абсолютному нежеланию жить вообще. Это было самоубийственное состояние, которое я не имела права разрешить традиционным способом, поскольку у меня были обязательства перед детьми и Богом. Однако окончательное решение уехать я практически принимала неосознанно. С первых же минут моей жизни в изгнании я поняла, что попала в ад и что теперь мне предстоит выживать и сохранить детей. И, кажется, мне это удалось. Теперь, на закате жизни, я хочу привести в порядок мои многолетние записи. И хотя я знаю, что почти никто не будет их читать, я всё равно должна это сделать. Почему? Во-первых, потому, что надо пройти весь этот путь снова (я буду читать, когда буду печатать), а во-вторых, потому, что верю в написанное слово и в то, «что рукописи не горят».

Кроме того, в этих записках содержатся моменты жизни, как моей, так и жизни других людей. Содержатся рассуждения и идеи, доказательства существования свободы духовной и счастья в несчастье. Эти записки принадлежат мне, и мне негоже восхвалять самую себя, но я буду. Однако восхвалением это нельзя назвать. Это исповедь страдания и счастья, доставляемого талантом. Просто, прожив жизнь, прислушиваясь к самой себе и сравнивая то, что я знаю и чувствую, с тем, что узнавала о других мыслителях, поэтах и художниках разных жанров, я убедилась, что имею врождённый дар и всю жизнь несу его, как бремя, как страдание, но и как счастье. Именно в творчестве, в постоянном вдохновении я нашла своё счастье. Если кому-нибудь захочется узнать, как я это делала и как делаю, советую прочитать эти записки.

Предисловие

Огромная земля Соединённых Штатов Америки не во многом уступает по размерам России, а уж территория сосредоточения человеческого страдания и унижения, пожалуй, во многом превосходит, и по количеству и по качеству, территорию советского ГУЛАГа, сущность которого была так блистательно представлена миру нашим великим соотечественником. Миру повезло с тем, что в рядах полуголодных и полузамёрзших заключённых ГУЛАГа оказался этот наш соотечественник, который был не просто нашим соотечественником, но и писателем, к тому же смелым человеком. Писатель наблюдал, записывал, а смелый человек, с риском для жизни, публиковал свои записи и наблюдения.

*Сокращённый вариант.

В данном случае мы имеем нечто подобное. Примерно два века в США иммигрируют разные люди и по разным причинам, и, как говорил Гарибальди, они попадают в Страну Забвения. В Страну Забвения или на тот свет. «Заграница – это загробный мир. Кто туда попадает, тот никогда не возвращается». Эти справедливые слова принадлежат, как ни странно, другому великому соотечественнику, Остапу Бендеру, придуманному писательским воображением Ильфа и Петрова.

Автор предлагаемого, можно сказать, документального труда, имел удачу не только проживать длительный срок на территории американского Гудлака, не только страдать и голодать, но и наблюдать и записывать. Труд этот называется «Архипелаг Гудлак» (что в приблизительном переводе означает «Архипелаг Удачи» или «Архипелаг – Всего вам хорошего»), и этим названием сказано почти всё. Возможно, нет и необходимости продолжать.

И всё-таки! Стоит, решительно стоит продолжать! Во-первых, не все знают, увы, о чём же писал наш великий соотечественник, а поэтому не смогут спроецировать ужасные впечатления от ГУЛАГа на не менее ужасные реалии ГУДЛАКа. Во-вторых и в последних, детали, подробности пережитого на земле нового Архипелага, возможно, помогут людям быть осторожней в оценках таких понятий, как свобода, равенство, справедливость, сытость, богатство нации, государственный порядок, а также других важных понятий, намеренно и ненамеренно искажаемых давно созданным мифом о могущественной державе, называемой Соединённые Штаты Америки. Кстати, есть большие сомнения по поводу истинного могущества этой выдуманной мишурной страны. Возможно также, что по прочтении данного труда наш читатель пересмотрит свои naive представления о правах человека в США, которые якобы совсем не такие, как у нас, а намного лучше. И если кто-то сейчас заметит, что, мол, страдания и унижения в стране всеобщего благополучия являются лишь духовными и нравственными, пусть тот прочитает данное произведение и увидит нечто другое. Увидит крайнюю материальную бедность американского народа, равно как и вновь явившихся искателей счастья в денежном выражении. Ни материально, ни духовного благополучия в ГУДЛАКе нет. И не надо мудрствовать лукаво. Надо просто логически мыслить.

Если знаменитое изречение «Сперва поест, а нравственность потом» верно, то в мире, где идёт неустанная и жестокая борьба за кусок хлеба, вековая борьба, до нравственности руки не доходят. Наоборот, в процессе этой борьбы человек превращается в обыкновенного хищника (так писали в советской пропаганде, и были правы). Более того, и нравственность, и мораль преобразуются, по великой способности человека приспособливаться, в жестокость и насилие, во «вседозволенность».

В данной работе вы увидите, как жили и страдали первые американские пионеры, осваивавшие гранитные земли Архипелага. Как складывалось невиданное доселе ни в одной земле поколение людей-пиратов, создавших свою страну «Свободы». Великую страну джентльменов с большой дороги, джентльменов удачи.

Это будет рассказ о людях из-под мостов Лондона, так называемых кокни, сделавших свой сленг государственным языком этого невиданного доселе нового государства.

Это будет рассказ о том, как эти самые кокни в жестокой борьбе, умирая и страдая, начисто уничтожили индейцев, истинных хозяев американской

земли, так гостеприимно поначалу встретивших пришельцев. И эта кровавая борьба превратила и тех и других в людоедов. Прочитав всё это, может быть, читатель поймёт, что к американцам нельзя подходить с нашими русскими мерками, да и вообще с мерками цивилизованного человека. И самое главное, может быть, поймёт, что понятие цивилизованность, с лёгкой руки этих самых американцев, поменяло свой первоначальный смысл на прямо противоположный.

Может быть, не каждому известно, что Архипелаг Гудлак, как и всякая тюрьма, постоянно пополняется новыми заключёнными, а по-нашему, иммигрантами. Америка – страна иммигрантов. И как в каждой тюрьме, там царят тюремные законы старшинства и грубой силы. Ещё у нас есть термин, для армии, «дедовщина». Так вот, дедовщина – это иерархия в жизни ГУДЛАКА. И так же как в тюрьму попадают по глупости или из-за совершённого преступления, а в армию по призыву правительства страны, в Америку приезжали люди, либо замешанные в преступлении в своей стране, либо по наивности, желавшие избежать политических или религиозных преследований. Ещё были, и их большинство, любители денег. Все без исключения рекрутировались, или попадались (в случае преступной деятельности) примерно одинаковыми методами.

Всем обещалось всё, о чём они мечтали. Обещали свободу вероисповедания, свободу голоса и выборов, свободу трудоустройства по способностям. Обещали также социальную защиту и отсутствие всяческой дискриминации. Все эти обещания, разумеется, моментально забывались, как только жертва попадала на территорию Гудлака и давала всяческие клятвы и обещания верности Архипелагу. Нарушения клятвы жестоко караются. Вот этот момент всячески упускается даже самыми дотошными критиками Соединённых Штатов. Первая и, возможно, единственная, но основополагающая клятва – это отречение от родной земли, от собственной нации. И если кто-нибудь сейчас возразит – есть же там в любом городе Чайна Таун (Китайский город) или мексиканская колония, или Брайтон Бич (русское поселение в Нью-Йорке), пусть читает дальше, чтобы увидеть, какой ценой добывают эти маленькие Китаи или маленькие России своё право на существование в среде Гудлака, и как они из живых людей своей нации превращаются в призраки, в клоунов, в актёров.

Всюду в США, куда бы ни посмотрел автор данной работы, можно было видеть одно и то же: заборы, заборы, машины, рестораны и казино. Платные университеты, платные больницы. Дома, похожие на временки на наших стройках, парки, коих почти нет, без лавочек... (власти городов намеренно уничтожают лавочки, чтобы на них не спали бездомные). А эти бездомные! Бездомные, они везде! И в этих парках, и между домами, и между машинами... бездомные. А те, которые не бездомные? Да, они тоже есть, конечно, и это так называемые счастливые американцы. Они и есть настоящие заключённые ГУДЛАКА. Они живут в вечном страхе и перед паханами (миллионерами разного рода, в основном крёстными отцами и их семьями), и перед охраной Архипелага (так называемыми правоохранительными органами и правительством). Страх этот сравним только со страхом, царившим в Советском Союзе при Сталине. После Сталина в России уже такого страха не было. Страх царит в американской жизни всюду. Им пропитано всё, любое общение, даже сам воздух. Подпитывается страх тем, что в этой стране царят абсолютно тюремные законы: каждый следит за каждым, каждый мечтает завалить каждого, каждый спешит донести на каждого. И не только на службе. Человек идёт по улице и всегда боится, что он не там перейдёт улицу, не так посмотрит на встречного, особенно на полицейского. За

один неосторожный взгляд, за одно неосторожное движение можно попасть в машину полицейского. А там уже неважно, если тебя и отпустят. Унижение будет полным. Дома человек не может расслабиться. Если это съёмная квартира, человек ежеминутно под наблюдением сдающего квартиру, а значит и полиции. Там не принято приглашать к себе друзей. Не принято? Никто не задумывается, а почему не принято. А потому, что всем давно известно, что друзья подкладывают в вашей квартире вещи, за которыми сразу же является полиция. Потому что друзья доносят на вас. Вы не можете быть спокойны, если ваш ребёнок кричит и плачет, часто без причины, на улице или даже в вашем жилище, тогда вас могут заложить как истязателя детей. Вы не можете взглянуть на женщину и сделать ей комплимент. Она вас может обвинить в сексуальном домогательстве... Этот список страхов можно продолжить.

В данной работе использовались примеры как из личной жизни автора, так и рассказы по месту заключения в Гудлаке. Кроме того, приводятся воспоминания и заметки рождённых в Америке людей, называющих себя истинными американцами.

Перед читателем пройдут несколько поколений иммигрантов разных национальностей. В особенности же русских, волна за волной. Это будут евреи начала 20-го века, бежавшие от погромов. Это будут белоэмигранты «голубых кровей». Это будут бывшие пленные немецкой армии. Это будут невозвращенцы от искусства, науки и политики. И, наконец, будут люди последней волны, возникшей в океане человеческой трагедии при громоподобном падении Советской Империи.

Люди этой последней волны очень отличаются от предыдущих тем, что они образованны и воспитанны по лучшим методическим инструкциям Советского Союза, а также тем, что у них не у всех потеряно чувство любви к Родине. От белоэмигрантов, также прекрасно образованных и любящих Родину, эти люди отличаются тем, что они рождены в Советском Союзе, а значит они социальные.

В завершение замечаний по поводу данной работы хочется отметить, что читатель не должен искать каких-либо ужасов, подобных ужасам солженицынского Архипелага. Однако следует обратить внимание на моменты иного ужаса бытия в США, приводящего к деградации людей, попавших на острова Архипелага Гудлак, равно как и на бедность и убожество самих янки. Следует также постараться понять, как капитализм, доведённый до предела, разрушает отношения между людьми и семейные отношения. Как отношения с детьми превращаются в постоянную вражду. Следует также понять, что, как бы романтично и литературно это ни звучало, но выхолащивание всяческой духовности в людях действительно приводит к вырождению человеческой расы и превращению людей в жестоких и бессердечных животных. Отсутствие исторической культуры, отрицание и отказ преемственности её из Старого Света приводит к гуманитарной катастрофе в области морали и нравственности. И самое главное, для чего это следует понять, так это для того, чтобы не допустить подобного разложения морали ни в душе русского человека, ни в российском обществе в целом.

Но посмотрите, как в мире быстро появляются всё новые и новые острова. Украина, Грузия, Прибалтика... И оккупация осуществляется не оружием, а растлением.

Когда мы говорим об оккупации, мы обычно подразумеваем наличие страны агрессора, захватившей другую страну-жертву. В настоящее же время нужно понимать, что оккупация происходит не со стороны одной страны и даже не со стороны США, а со стороны самого, что ни на есть, Капитализма.

Капитализм – это извечно существующая борьба за выживание в условиях беспредела человеческой ненасытности и жестокости. В этой борьбе, как это было и в первобытном обществе, сила решает всё. Сила, хитрость, изворотливость, а также так называемая дружина (армия) делали из амбициозного шимпанзе князя на коне. В настоящие времена амбициозный человек или, что чаще, бандит становится князем на «Майбахе». В современном капитализме происходит беспрецедентная миграция рабочей силы и перемешивание слоёв общества. Княжество не всегда передаётся по наследству. Добыча делится, отнимается, теряется, приобретается и исчезает. Подданные – рабочие или, что ближе к реальности, всё те же рабы, чаще, чем прежде, бунтуют и даже иногда сами пересаживаются из трамвая в «Бентли». Но существа Капитализма всё это не меняет. При наличии такой жадности и социализм станет капитализмом, что и случилось в Советском Союзе. Не будь неудержимой жадности и жестокости, это удивительное и уже, видимо, неповторимое общество не развалилось бы так мгновенно и бесповоротно.

Капитализм, как тот самый Белый Кит Мелвилла, непобедим и страшен. Совершенно естественно, если читатель засомневается и спросит, причём же здесь Архипелаг Гудлак и США? И если утверждать, что этот самый Белый Кит непобедим, то не следует ли из этого утверждения, что лучше оставить всё как есть и не суетиться? Оно, возможно, и так, но есть ещё Россия, в которой был Советский Союз и в которой всё ещё живут люди, верящие в пусть утопическое, но справедливое общество. И в какой-то мере эта вера радикально отличает российских граждан от всех остальных, и даже российские князья на «Майбахе» и «Бентли» пока ещё иные. Вот для чего следует читать это всем тем, кто хочет хоть как-то спасти и себя и своих детей от полного растрепания и рабства.

США – это квинтэссенция капитализма, это его главный рассадник. США – это раковая опухоль с метастазами по всему миру. Как мы уже отмечали, метастазами поражены наши братья – Украина и Грузия. Метастазы у нас в семьях. Посмотрите на наших детей, покрытых татуировками, презирующими учёбу и труд. Эти дети – потенциальные преступники и рабы. Рак поражает всё от стран в целом до детских садов. Это чётко налаженная система извечного Капитализма (или попросту жадности и жестокости, как хотите).

А что же может предложить Россия? А то, что и было создано за короткое время существования Советского Союза. А именно – социальных людей.

За время существования нашей страны выросло поколение людей, способных противостоять этому неизбежному злу. Пусть не уничтожить это зло, но противостоять, а это уже немало. Почти все мы вышли из Советского Союза и, может быть, стоит прекратить глумиться над нашим собственным происхождением. Глумление это в основном направлено не столько на недостатки и кровавые деяния Сталина, сколько на тех людей, что строили Магнитку и прокладывали высоковольтные линии, равных которым нет в мире. Глумление это направлено на людей честных и бескорыстных, на наших родителей и дедов. Глумление это направлено на нас самих. И ещё не следует забывать, что с утра до вечера мы и наши дети слышали от учителей и родителей, что быть жадным плохо, что жить во дворце рядом с хужиной – плохо. Значит, как могли, но боролись с заложенной в человеке жадностью. Значит, пытались следовать тому, что хорошо. Значит, знали, что такое хорошо и что такое плохо. Знать, возможно, все знают, хотя и забыли, но вот следовать... А мы, многие из нас, следовали. Но слишком короткое время было нам отпущено.

Вспомните, пожалуйста, наших рабочих и колхозников, нашу интеллигенцию и наших солдат. Они жили и строили новое общество, не думая о собственном обогащении. Это были Новые Люди. Не их вина, что были и другие, были дети Капитализма, которые и разрушили только чуть-чуть ставшее на ноги Новое Общество. Разрушили строй. Но Новые Люди и их дети – они остались, к ним и обращена эта книга.

Итак, предлагаются многолетние записи, регистрирующие мельчайшие детали жизни на островах Архипелага Гудлак. Ещё раз повторяю, что читатель не найдёт здесь ни пыток, ни истязаний физического свойства. Однако люди, нелишённые чувства собственного достоинства, чувства Родины и любви ко всему, что делает нас русскими, почувствуют всю боль и страдание и автора, и других обитателей островов. На островах Архипелага существует изощрённая система истязаний словом, презрением, безразличием и унижением всяческого человеческого достоинства. Человек, постоянно подвергающийся подобным издевательствам, деградирует и перестает быть полноценным человеком.

Следует также обратить внимание читателя на то, что эта работа является дневником автора, который, однако, никогда не предназначался лишь для узкого или интимного круга читателей. Автор совершенно сознательно регистрировал все детали жизни на островах с целью их публикации. Соответственно следует и читать всё это как постепенно, год за годом разворачивающуюся картину жизни. Меняются события, меняются люди. Противоречия разрешаются с годами или появляются новые. Главные действующие лица стареют, дети взрослеют и рождаются новые люди.

Как мы туда попали

Нет, нас не арестовали, не пришли ночью, не прислали «воронок», не повели под конвоем. Нас не допрашивали, не пытали, нас даже не агитировали явно (всегда исподволь, незаметно), мы сами туда пошли. Но многие и многие годы так или иначе мы подвергались воздействию выталкивающей силы неприятия всего окружающего, силы всеобъемлющего протеста, столь живучего в русском народе. Не хочет и не может русский человек принимать никакого порядка, кроме барского приказа. А поскольку барского приказа не стало со смертью барина в 53 году, то и управы на нас не было никакой.

Всё, что я здесь напишу, будет относиться в основном только ко мне и только через меня. Другие пусть пишут и вспоминают сами. Пусть читают, что я написала, соглашаются или не соглашаются – это их дело. Но я под присягой могу сказать – пишу чистую правду.

Хрущёвское развенчание Сталина пробудило океан недовольства и горя в стране. Волна за волной шли воспоминания бывших узников ГУЛАГа. Десятилетиями молчавшие люди заговорили. Появилось множество книг на тему лагерей. Зазвучал Александр Галич. Он пел: «Промолчи, попадёшь в палачи!», и я очень испугалась того, что и я могу попасть в палачи. И чтобы как-то оправдаться перед кем-то, возможно, перед собственной совестью, мне надо было слушать запрещённых поэтов, потом повторять их стихи и песни, как молитвы. И так было не только со мной. Вся страна, всё поколение 60-х слушало и пело – Высоцкого, Окуджаву, Евтушенко, Беллу Ахмадулину. Появилась масса иностранной литературы, проповедующей свободу личности. И я, читая Орвелла, ни минуты не сомневалась в том, что его романы это буквально про нас, про Сов. Союз. Сэлэнджер, Брэдбери, Хапер Ли, Апдайк, Курт Воннегут – все они стали

нашими писателями, проповедниками наших мыслей и устремлений. Мы как-то не задумывались над тем, что не могли эти замечательные писатели писать про нас, им чужих. Они на то и замечательные писатели, что писали про себя.

Были и наши настоящие, выросшие среди нас писатели совершенно иного склада, чем прежде. Валентин Распутин, Чингиз Айтматов, Искандер, Шукшин. Твардовский напечатал в «Новом мире» роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Этот роман, при всей его непонятности, в силу необыкновенной художественности и красоты обратил тысячи неверующих молодых людей к вере. Образ Христа в романе обладает магической силой и затмевает все остальные события и характеры. В моей душе, как и душах многих молодых людей того времени, рождались сострадание и вера. Мы начали ходить в церковь, искать проповедников и учителей. Находили. Кто кого. Мой муж увлекался йогой. Я – православием. Потом и он перешёл на мою сторону. Мы долго ходили в подпольный кружок к совершенно замечательному человеку Геorgию Степановичу Малюченко, последователю Бердяева и С. Булгакова. Многому у него научились, но не поняли главного: Россия – особая страна, и от неё не уйти русскому человеку. Тут надо заметить, что он, один из немногих в нашем окружении, узнав, что мы собираемся уехать в Штаты, не выразил по этому поводу ни одобрения, ни порицания, потому что сомневался в правильности нашего выбора. Сомневался, но не предупредил, не остановил. Много позже я поняла, что он, как и мы все тогда, был под влиянием силы протеста и выталкивания. Нас выталкивало из Православия, из России, из самих себя. Мы знали, что там не будет ни Православия, ни русского языка, не будет России. И всё же шли на всё, чтобы уехать. Мы ещё не знали, что жить без России нельзя, что жизнь без России – это смерть.

Непреодолимое желание покинуть «проклятую страну» подогревалось со всех сторон. Радио «Свободная Европа»! Оно вещало хладнокровно и бесстрастно, излагая факты так, как следовало, чтобы мы ещё больше начали ненавидеть порядки нашей страны, ещё больше стремились разрушить её, уехать, опозорить её. Появилось море подпольной литературы. При кажущемся строгом режиме и КГБистском надзоре все читали и перечитывали антисоветские произведения. Было такое впечатление, что свобода захлестнёт нас, что свобода буквально дарится (или провоцируется) самим КГБ. Появился роман А.И. Солженицына «Архипелаг Гулаг». Читали все и перечитывали, несмотря на слухи о том, что за это можно было сесть в тюрьму. И сажали некоторых, возможно, для поддержания мифа о страшных притеснениях свободы слова и мнений. Я прожила в Москве до 48 лет и не видела ни одного арестованного за чтение подобной литературы. Но зато сидела и пила коньяк и кофе с полковником КГБ, и при этом свободно ругала советскую власть, и не получила ни срока, ни даже порицания. Ничего не получила. За мной следили. Проверяли телефон, но ни разу не вызвали. Ни разу ничего плохого ни со мной, ни с моими знакомыми не случилось. Конечно, связи с религиозными правозащитниками свели меня с Александром Огородниковым и Глебом Якуниным. Они сидели и долго сидели. Но то, как они и ещё многие, им подобные, вели себя, больше напоминало торговлю революционными побуждениями и тюремными страданиями. Они очень даже были заинтересованы в том, чтобы их материально поддерживали друзья из разных так называемых цивилизованных стран, в свою очередь заинтересованных в развале Советского Союза. Как я уже писала, сострадание было превыше всего. И мы страдали этим невинно пострадавшим узникам совести. Я лично сражалась с органами за права Александра Огородникова против запрещения жить в

Москве после освобождения его из лагеря. Я лично прогнала с моего порога вооружённых милиционеров, пришедших выселять Огородникова из моей квартиры. Они грозились мне всяческими наказаниями, однако не было никаких последствий моего «смелого» поступка. Не было потому, что уже давно все наши так называемые органы, возможно, благополучно служили делу развала Советского Союза.

В то время Россия была провозглашена Рейганом империей зла, и мы всеми силами стремились покинуть эту империю. Люди переплывали моря, выпрыгивали из самолётов с парашютом, перелезали через стены с электрическим током в проводах на этих стенах. Люди выходили замуж и женились на иностранцах с одним умыслом – покинуть свою страну. Отсылали своих детей в конейнерах через границы, расставаясь с ними навек. Только бы убежать из страны! И опять нам помогли. Появилась возможность уезжать. Кому? Евреям.

Евреи – особый народ. Они никогда не были крепостными в царское время, они никогда не были настоящими советскими людьми. Парадоксально, но факт. И советское руководство, не испытывая никакого неудобства или недоумения, стало разрешать практически свободно выезжать из страны исключительно евреям. Конечно, их заставляли платить некоторые деньги за полученное образование (позже они смогли убедиться, сколь ничтожные суммы с них запрашивали, если сравнить, что подобное же образование в США стоило бы им в сотни раз больше). Конечно, отъезд всегда чреват тратами и потерями. Но вожденная свобода была дороже. Мы искали доказательств родства с погибшими в войну евреями, находили, фальсифицировали и получали разрешения тоже.

Многие уехали, и в Союз полетели стаи писем от «прекрасно устроившихся» там людей. Но никто не писал, что для того, чтобы прекрасно устроиться в США, надо лгать и лгать, надо продаваться ежеминутно. Эти письма останутся на совести тех, кто их писал. Как правило, людям стыдно признаваться в позорных ошибках, и они начинают лгать или, что, возможно, вернее, фантазировать. Однако эти фантазии стоили некоторым наивным людям, вроде автора этих горьких записок, весьма дорого.

Начнём с записок давних. Начнём с начала

23 марта 1988

17 числа в 10.35 мы вылетели из Москвы в Вену. Этой минуты мы ждали 8 лет. Начиная с 12 марта шли наши проводы. Вспоминать и горько и радостно, будто побывали на собственных похоронах. Аня сказала: “Это одновременно и поминки, и свадьба”. Да, ощущения были двойственные и значительные. В эти дни через наш дом прошло человек 150. 12-го были основные проводы. Было человек 60. Но главное – это молебен. Служил о. Валентин, помогал дьякон Олег. Картина незабываемая. Человек 40 со свечами. Пели нам с Димой “многие лета”. До этого я несколько раз порывалась плакать, особенно прорывались слёзы, когда Надя подарила мне маленький керамический кувшинчик с землёй Александр-Невской лавры. После молебна стало спокойней.

Ну, оставим это. И больше не будем вспоминать ни про первую любовь, ни про всякую там романтику, нахлынувшую в дни прощания с Москвой. Провожали только некоторые и даже не самые близкие. Многие боялись даже провожать. И близкими стали те, кто стоял за барьером аэропорта, перед таможей: Миша О., Вадим, Олег, Оксана, Игорь Б., Володя К., Аня (из Иванова), Таня – жена Игоря. Трое последних – случайны в моей жизни. Странные у меня отношения с

Оксаной. Бедная, она немного в меня и там будет страдать. Она плакала. Елена и Аня тоже плакали. Олег со своим целибатом напоследок сказал Марусе: “Пришли мне невесту”. Вообще мы разбередили почти всех наших друзей. Им было почти невыносимо оставаться.

Так провожают из тюрьмы. Саша Ч. так и сказал: “Когда провожают из тюрьмы, плачут остающиеся”. Таня Д-ая плакала. Стояла, как матрёшка, хорошенькая, вся раскрашенная, и горько-горько плакала. Аня Яр. плакала. Наташа Кес. плакала: “Если бы вы знали, кто мой отец? (её папа – полковник КГБ). Он мне такую Америку покажет”. Моя Галья на аэродром не поехала. Не пришёл на проводы и мой старший сын Валерий.

Заграница началась за турникетом пограничника, проверявшего наши визы. Он попросил поднять Митю, чтобы посмотреть на него. Потом тепло улыбнулся ему.

24 марта 1988

Моя жизнь здесь началась со вчерашнего дня, когда мы купили, истратив дневной запас денег, принадлежности для писания и рисования.

Вена – маленький город, большой музей. Нет улиц, есть залы, нет транспорта, есть игрушечные трамваи, автобусы, автомобили. Люди необычайно вежливы и дружелюбны. Обидно отсутствие языка, хотелось бы поговорить иногда.

В Венской картинной галерее видела “живого” Брейгеля. Видела много другого, но Брейгель тронул меня до слёз. Я и по репродукциям его любила. Есть в нём то, что утрачено в России, то, чего, может быть, и не было, но очень хотелось, чтобы было. Вообще, что меня больше всего потрясло, так это то, что я поняла, что в России нет и не может быть настоящей жизни. Там кривляются, изображают. Смотрят либо с завистью, либо со злостью на Запад, но сами НЕ ЖИВУТ. Поэтому всё так ненатурально и глупо. Здесь – жизнь. Я так и думала, так оно и есть. Жаль нас с Димой.

Из прошлого же жаль маму, отца... всех жаль. Мы там не жили, они там не живут, иные умерли. Какие надо иметь глаза и разум, чтобы утверждать, что в Союзе лучше.

(Вот какие глупости я писала, и вот как мы были обмануты только потому, что Сталин и вся эта клика никогда нам не доверяли. Это я не выдержала и вставила от меня теперешней, узнавшей, как живут на островах. Я приняла манекены за вежливых людей, я приняла внешнюю мишуру за жизнь. Мне нет прощения. Да, теперь я могу сказать, в Союзе было лучше. И мне не жаль маму. Здесь она бы умерла на улице или в жутком доме для престарелых. Мне не жаль себя в молодости и не жаль Диму. Мы учились в прекрасных школах. Мы имели прекрасных учителей, мы ели натуральную еду и т.д. и т.п.).

А пока мы живём в одной комнате в частном пансионе. Нам дают по 360 шиллингов в день. Это прилично. Мы никогда раньше так не питались. Дети порозовели и округлились. Особенно похорошела Маруся. Последние дни в Москве она совсем доходила, похудела, подурнела. Очень тяжёлые это были дни. Многих вещей я не взяла, и мне их сейчас не хватает. Не знаю, что нас ждёт в Риме. Но это неважно, важно, что нас ждёт в Сиэтле. Наш отъезд напоминал бегство. Так оно и было. Особенно бежала я. И за что мне выпали напоследок такие мучения? Я не могу не чувствовать яда отравы тех дней даже теперь. Молюсь Деве Марии. Начала молиться Ей. Может быть, пройдёт всё. Ведь я так любила Диму. И сейчас чувствую к нему порой прежнюю нежность и любовь. Здесь ничего не изменится для меня. Прав был Вадим.

1 апреля 1988. Италия

Что есть предчувствие, ясновидение? Меня пугает моё состояние в этой области. Ещё в Вене. 29 марта мы должны были ехать в Рим. О, как это звучит! «Омой меня, и я стану белее снега» – всё звучит во мне молитва Давида, но тут же голос во мне говорит: «Да, но ведь он остался-таки с Вирсавией!». Ах, Боже мой! Все эти дни я только и делаю, что молюсь “Омой меня...”.

А в день отъезда в Италию я прилегла отдохнуть, и вдруг вижу Митю, видение, и у него за ухом кровь. Я встала и пошла к Марусе. Они, как обычно, бесились в холле нашего пансиона: «Смотри за Митей, как бы он себе голову не разбил”. Через 20 мин. после этого Митю сбила машина. Его спасли сумка с хлебом, которую он спешил отнести в машину, и иконка в кармане брюк. Слава Богу, голова цела. Не было крови за ухом, была сломана правая нога. Трудно представить, что нам довелось пережить, пока его возили в госпиталь и проверяли. Даже Маруся решила быть послушной, так как, по её мнению, именно их бурное поведение привело к такой печальной развязке.

24 марта 1988 (продолжение)

Даже Маруся решила быть послушной, так как, по её мнению, именно их бурное поведение привело к такой печальной развязке. Да и я, и Дима также... Ах, нет, просто и я, и он поняли, что это из-за моей любви, из-за Николая. Так ли я думала забыть его? Теперь он ушёл в небытие, теперь ушёл навсегда. Я поступаю не так, как манит благодать, а как говорит рассудок. Теперь я снова принадлежу Диме и детям. Теперь, как и прежде, для меня открылся весь мир. И кажется, удар, сбивший Митю, отсёк от меня всё то, что так терзало и отвлекало меня. В тот же день, 29-го, мы уехали из прекрасной, так странно очаровавшей меня Вены в Рим. Вена была любимым городом моей бабушки, как говорила мне мама. Когда мы гуляли по прекрасному городу, нам казалось, что там ходила и чувствовала моя замечательная бабка. Видно, она имела вкус. Вена – это чистый, красивый дворец. Это не город, это сплошной дворец, по которому плавно и быстро (быстрее, чем в Москве) перемещается тьма чистых, красивых автомобилей, трамваев, автобусов. Всё продумано, удобно, целесообразно. Витрины потрясающе красивы. Во всём богатство, изыск и некоторая порочность, но при этом, в контраст, чистота и религиозность. Везде кирхи, везде распятия, мадонны и т.д. И тут же упомянутые в своём бесстыдстве туалеты, причёски, манеры. Однако все независимы и раскрепощены. Каждый сам по себе, но не желает зла другому. Получается почти идеальный коллектив. Ни разу никто не обидел, ни разу не слышала ни ругани, ни даже простого замечания.

Март 1988

И вот мы в Италии. Правда, живём на задворках. Отель «Андриотти». Ну точь-в-точь как в романе Булгакова “Бег”. И мы с детьми сидим в нашем номере и боимся выйти в коридор. Гостиница каменная, холодная, мокрая. Запах омерзительный. Живут здесь в основном армяне, украинцы и прибалты. Ни одного приличного лица. Будто попали мы в диккенсовскую трущобу. Хотя одеты все прилично. Комната у нас большая с туалетом, потолки высокие, постели удобные, хотя и с влажными простынями. Окна невероятно грязные и выходят на задворки с помойкой. В комнате мрачно, всё время жжём электричество. Дима ездит в Ладисполь в надежде снять для нас квартиру. Ладисполь очень приятный городок, и там наши милые евреи. Всё-таки насколько они приятней этих христиан. “По тому, как будете любить друг друга, узнают вас”.

Борюсь с тоской, буквально вижу ЕЁ. Она – это НОСТАЛЬГИЯ. Она появляется в виде белого спрута, щупальцы которого готовы всосать всю меня. И меня тогда не станет. «Омой меня, и я стану белее снега».

Итальянцы нас не любят, много кричат, противные. В центре Рима ещё не были и ничего не видели.

10 апреля 1988

Христос Воскрес! Мы празднуем этот великий праздник совсем одни. И звонила я не своим братьям христианам, а Гале. Вот так и здесь: то я иду в клуб Шалом и плачу, слушая еврейские песни, то я иду в Американский клуб и плачу над Христом. Но сами люди! Боже, какие же это христиане?!

Море прекрасное, но погода стоит холодная. Удивительно, что всюду цветы и даже лимоны висят на деревьях. У нас в садике около дома цветёт РОЗА.

Сегодня к нам прибилась очередной шизоид. Я, конечно, этого про него сразу не подумала. Он подошёл ко мне и сказал: “Здравствуйте”. Я ответила, и этого было достаточно, чтобы он не отлипал от меня целый день. Он кажется очень умным, но Дима утверждает, что он шизик, и что я – тоже. Действительно, ко мне всегда прибиваются такие. Объективно, они интересней нормальных. Вспоминаю, как Кшистоф говорил, что шизофреники всегда лучше и интересней, чем остальное население мира. Может быть. Что они лучше, так это сомнительно, но что интересней, так это точно.

12 апреля 1988

Вчера в Американском клубе показывали “Fidler on the roof”, кажется, так по-английски, по Шолом Алейхему. Прекрасно, солнечно, грустно. Когда Цейтел сватает мясника, когда Мотл ведёт себя, наконец, как мужчина! И нет слов, как здорово Тевье беседует с Богом! Вот этих бесед и не было у Михаила Ульянова, в общем, прекрасно сыгравшего Тевье. Как сказано в хорошей книге, если Бог пошлёт исцеление, ты исцелишься. Молодцы американцы. Не хуже Хиаса. Фильмы, книги, угощение – всё для нас, беженцев.

(О да, это была ловушка. Воспитанные советским режимом, при котором всё нам давалось бесплатно, мы, получая от Америки отели, пусть плохие, еду, пусть плохую, и всё остальное, не думали, что за это заплачено и что мы, по существу, продаёмся. Это я теперь так думаю. 2006 год).

У нас общежитие продолжается. Сегодня приехал Володя Т. из Эстонии, и привёз Славу Ж. с четырёхлетним сыном Тимофеем. Этот Слава вроде 7 лет назад уехал, пытался устроиться в Европе. Однако из этого ничего не вышло. Хочет попробовать в Америку. Жена вроде в Швеции. Странно. Не знаю почему. Приятные люди. Володя так вообще мне всё более и более нравится. Рассказывает артистично. Вот пример его рассказа про жизнь в зарубежном монастыре (Толстовский фонд):

«Ну пристроился я, значит, к попам. Ну, чищу им, убираю. За жильё и кормёжку не платить. Хорошо. Вечером, гляжу, наварили больш-ую кастрюлю макарон. Ну, думаю, наемся. Ан, нет. Понабежали какие-то кривые, хромые, бывшие графини и всё подмели. Вот так. А ещё у нас там один подвизался читать. Вроде было всё ничего. Так вот как вышло. Мы со Славой решили отметить знакомство. Взяли бутылку, и этот чтец тут как тут. Ну, выпили самую малость, даже осталось. Что это на троих мужиков?! А у него, знать, что-то не в порядке. С этой малости совсем тронулся. Начал песни петь про Ерёму, падает на пол, молится, кричит, что он монахом будет, и все к нему ходить будут. В общем,

скандал. Крик из церкви на весь Рим. Батюшка его мне поручил. Привели его в комнату. Как ни уговаривал, ничего не помогает. В два часа ночи я взял его за шкворень и вытолкал за ворота. Он пошёл куда-то к неграм в бар, а через час вернулся. До 5 спал под воротами, потом перелез через ограду. Но уже притих. И так притих до пасхи. А в пасху!!! Послали его помогать на кухню. Там он и углядел, где батюшка спирт спрятал. Он его оглушил, и началось. Идёт пасхальная служба, а он с глазами наперекосяк идёт прямо к греку, который читает. Грек этот не знает за ним такого, думает – просто чтец: даёт ему. Он берёт и важно так читает. Батюшка под алтарём в судорогах, кадило дрожит. Что он выкинет?! Тогда посылает к нему эфиопа. Эфиоп так вежливо подходит к нему и говорит тихо: мол, иди отдохни. И так ласково подталкивает его, а там мы со Славой как гладиаторы стоим с кулаками наизготове. Схватили его – и в туалет. Заперли. Так он открыл окно там и принялся орать оттуда. Тут крестный ход вокруг церкви, все графини приползли, директор нашего фонда, его жена. Скандал!».

Ещё у нас проживают две женщины. Их в пятницу поселили в гостиницу ХИАСа, а в субботу выкинули на улицу. Они обратились к реббе. Реббе ответил им весьма значительной фразой: «Вы, наконец, в свободной стране, и вам никто не запретит ночевать на улице». Этих несчастных привели к нам, и мы, конечно, пустили их. Если они сегодня не съедут, как обещали, у нас будет 5 человек сверх. Главное, я вроде и хочу быть одной, но и это нашествие принимаю за благо. Оно включает меня в прежнюю жизнь, на которую я, видимо, обречена. Я не скажу – самопожертвования, нет, но отстранения от собственной личной жизни. Чужие жизни, чужие судьбы становятся интересны, не безразличны. У меня появляются друзья.

13 апреля 1988

Пока не забыла, хочу записать один забавный случай. Сидим с детьми на пляже. Дети на песке, я на парапете, читаю “Русскую мысль”. День неважный, солнца нет, облака, ветер, довольно холодно. Читаю, мне интересно, ничего кругом не вижу и не слышу. Вдруг отвлекаюсь от газеты и вижу, что мы совсем одни, никого кругом, кроме автомобиля, который почему-то подъехал к самому песку, близко к детям. В автомобиле двое мужчин. Один из них выходит, садится неподалёку от меня, вытаскивает огромный кинжал и начинает старательно его точить. Я впадаю в панику: «Ага, они замыслили что-то! Недаром у них в Италии столько преступлений. Ага, вон идут какие-то молодчики. Видно, одна банда...».

Надо скорей увозить детей. А если не будут давать уйти? Митя – с гипсом. Пусть бежит Маруся и зовёт людей. Тем временем “злоумышленники” о чём-то переговариваются по-итальянски. Конечно! Они наверняка знают, что мы русские – *Me non parle italiano*. Иду к детям. Бандиты глазами следят за мной, особенно тот, что точит нож. Маруся с Митей, конечно, разыгрались, как никогда, и не хотят уходить. Наконец, я их уговариваю, умоляю, и они соглашаются. Мы быстро собираем вещи. Я ставлю Митю на парапет, и он взгромождается ко мне на спину. Идём мимо “злодеев”. Они в это время вытаскивают из багажника что-то и глазами и жестами предлагают нам посмотреть. Ананас! Огромный, как средняя бомба. Они будут резать ананас кинжалом и очень сожалеют, что мы уходим. “Ай-фай-фай! Бамбино!”. Показывают на Митину ногу.

Второе впечатление хотелось бы записать. Сегодня всем семейством ездили в Рим к врачу для осмотра и сдачи крови на СПИД. Эта лаборатория “Medico

studio" находится недалеко от американского консульства, куда нам предстоит пойти на собеседование. Здесь Рим мне уже нравится больше. Но, Боже, какой беспорядок! Машины на перекрёстках буквально едут наперерез друг другу. Создаётся впечатление толкающихся людей или, скорее, бегемотов, так как это автомобили, и они выглядят как бегемоты. Почти все сигналият. Шум стоит невообразимый. В одном месте нам предстояло перейти улицу, очень загруженную. Стоим без надежды, что смена красного света на зелёный создаст благоприятные условия для перехода. Вдруг вдали в гущу машин с поднятой рукой входит полицейский в шлеме-каска. Он буквально руками удерживает автомобили, при этом горит красный свет для них, но они, хотя и тихо, но едут прямо на этого несчастного регулировщика. Наконец он их всё-таки остановил, и мы перешли улицу. Это было восхитительно.

В Риме несчётное количество различных монументальных увековечений Пап. У всех такие отвратительные сластолюбивые лица, что приходится удивляться, как такой реализм был возможен.

Вечером в Американском клубе смотрели видео-фильм "Одно слово правды". Это фильм, сделанный по речи Солженицына, которую он приготовил в 70-м году на вручение ему Нобелевской премии и которую он никогда не произнёс. Фильм-кредо Солженицына: Писатель – есть со-виновник всех преступлений человечества. Искусство может спасти мир, если будет честным. Ложь держится на насилии. Исчезнет ложь, не нужно будет насилия. (Сейчас, в 2006 году, читая эти заметки, я думаю, что либо это ошибка в трактовке речи, либо Солженицын неправ, что ложь держится на насилии. Наоборот, насилие держится на лжи. Хотя я не знаю, что первично. Мне кажется, что ложь есть источник насилия, а не наоборот. Если насилие первично, значит оно органично для человечества, и тогда, как я думаю, насилие – это больше физиологическая черта, как, например, секс, и может быть преодолено разумом и моральными устоями, а ложь – это как раз то, что покрывает наши органические пороки и прикрашивает их. Если мы перестанем это делать, может быть, мы перестанем убивать друг друга и насиловать, как, в общем, перестали отправлять свои естественные потребности публично, как перестали есть человечину).

Речь прекрасная. Главное было слышать его оригинальный, его язык. В конце фильма, как иллюстрация к его словам: "Я склоняю голову, пропускаю вперёд тех, кто был достойней меня и не вернулся. Сколько их было! Сколько вырубili их! И только немногие случайно уцелели". Идут кадры бесконечного ряда высоких сосен, потом этот ряд обрывается, и камера на несколько минут задерживается на одиноком прекрасном высоком дереве.

10 мая 1988

Завтра, т.е. с завтра на послезавтра, мы уедем в Рим, а послезавтра улетим в Нью-Йорк. Я уже неделю как знаю это. Волнуюсь. Страшна, опять же, неизвестность. Что происходит со мной? Ко мне, как откровение, кстати, во время беседы в Американском клубе, пришла мысль: гресишь – значит не любишь Бога. Просто? Выходит, раньше не понимала. Грешила и воображала, что люблю Бога. Но ведь перед Димой..? Значит, не любила. Но к Диме, как и к Богу, можно вернуться. Во мне вновь проснулось к нему то чувство, что было прежде. Но что же с ним? Он тоже такой же, как прежде? Сегодня он ударил меня по лицу. Сцена была безобразная. Он приехал из Рима к обеду. Вероятно, устал. Но я тоже устала, к тому же болело сердце. Единственно, что я себе позволила, так это сказать

ему, что надо мне помочь собираться. Я уже собрала к этому времени 4 чемодана. Собрать, может быть, и не трудно, но трудно, а главное чревато сердечной болью, головной болью, передвигать тяжести. Так вот, после этого моего замечания Дима впал в то состояние, которое я теперь называю приступом. Глаза сводятся к носу, взгляд фиксируется, становится каким-то сверлящим, буравящим, просто невыносимым. (Вот сейчас, когда я больше, чем через 13 лет, печатаю эти строки, мне страшно вспомнить его эти глаза. И именно этот страх удерживает меня от того, чтобы попытаться вернуться к нему, хотя всё сейчас располагает к этому). Чувствуешь себя той собакой, что не выдерживает человеческого взгляда. Затем он начинает меня буквально изводить тем, что я, мол, сегодня выкинула 10 миль. “Выкинула” – это истратила 5 миль на бананы для детей и 1,5 на анчоусы. Анчоусы! Я про них только в романах читала. Оказалось вкусно, но очень солоно. Так вот то, что дети были просто-напросто сыты весь день этими бананами, это во внимание не принималось. Он так меня изводил, что и я впала в состояние бешенства. И тут он говорит Марусе: “Смотри, как она заводится” (она – это я). Я не выдерживаю и залепляю ему по уху, так же как и тогда в деревне, когда он приехал уличать меня в измене. И он тут же даёт мне сдачи, полновесную пощёчину. Я никогда не решалась на пощёчину. Вот так! Господи, как мне теперь быть? Ты слышишь меня? Действительно, я пришла к Диме. Ты помогал мне в этом. Не так ли? Ведь не может же быть истиной то, что грезились в Москве: будто бы Божье веленье есть остаться там с ним, с этим искушителем? О, нет! А может быть? Ответь мне, Господи! И только я успокоилась, только они, все эти искушители, увиделись мне в своём отвратительном облики (я даже отправила из Сорренто открытку Н. Мне было спокойно писать ему. Безразлично! Я так проверяю себя. Я думала о том, какое это счастье, что вновь в моём сердце – один Дима. И вот – результат. Господи! Как мне простить его? Как жить с ним? А как он? Сможет ли он смириться со мной? Помоги нам! Дети плакали от этой нашей, мягко говоря, ссоры).

17 мая и 18 мая 1988

Здравствуй, Америка!

Вот уже несколько дней, как мы в этой великой стране. О, я убедилась в этом! Если при переезде из Москвы в Вену, а, вернее, в Вене, ещё по дороге с аэродрома я почувствовала, не поняла разумом (это я знала с детства), но почувствовала через рессоры автомобиля, в котором нас везли – какая пропасть разделяет эти два города, эти два мира, то, прилетев на аэродром Кеннеди, лишь на аэродром, всё стало ясно: Америка – это размах, роскошь, доброжелательство, голубые глаза, белые зубы, безразличие к одежде. (Как смешно мне читать эти наивности сейчас, когда я знаю, что здесь всюду нищета и страх, вставные зубы, деланные улыбки, сплошная фальшь и недоброжелательство, которое чувствуешь кожей всюду). Наконец! В Италии всё было не так, хотя доброжелательства хватало и там.

(Ирония!). В самолёте из Рима в Нью-Йорк нас обслуживала итальянская компания. Вероятно, это было для того, чтобы при перелёте из Нью-Йорка в Сиэтл мы острее почувствовали разницу между американцами и итальянцами. Самолёт в Сиэтл был шикарный. Большой. Чем и как выразить ощущение встречи с иным миром, миром цивилизации, миром жизни?! Боже мой, из какого мрака мы выбрались! Какой свет! Вполне естественно, не выдержать этого света,

зажмуришься. Хочется отказаться, вернуться назад! (Уже первые признаки того, что мучило меня все эти годы). Это так же, как мне из богатой куликовской квартиры всегда до слёз и боли, до сладкого замирания в груди и удушающего комка в горле, всегда хотелось в нашу бедную комнату к маме.

Ирина Баринова встретила нас на аэродроме. В руках у неё были цветы и то моё обручальное кольцо, которое приехало в Сиэтл раньше нас. Мы отдали ей ещё в Москве подарок с побрякушками для неё, но случайно попало туда моё кольцо.

25 мая 1988

Кому писать? Зачем? Опять обращаюсь к своему старому и неизменному другу, к дневнику. Сегодня ночью снился Г.С. Целыми днями у горла слёзы. Наверное, ах да, точно так бывало со мной в Лысой Горе, когда я жила у отца без мамы. (Вот печатаю это и плачу. Боже!). Что есть Америка? Америка – это чудо, это фантастика. Сегодня я пережила, вернее, осознала ещё одно крушение в жизни, ещё раз убедилась в том, что нет большего греха, чем надеяться либо только на самого себя, либо на кого-то из людей. Ни одного человека не должно идеализировать. Ужасно разочаровываться. “Цепь разочарований – есть моя жизнь”, – часто говорила моя мама. Так могу сказать и я. Но так же можно сказать иначе: цепь обольщений и очарований – есть моя жизнь. И может быть, это прекрасно. Но почему-то эти бриллианты обращаются горсткой пепла. Остаётся, правда, Свет, и Он неизменен. О, Господи, помоги нам устроиться! Ирина взяла на себя непосильное бремя. Она встретила нас как родных, но уже на следующий день... А сегодня, в данный момент, она принимает на кухне своих друзей Стива и Боба (позже я узнала, какой ориентации были и эта пара, и сама Ирина), кормит их пищей, а Дима сидит в гостиной, и его она не приглашает, даже не замечает. Оскорбительно и непонятно. То ведёт нас в дорогой ресторан, покупает ненужные дорогие вещи, но тут же охлаждение, и охлаждение такое, будто бы каждое доброе дело делает её злее. Может быть и так? О, Боже! Я не хочу больше жить! Помогите мне! Мы с Димой выкладываемся каждый день, работаем в её доме, в саду. Я, конечно, понимаю, что ей пришлось потратить на нас уйму денег, но... Зачем было нас приручать? Это невиданно и жестоко. И как я могла купиться? Ангел! Святая! Нет святых – и точка!

И эти остальные православные принимают нас как князей, возят по городу, по ресторанам, а ведь на то, чтобы снять квартиру, нам не хватает 100 долларов. Ирина на днях купила Марусе костюм за 100 долларов. Зачем?

Боб и Стив – это друзья Ирины. Есть ещё Ольга Прокопьевна, Ирина Александровна, Теренс и Маргарет. Боб – фармацевт. Несколько дурашливый, совсем молодой и совсем седой. Говорит на сплошном сленге, ничего не понять. Стив – хороший мальчик, английского происхождения. Приехал из другого города поступать в университет. Его отец имеет три машины, но Стиву самому приходится зарабатывать для уплаты в университет. Работает ночным сторожем. Говорит по-русски, и довольно сносно. Он здесь единственный, кто вроде бы имеет чувство юмора. Остальные его не имеют. Однако в отличие от русских, не имеющих юмора, американское отсутствие юмора лежит на добром основании (теперь я бы сказала – на глупости), в то время как у русских это всегда на злом основании, что делает это качество невыносимым. Идём с детьми в парк. Сажу на скамье. Рядом улыбающиеся, равнодушные люди. И это хорошо. Так и в случае с Ириной... Дима сидит, они едят, и его даже не спросят: не голоден ли он. Ирина как-то сказала, что одна матушка, жена священника, что-то грубо сказала одной из

прихожанок. “В Америке нельзя так разговаривать с людьми”. Ах ты, Боже мой! А в собственном доме так оскорблять людей можно? Со второго дня нашего приезда – холод, холод и холод! А потом рестораны, подарки... Странно! Может быть, это так, как те из Чикаго, что были у нас в Москве. Вспоминаю. Дали пакет с каким-то барахлом, ткнули в него ногой со словами “For you”. Вот так, ткнули ногой и сказали оскорбительно и нагло: «This is for you». Нет, я всё равно ни о чём не жалею. Я этого ожидала, но только не от Ирины.

29 мая 1988

Живём в потрясающем ритме. Всё время впечатления и впечатления. Я не привыкла так жить, к тому же пока эти впечатления не проникают в глубь моей души, поскольку не связаны с искусством. Один только раз я была за эти три месяца счастлива, это когда написала стихотворение “Венеция”. Да, вот ещё сегодня Ирина возила нас на службу в некую маленькую деревушку, прелестную. Там есть уникальная церквушка. Очень маленькая, порядка 25 кв. м. Простой иконостас, несколько копий с Троицы и других известных нам икон, сделанных полиграфически. Это на воротах алтаря, а на стенах и вовсе бумажные литографии в рамках под стеклом. Как шла служба? Священник, имя – Иоанн. Молодой, года 33, невысокий, очень миловидное, почти русское лицо. Волосы светло-каштановые, аккуратная стрижка, но длинные. Аккуратная бородка. Служит как святой. Ирина говорит, что когда он сидит на природе и читает, дикие птицы садятся ему на руки. Как Святой Франциск. Его жена хорошо поёт, ведёт всех в пении. В этой церкви нет хора, поют прихожане. Удивительное впечатление от всей литургии. Вот так я себе только и представляю общее моление. Зачем же ходить в церковь, и церковь ли это, если нет общего моления, нет общего делания, общей литургии? Это странно, что у нас не понимают сущности религии. Религия – связь с Богом. Но связь эту можно осуществлять и без посредника... сама себе противоречу... Возможно, что такое соображение и приводит к возникновению различных сект... Много сект было на Руси.

30 мая 1988

Ирина меняется каждый день. То так, то эдак. В таком зажатом состоянии я ещё никогда не жила. Зачем одаривает, если даже не скрывает, как мы ей остерчтели? Это странно. Сегодня видели на ТВ Плеба Якунина и Огородникова. Всех жалко.

Один Иринин знакомый сказал, что около её дома надо по утрам ставить чёрную машину, чтобы мы почувствовали себя на Родине. Ещё Маруся смешила меня весь день. Она настоящая актриса. Когда мы с ней мечтали о будущем, она сказала: “Первым делом накопим денег, чтобы купить тебе таксу. Будете сидеть друг против друга и сочинять стихи”. Всё ходим с ней и выбираем, какой дом лучше купить.

31 мая 1988

Сегодня была как Золушка на балу. Ирина повезла меня сначала к себе в школу, а потом в магазин.

Сначала про школу. Действительно, прекрасная школа. На большой прекрасно спланированной территории много кирпичных, 2- и 1-этажных зданий. Это и есть школа. Lake Side. Частная и дорогая. Посидела на нескольких уроках. 1-й урок математики. Давала сама Ирина. Как когда-то я увидела Елену Игоревну в работе и зауважала её больше, так и Ирину сегодня. Конечно, она одарённый человек, но дом, хозяйство и благотворительность – не для неё. В школе она

на месте, но даже в церкви – нет. Там она “роняет предметы”. Сама говорит, что ей некогда искать, где подешевле купить: “Мне надо, я и покупаю”. Покупать здесь есть что и есть где.

На уроках – 8-10 человек. Пишет у доски Ирина. Происходит беседа. Сегодня с ней работали 3 девочки. Все остальные, как она сказала, не подготовились. К тому же у них есть три уровня по степени успеваемости. Кто не работает, так и остаётся внизу. Это трудно объяснить Марусе. Она решила, что раз во время занятий в классах (это у неё в школе) ходят, передают из рук в руки записки, а учителя “вроде бы” не занимаются учениками, то и учиться не стоит и не придётся. По поводу своего открытия она ходила такая радостная. А вот сегодня я ей кое-что объяснила, и она сразу погрузнела.

Потом я была на уроке философии, где ребята обсуждали какое-то стихотворение Камю. Здесь тоже было человек 10. Сидели в буквальном смысле положив ноги на стол. Но как серьёзные! Как наглы и чисты их лица! Это меня удивляет, как и чистота воздуха и улиц в Сиэтле. Но говорят, Сиэтл – деревня по сравнению с Нью-Йорком. Ребята заняты предметом, а не собой и не другими. Это, в общем, относится и ко взрослым. Русские же и спорить не умеют, потому что всегда заняты либо собою, либо взаимоотношениями. Потом мы обедали с учителями. Меня, как и их, кормили бесплатно. Самообслуживание. Огромная столовая похожа на зал средневекового замка. Большой камин со штабелем дров около. Большие, длинные столы. На одном из столов разные салаты и приправы к ним. Чай, кофе, молоко. Гамбургеры, супы и т.д. И я подумала, что не могут наши люди там быть добрыми, потому что вечно заняты одной заботой “урвать”. Да, но ведь и здесь, как видно, одна забота – заработать. Но эта забота выражается в сосредоточенности, а не в злобе. Потом мне покупали туфли. Молодой, симпатичный продавец встал передо мной на колени и примерял мне туфли. Привыкай, – сказала Ирина.

2 июня 1988

Американцы ставят вначале месяц, а потом число и год. У них до сих пор галлоны, футы и фунты... Вчера мы переехали в нашу первую квартиру в Америке. Слава Тебе Боже! Слава Тебе наш! Так сказал отец Иоанн в той церкви в Вилконси. В один день нам обставили полностью апартаменты. Всё! Вплоть до полотенец и прихваток для горячих ручек. Полный холодильник еды. Но что будет с нами дальше?

Завтра идём на курсы языка. Там, говорят, идёт подготовка и профессиональная. Хочу записаться на компьютер. Что уж поделаешь? Если здесь жить, то следует знать их языки. И не только английский. С Димой стало сразу легче. В этой квартире мы будто бы встретились вновь. Конечно, он мне очень и очень дорогой человек.

Но скоро, может быть, я стану для него старой.

5 июня 1988

Сегодня здесь, как, по-моему, и в России, празднуют 1000-летие крещения Руси. Интересно, как это всё обставлено там? Здесь вечером в греческой церкви будет торжество. Ирина – главная участница. Очень волнуется, но похорошела. Приехал священник из Сан-Франциско, о. Александр.

16 июня 1988

Много дней прошло. Я всё не имею времени сесть за этот самый дневник. Как прошло торжество, посвящённое 1000-летию крещения? Равное, может быть,

только через 1000 лет. Не правда ли, что мы присутствовали на уникальном мероприятии? Вечер проходил в греческой церкви Сиэтла. Сиэтл! Всё то, что ещё недавно, в Москве, произносилось с оттенками рассказываемой сказки, теперь – реальность. Нет, никак это не становится реальностью. И нет иногда больше сил пребывать во сне.

Греческая церковь была построена, видимо, не так давно. И мне было очень интересно видеть новую церковь. Ведь в Союзе я не видела ни одной новой церкви. Здесь это прекрасное здание с большими куполами в центре. Несмотря на полное различие в архитектуре, сохранено впечатление Софийского собора. Внутри великолепные, сдержанно-строгие мозаики. Всё и по-новому, и в старых традициях. Все святые – свои. Христос – наш, и Мария – наша. Не знаю, как объяснить это, но есть какой-то их единый, известный всем образ, и всякая замена чувствуется как фальшь. Это удивительно. Служба, однако, не была похожа на русскую. Скорее, это было нечто среднее между католичеством и протестантизмом. Такую службу я наблюдала в Риме в католических церквях. Может быть, это и есть процесс экуменизации. По случаю торжества в первых рядах (здесь сидят) сидели представители всех церквей в Сиэтле. Были все, кроме русской зарубежной Николаевской церкви. Это не менее удивительно. Русские и здесь умудрились со всеми перессориться. В результате, говорят, у них совсем мало прихожан – лишь те, что остались в живых с 17-го года. А жаль! Вот я и думаю, что может их помирить? Как найти то зерно, что, видимо, было в русской культуре, зерно произрастания полезной культуры, не сорняков. Ведь было же такое зерно? Именно здесь я повстречала тех людей, которых гнали и убивали в России. И поубивали почти всех. Здесь я слышу ту русскую речь, которую привыкла слышать с детства лишь у моей мамы и её друзей. В России я таких людей повстречала лишь несколько, в том числе и Георгия Степановича. Это ужасно! И может быть, именно это: их речь, их культура (здешних старых эмигрантов) вызывает во мне тоску и ностальгию.

После службы меня позвали в холл, и ТВ брало у меня интервью. Было ужасно не иметь возможности свободно говорить. Ирония судьбы! Там мне не давали говорить, здесь я сама не могу! Я явно говорила не то, что они хотели слышать. Я это понимала, но, в стиле своего характера, даже не подумала к ним подстроиться.

Вчера на выпускном вечере в Экстайн-школе все выступления переводились для присутствующих глухонемых. Я подумала, что между ними и мной есть большое сходство.

В этот же день меня показывали в новостях. Так как меня снимали с очень близкого расстояния и хорошей оптикой, то все недостатки моей кожи, как для Гулливера кожа великанов, были выделены слишком очевидно. В который раз я смиренно простилаась со своей молодостью и увидела свою старость. Не стоит прогонять такие мысли, как советуют, надо их понять, осмыслить и смириться.

После службы в трапезной был чай. Накрыты столы на 800 человек. Печенье, фрукты. Опять, в который раз, подумалось об истинном голоде в Союзе. Во время чая некий Александр Галицын из Калифорнии читал доклад о России, о её истории и её настоящем. Многое было мне понятно, но неинтересно, так как это были, в общем, перепевы общеизвестных истин. И странное дело, у этого Александра (он иеромонах) очень тщеславное и недоброе лицо. Сатана не дремлет! А Ирина? Что с ней? Зачем делать добро, если тебе это неприятно? Зачем превозносить себя постоянно? Не знаю... Однако всё вспоминаю притчу, как один злой

человек с проклятиями и злобой бросил в голодного куском хлеба и тем самым спас последнего от голодной смерти. В данном случае с Ириной, видимо, это испытание прежде всего для меня. Я должна смиренно и с благодарностью принимать её помощь, которую трудно переоценить.

В этот же день в новостях показали торжества в России, белоснежные блестящие одежды, белые, седые волосы патриархов. Неужели это правда? Неужели там центр православия? Может быть, действительно Горбачёв что-нибудь да сделает? Тут во мне произошли некоторые перемены. За время, что я уехала из Москвы, меня никто ни разу не оскорбил. Там же изо дня в день меня оскорбляли всю мою уже долгую жизнь. И вот во мне произошла метаморфоза. Там я видела этих озлобленных, диких людей и ни во что не верила, т.е. не верила в возможность преобразований. Теперь же иное дело. Я их не вижу, я не плачу от обид, от оскорблений. (О, сколько настоящих обид и оскорблений выпадет на мою долю в этой стране. 11 октября 2001). Мне только жалко всех. И кажется, что если Горбачёв сумеет усидеть на своём месте, возможны перемены к лучшему. Главное, что он даёт свободы церкви. Говорят, узаконили права священника в приходе. Раньше священника нанимали староста и двадцатка прихожан. Он был никем и не имел никаких прав. Староста и иже с ним были ставленниками властей и преимущественно аморальными людьми. Хотя и священники были не лучше, однако не такие подонки. А теперь вообще всё может перемениться. Это много! Но сколько лет должно пройти? И сколько успеет сделать Горбачёв? Сможет ли он тоталитарное общество переделать в демократическое? Дай Бог ему сил и помощи. (Дай Бог того же Путину. Он удивительный человек и большое счастье и надежда для России).

Мы познакомились с семьёй эмигрантов: Инной и Семёном. У них невероятно толстая дочь Светлана. Маруся очень радуется дружбе с ней. Они, конечно, довольно примитивные люди. Да, может быть, в этом смысле я оставила в Москве всё. Здесь мне не с кем будет беседовать, не с кем будет спорить. Здесь не спорят. Здесь всё время всем довольны, все у них правы – и те, и эти, всё хорошо, всё прекрасно. Нет глубины, нет культуры. И какое потрясающее отсутствие вкуса. Ну да ладно, может быть, Сиэтл – это просто провинция. Провинция во всех странах есть провинция. Нет ни широты, ни глубины, ни смелости мышления.

Ещё познакомились с Наташей Хан. Вот она как будто бы только что из Москвы. Любит побрякушки, любит строить глазки. Моя ровесница, но глядится прекрасно, правда, толстовата. Такая пухлая, белая с удивительно красивыми серыми глазами. Добрая и глупая. С Димой был невероятный скандал, после которого будто в муках специально родилось какое-то новое чувство к нему. Я смирилась и вновь люблю его и только его. Всё, что было с Николаем, сейчас представляется мне дьявольским искушением перед отъездом на свободу. Сам он тоже, вероятно, жертва. Меня подмывает написать ему (Николаю) и просить прощения. Мы оба чуть не погибли. Кто нас толкал на это? Началось всё с Огородникова. И будто бы чей-то замысел, не получив завершения с Сашей, нашёл продолжение в истории с Блохиным. Я с болью и ужасом вспоминаю Диму в эти дни. Он и так-то не совсем в норме, а тогда – ужас. Как он метался, какие ужасные вещи творил. А я? Своими руками убивала Диму, и детей, и себя, и Николая, и его жену, и его детей! Мне нет прощения! Боже мой! Прости меня. Прости меня!

Я исповедовалась здесь. Отец Вадим сказал: “Вы так много страдали”. Это правда. Но мне нет прощения.

06.27.88

Начинаю писать числа так, как принято здесь. Может быть, привыкну. Может быть, привыкну? Станет ли Америка моим домом? Моей home-country? Не очень хочется писать сейчас, но для будущего, может быть, для каких-то сравнений и анализа заставляю себя писать эти заметки.

Америка! Конечно, похоже, что Сиэтл – это провинция. Люди здесь просто глупы, а может быть, провинциальны. С нами разговаривают как с дураками. Единственно, где я встретила разговор на равных, – это на курсах. Все остальные упорно не желают видеть в нас образованных и способных людей. Все упорно стараются приспособить нас для работы самой низкой и неквалифицированной. О, Господи, помоги нам! Всё упирается, в общем, в язык! (Ах, какая ошибка так думать, как всех покупают этим. Как это легко убедить иноязычного, что он не имеет хорошей работы, потому что говорит плохо по-английски). Если бы знать язык, можно было бы претендовать на должности, соответствующие нашему образованию. Какие же американцы? Они очень добродушны, наивны, порой кажется, что глупы, но это не так. Они как музыканты, выполняют что-нибудь очень узкое, но знают, как правило, всю партитуру. Вовремя вступают, вовремя выходят. В результате всё работает безупречно. Абсолютно не имеют эстетического вкуса. Одеты все как метёлки или пугала огородные. Просто удивительно. И это при таком изобилии красивых вещей в магазинах. Американцы – хорошие отцы. Женщины не любят готовить, неженственны, малопривлекательны. При этом у них великолепные волосы и кожа. У старух нет морщин, румянец, белая кожа как у младенцев. Целыми днями едят сэндвичи и пьют различные напитки. Много толстых. Все улыбаются, и нет ощущения притворства (всё поймём позже), как у австрийцев. На курсах много азиатов, китайцев и корейцев. Производят жалкое впечатление. Говорят по-английски так, что ни слова понять невозможно. Всё мягко и ля, ля, ля. Однако среди наших преподавателей есть одна японка Роза Данг. Эта зарежет и не дрогнет. Одевается с потрясающим изяществом и красотой. Очень интересная особа. Говорит чисто, но всё опять же ля, ля, всё мягкое.

27 июня 1988

Наташа и Давид Ханы стоят внимания! Мать Наташи, Анна Константиновна, “литвинка”, как говорит Наташа. Она приехала в 33-ем году из Харбина. Рассказывает про Читу. (Семёновцы зверствовали особенно. Я видела, знаете ли, мозги кругом у расстрелянных. Но меня это как-то не трогало). Вот так, не трогало. Отец Наташи был белым офицером. Говорят, ненавидел теперешнюю Россию. Писал всю жизнь дневники. Вот как об этом говорит Анна К.: «Знаете ли, я многое вырвала из его тетрадей, а то, знаете ли, он евреев очень не любил и такое про них писал». Давид помогает мне писать по-английски. Он очень способный, даже, видно, талантливый человек. Невообразимо толстый, 150 кг. Вес этот сделал его калекой. Он хромает на обе ноги. При этом море обаяния. Скорей бы определиться. Здесь нескучно. Много развлечений. Много интересного. Маруся начала брать уроки у Сани Дашкович.

11 июля 1988

Сегодня довелось пережить довольно страшное приключение. После обеда Маруся играла на скрипке, а Митя пошёл в туалет. Вдруг я слышу из кухни страшный шум. Выхожу и вижу из-под раковины на кухне бьёт, как из брандспойта, горячая вода. Такая мощная струя, прямо в стоявший напротив холодильник. Боже! Митя выскочил из туалета без трусов и завопил не своим

голосом. Маруся тоже закричала. У меня сразу застучало в голове: спокойно! Только спокойно! Я тут же приказала детям уходить из дома. Митя выбросил свои штаны в коридор и начал там одеваться. Маруся вынесла на улицу скрипку, а потом закричала: «Деньги! Выноси деньги!». Митя начал выносить обувь. Причём он выбрасывал туфли, всё что собрал, прямо с крыльца на улицу. В общем, вели они себя как при пожаре, очень собранно, и слушались. Я позвонила хозяйке и говорю ей: «Hot water! Pipe is broken! Come here immediately!». Но когда я повесила трубку, поняла, что помощи от неё не будет. Маруся побежала к соседям. Никого. Тогда я вспомнила, что Ольга Прокопьевна когда-то сказала мне, что в случае несчастья надо звонить 9-11, и я набрала этот номер. Через две минуты приехала пожарная машина. Один пожарный спокойно вошёл на кухню, сунул руку под раковину и перекрыл воду. Я тоже хотела это сделать, но не знала, где кран, и боялась ошпариться. Потом вошли ещё двое с пылесосами (водососами) и за 15 мин. выкачали всю воду из кухни. Это удивительно! Хорошо, что пол на кухне оказался дырявым, и всё протекло вниз. Там тоже, слава Богу, нет квартиры, а просто прачечная. Всё было исправлено быстро и безупречно. Когда я спросила, будем ли мы платить за это, мне ответили, что за всё платят налогоплательщики. Приятно сознавать, что здесь налоги платятся не впустую. (Позже я узнаю, что замечание пожарного было иронией и упрёком в мой адрес. Теперь я сама плачу налоги на содержание бесконечных эмигрантов и их нужд, на пожарных и на дырявые полы).

Ещё один момент в этой истории. Когда мы сегодня утром ехали на курсы, передо мной вдруг предстала картина затопленной квартиры, и была мысль: вот так случись что-нибудь, и мы потеряем все наши небольшие деньги. Порой страшно от такого ясновидения.

Ирина вдруг переменялась. Опять приходит к нам. Говорит елейным голоском. А как ведь, оказывается, было с нашей квартирой? Сейчас нам помогают попасть в дешёвую квартиру. На 250 долларов дешевле того, что мы имеем. Так вот, Ирине ещё до того, как мы приехали, предлагали записать нас на такую квартиру. Она отказалась, сказав, что это для нас далеко. А потом захихнула нас в эту трущобу. Почему? А потом попрекала деньгами и дала оплачивать счёт за телефонные разговоры с Москвой, которые сама нам навязывала. Почему? Недомыслие? Вредность? Иногда мне кажется, что ей хотелось сломать меня. Просто сломать. Когда же она увидела, что это не удаётся, она разозлилась.

Маруся: «Мы много смеялись по-русски».

Явзяла из автомата только четверть газеты, потому что, прочитав на щитке слово «четверть», решила, что это относится к тому, что за 25 центов я имею право взять только четверть газеты. Удивительное у меня бывает мышление!

Ольга Ломоносова. Ей 93 года. Госпожа Ломоносова. Прекрасно выглядит, прекрасно мыслит. «Я вам вот что скажу, Ирочка, никто вас не поймёт, как я. Мы бежали из России, нас гнали, нас убивали, мы уехали в Югославию. Там был мой, тогда ещё жених, мой муж. В Югославии, знаете ли, началось то же самое, и мы уехали в Австрию. В Австрии было неплохо, только голодно. При церкви помогали. И вот, знаете, из Америки присылали тогда вещи. Моему мужу один раз дали штаны. «Я не могу надеть эти штаны, – говорит мой муж, – Они короткие». И мы уже хотели вернуть эти штаны. И вдруг в кармане нахожу записочку: «Дорогие соотечественники, если вы найдёте эту записочку, отзовитесь», – и адрес. Мы написали. Это был Иван Кавтунович. Так он и выписал нас в Америку. Денег – ни копейки. Церковь дала нам взаймы 50 долларов на квартиру. Мой Серёжа... Он, знаете ли, закончил в Германии университет, мыл посуду в ресторане. Но потом он стал учиться и стал работать инженером. Он оправдал, Ирочка, свою фамилию. Он оправдал. Но я вспоминаю, в Тифлисе мы сидели в тюрьме. И одну

молодую женщину увели. Ей было 20 лет. Потом один солдат рассказывал, что видел – её ноги и платье торчали из-под земли. Она была женой офицера. За что её убили? Американцы удивляются – за что? Но ведь, её не-т, н-е-т! Нет, никто вас так не поймёт, Ирочка». И мы с госпожой Ломоносовой горько плачем. Её лицо – это строгая тихая печаль, это скрытое страдание. Это вечная память погибшим и замученным. Она говорит мне с умилением: «Мне тут рассказали, что ваш Митя сказал кому-то около церкви: «Я русский мальчик!»».

27 июля 88

Вчера Наташа показала нам фотографии советских врачей, с которыми она работала год назад, и фильм, сделанный Дэвидом для них на русском языке: «Я, Дэвид Хан, вот мой дом, а вот мой кар. А это гараж. Слева живёт кар моей жены Наташи, справа живёт кар моей дочери Вики. Мой кар, к сожалению, живёт на улице». Потом они показывали фильм про то, как они отдыхали на Гавайях. Маруся вдруг опечалилась: «Мы никогда не будем в такой гостинице!». И, конечно, мне было приятно ответить ей не так, как в Сов. Союзе. Я ответила: «Ну почему? Захочешь – будешь». Будет ли это у нас? Это вопрос. Для детей открывается масса возможностей.

Но только надо работать, надо суетиться. Философы здесь явно бедствуют. Богатства по наследству нет, а суетиться не хочется. Нам с Димой надо постараться чуть-чуть накопить, чтобы выучить детей. Смогу ли я писать? Ведь не работаю, не служу, никуда не хожу, кроме курсов, а писать нет времени. Дети! Митя требует много внимания.

Как мы живём? О, страх не отпускает. Вот сейчас я слышу внизу голос Фрэнсис, она менеджер этого чёртового дома, где мы живём. Слушаю и боюсь. Боюсь говорить по-английски. Но не это главное, главное – просто страх. Страх, что обязательно огорчат, обязательно скажут что-нибудь неприятное. Так бывало и в Москве. Я даже Галю Рахманову боялась. Не отпускает страх. А ведь можно было бы и радоваться. Каждый день развлекаемся. Ходим в гости. Правда, для меня это совсем не развлечение, а скорее наоборот...

В фильме про Гавайи среди дельфинов плавает на лодке красивая девушка. Вот она поднимает руку, и какая-то птица берёт на лету у неё из рук рыбу.

Митя, после того как мы поели ежевику на берегу озера Вашингтон, говорит: «Смотри как хорошо! И ягод много, и зубочистки растут кругом!». Это он про сухую траву, которой я чищу зубы.

Была на медицинском осмотре. Всё поразительно! А самое главное, здесь один и тот же врач смотрит всё, даже гинекологию.

Сейчас позвонила Инна и предложила ехать на озеро. Опять развлечение. Не забыть бы, не потерять бы. Моя жизнь явно кончена, is over, но надо хотя бы вытянуть что-нибудь из прошлого. Анна Константиновна получила от одного русского человека в наследство дом. Сейчас она живёт с Наташей, а дом сдаёт своему внуку. Интересно, платит ли она Наташе за своё жильё?

Дима снова мне бесконечно дорог, но вся физиология страшно раздражает. Какая-то я ненормальная.

08.10.88

Сегодня мне впервые сказали: "We have no job for you now, may be later". Позвонил Кавтунович и сказал, что кому-то там нужны на временную работу женщины для приготовления сэндвичей. "Умеете ли делать сэндвичи?". – "Да, а что тут уметь?". – "Ну вот и я думаю, что вы справитесь". Позвонила по телефону, который он мне дал. Думаю, что она говорила мне совсем не то, на что я отвечала. Было, вероятно, смешно. По телефону я почти ничего не понимаю.

Смотрели тут неплохой фильм. Начало просто восхитительно. Еврейский реббе едет по пустыне. Возница – явный жулик. Неожиданно из-за холма выезжает всадник. Всакивает в коляску с реббе, набрасывается на него. Возница смеётся. Бандит избивает несчастного и выбрасывает из шарабана. Реббе с трудом поднимается на ноги. Он в нижнем белье, весь в крови. Он один на дороге – это выжженная солнцем дорога. Он совершенно один и раздет. Выпрямляется, поднимает руку в приветственном жесте: «Здравствуй, Америка!».

Что будет с нами? По-моему, я даже на сэндвичи не устроюсь. Что будет? Господи, помоги нам! Дима целыми днями читает словарь. Он считает, что так можно выучить язык. Сегодня еду со Стивом в колледж, может быть, устроюсь на курсы по Accounting (может быть, если бы я тогда хорошо понимала значение этого слова, я бы даже не пыталась стать бухгалтером).

08.12.88

Вчера утром Стив должен был позвонить и сказать, сможет ли он поехать со мной в колледж на экзамен. Он не позвонил. Я очень расстроилась.

08.14.88

Мою заметку не взяли в газету, в которую посылал её Дэвид. «Они не сказали, что это неинтересно, можно послать в другую газету». Начинается! Я думала, что здесь так и ждут моих бесценных писаний. О нет, не думала.

Почему молчит моя муза? Совсем не пишу стихов. Они во мне, но не рождаются.

Сегодня была в церкви. Как хорошо! И отец Вадим служит не так громко, не так страшно, как о. Валентин, но просто и трогательно. И на меня находит раскаяние, приходит покаяние.

Наташа Х. рассказывала про отдых Вики в Сан-Франциско: «Они там такие богатые! Их дом стоит 3 миллиона. Соседи – артисты Голливуда. Они брали Вики в та-акие рестораны. А магазины! Она – её звать Наташа. Они русские. Жили долго в Японии. Знаешь, покупали дома. А тут продали землю за 11 мил. Она не ходит в магазины, где висят платья. Нет! Она приходит и садится. Ей всё приносят. Вот платье за 8 тысяч, а вот всего за 6 тысяч. Когда Наташа это говорит, у неё вид гоголевской Марии Антоновны или её матери, не помню имён».

Маруся и Митя всё время сравнивают нашу жизнь здесь и в Союзе. Маруся: «Мне Света говорит: ты должна забыть всё, что было. Теперь у тебя новая жизнь. А я ей отвечаю: «Я не сумасшедшая». Маруся: «У меня такие кроссовки! В Москве за них голову отрубят». Она всё мечтает поехать в Москву и удивить своих подруг. По-своему она по ним тоскует, хотя и говорит, что это не так. Всё пишет письма и ждёт, когда у нас будет достаточно денег, чтобы позвонить Але. Ей Аля не пишет. Боже, как всё это становится далёким.

На днях сдавала экзамены в колледже. Были вопросы по языку, математике и общению (community). Сделала только половину. Совсем не готовилась. Думаю, что не так плохо для начала. Посмотрим, какой будет результат. Экзамен проходит так: выдают вопросы и ответы к ним, а также карточку с номерами ответов. Выбираешь ответ и закрашиваешь соответствующий номер. Потом эту карточку вставят в компьютер и проверят. Вот и всё.

Анна Константиновна: «Вики проколола шину у своего велосипеда, так нет, чтобы починить шину, купила новый велосипед за 500 долларов. Разве это по-русски? Нет, эта Вики ничего не хочет делать по-русски!».

24 августа 1988

Сегодня собирала вещи для переезда в Эдмонс. Достала сумочку, с которой Маруся ходила в Москве в театр, и вдруг достала оттуда вещи, которые застряли

там: русские копейки, платочек, поломанная расчёска. И вдруг... Вдруг я начала плакать, буквально рыдать. Это шло откуда-то изнутри, не из души даже и не из сердца. Не знаю... Это было страшно. Я быстро поняла, как это страшно, испугалась и перестала плакать.

Пошли гулять с Марусей в Равенна-парк. Последний раз перед переездом. Там всегда пахнет сырой землёй. Мой любимый запах. Маша всё время меня смешила. Идём мимо Макдоналдса. Она, показывая на людей, сосущих напитки через трубки: «Смотри, они как в реанимации». И ещё: «Кобзев, знаешь, когда его принимали в пионеры у мавзолея, надели на нас галстуки, а Кобзев взял и повернул галстук хвостами назад, а треугольник натянул на нос, как американский гангстер. Галина Никитишна всполошилась, руками замахала, зашипела на него, как змея». Увидит, как американцы мимо проезжают на велосипедах, говорит громко, глядя им в лицо: «Сумасшедшие!». Смешно получается, потому что они не понимают и улыбаются. Бросила бумажку от жвачки, а она зависла в воздухе. Чудо! Оказалось, что бумажка застряла в невидимой паутине. Встретили в парке Агату. Она приехала из Польши к нашему регенту из церкви. Жалуется, что его жена заставляет её три раза в день готовить еду, всё мыть и убирать. Хочет уйти от них. Я посоветовала ей не возвращаться в Польшу. Она гуляла по парку с каким-то американцем. Даст Бог, выйдет замуж. Зачем ей возвращаться в нищую Польшу? Она сейчас в таком возрасте, что не будет плакать над старым билетом в московский театр.

28 августа 1988

Дима ходит на занятия, где учат как себя вести при приёме на работу. Как смотреть, как руку подать, как руку пожать, как сесть, как встать. Он удивительным образом ничего не понимает. И мне пришла в голову мысль, когда я мыла посуду, а на столе меня ждала огромная аппликация и звучали Димины слова: «Ты должна водить машину, должна пойти в Велфер, должна найти работу...». Как всё перевернулось в мире – такова была моя новаторская мысль. Теперь жена должна всё. И никуда не денешься, потому что без мужа тоже плохо. Было так: жёны рожали, кормили детей, готовили еду, мужья добывали деньги, содержали детей и жену. Но вот мужья взбунтовались и сказали: «Пусть жёны всё сами делают. И детей рожают, потому что это уж им только и удаётся, и деньги добывают, и всё решают за нас». И что? Жёны прогнали таких мужей? Ничуть не бывало. Без мужа плохо, да и детям нужен отец. Любой (?).

Маруся иногда бывает такая злая, точно как Дима. Вообще она исключительно его дочь. Не моя совсем. Будем ли мы друзьями?

Сегодня написала примирительное письмо Валерику. Дай-то Бог, чтобы ко мне вернулась та любовь, что была прежде.

18 октября 1988

Стало немного спокойней на душе. Вдруг почему-то! Может быть, потому, что опять часто болит голова. Чувствую себя почти как дома.

Маруся играет и разговаривает сама с собой: «А теперь, дети, мы пойдём в лагерею». Что такое лагерея? – спрашиваю. «Это там, где картины» – отвечает она.

Сегодня решила написать письмо о. Плебу. Пока он не разочаровал меня, как все остальные. А с теми уже не спорю. Дима долго убеждал меня послать это письмо через Иру Макленан. Но зачем? До сих пор мне не встречались бескорыстные посредники. Даже Галя не желает ничего сделать, чтобы помочь моим стихам пробиться в жизнь. Она и не читала их никогда толком. Сам Дима только и твердит: «Ты должна делать себе имя». А я не могу, просто не могу. Видно, так решено со мною. Хотя я б очень хотела, что лукавить, чтобы меня узнали.

Но, видно, не так хочу, как надо. С тех пор как поверила, служу только Ему. Дочитала первую книгу под названием "Bastard". Много вульгарных моментов, но, может быть, это в стиле Золя. В общем, книга показалась хорошей. Это про незаконного сына английского лорда. Его мать получает от лорда письмо-свидетельство с подписями двух его друзей о том, что её сын Филипп – его сын, и что он завещает ему половину своего состояния и титул. Мать говорит Филиппу: "Запомни, самое худшее преступление, которое может совершить человек, – это быть бедным". В конце же книги, насмотревшись и настрадавшись при богатых и титулованных, Филипп говорит, обращаясь к умершей матери: «О, нет, ты была неправа. Самое страшное преступление, которое может совершить человек, – это быть рабом».

Маруся говорит про Вадима Малюченко: «И прихлёл на аэродром со своей отвисшей губой неграмотный старичок». Я: «Он – неграмотный?».

Маша: «Конечно, он же тебе ни одного письма не написал».

Я смеюсь, вспоминая, что Вадим был одним из самых образованных людей в моей жизни и знал 12 иностранных языков.

4.11.88. (Видимо, это должно означать 4-е ноября 1988)

(Всё путалась с американским образом простановки чисел. Да и сейчас мне непонятно, почему они ставят сначала месяц, потом день, потом год. Никакой логики последовательности.

Наташа Хан просто карикатурно глупа. Вчера утверждала, что от гнойной ангины никаких осложнений не бывает. "Стив сто раз болел – и ничего. И я болела – и ничего. А если и бывают осложнения, то только у вас в России". Удивляюсь, что она русская. Хотя? О ком же писал наш замечательный драматург Островский? Вот о таких и писал.

А сегодня Митя: «Знаешь, у одних детей умерли родители. Они сразу обрадовались и построили себе домик на дереве. Вот бы нам так с Марусей!».

Я: «Может быть, не умирать, а просто вас выгнать, и вы построите себе домик?».

Митя: «Не надо, мы будем ждать».

(Очень интересное замечание маленького мальчика. И сейчас Митя часто шутит по поводу ожидания и моей смерти, и отцовской: «Вот папа отбросит коньки, и мне оба его дома достанутся. Зачем мне твои книги сейчас, всё равно после твоей смерти всё мне достанется»).

25 декабря 1988

Сегодня первый день Рождества в Америке. Первое Рождество в Америке. В изгнании. Настроение не из лучших. Ночью звонил Валерик. Хорошо говорил, тепло. Зато разозлился Дима. Так сверкал глазами, что было страшно. И вообще с ним иногда бывает страшно. Он какой-то слишком зажатый, неуверенный в себе. Но не раскрывается, от этого жуть какая-то вкрут.

Митя искренне верит в Санта Клауса. Когда я фотографировала их с Дедом Морозом в магазине, он сказал Деду, что хочет скейтборд. Теперь уверен, что получит от Санты эту доску. Стоит она 25 долларов. Где бы взять?

27 февраля 1989

Купили Мите скейтборд. Пошли ведь работать. Мои письма в Москву заменяют мне дневник. Делаю ксерокопии, думаю использовать в будущем. Пошли работать. Дима – в магазин грузчиком, я – в дом престарелых уборщицей. Тут одна дама даже скривилась, не смогла удержаться, услышав про такое трудоустройство.

Да, чтобы не забыть, появились некие новые мне ощущения, вероятно, американские. Просыпаюсь сегодня ночью, смотрю: на часах светится 4.50. Я и думаю: 4 доллара 50 центов, как дорого!

Вчера были на концерте Youth symphony orchestra.

Играли Дебюсси и Чайковского, а также 5-ю симфонию Бетховена. Всё было ужасно. Дебюсси и Бетховена я просто не люблю, а Чайковского они так трактовали, что и смешно, и плакать хочется. Эдакая разудалая, разухабистая музыка. У Чайковского этого вообще нет. Ещё там у Мусоргского, может быть, и то иначе, самобытней, интересней. А здесь какой-то лубок, коврик с Петрушкой и лебедями получается. Солист играл плохо, грязно. Вспомнились слова учителя Паганини из фильма. Слова о сопернике Паганини: «Из вас получится сносный музыкант, но сносный скрипач несносен для публики».

Итак, начинаю писать «Записки русской уборщицы в Соединённых Штатах Америки».

Глеб Якунин не ответил. Не снизошёл.

Прилетел в Нью-Йорк Миша Осадчев. Жду его здесь, как самого дорогого друга. Интересно, что во время перелёта он попал в переделку. У них была пересадка в Дублине, так вот он и ещё 12 человек опоздали на самолёт в Нью-Йорк. Так что у него была непредвиденная встреча с Европой. Саша Голишев дал мне телефон его гостиницы в Дублине. Я звонила 2 раза, но какой-то турок на таком же английском, как у меня, бормотал, что номер заменён. Но на следующий день, 26 февраля, я уже разговаривала с Мишей. «Ох, Ирочка, ты правильно сделала... Эта ужасная страна... Она гниёт... Едим дерьмо. Но не это самое главное, главное – что все озверели, все ненавидят друг друга, билеты на самолёт в Нью-Йорк были проданы мафией. Нам не хватило мест, хотя и были билеты. Так мы и остались между таможней и пограничниками. Спали на голом полу. Провели так с 9 часов вечера до 3-х следующего дня. Сколько грубостей наслушались! Только приземлились в Дублине, нас встретили на автобусе, отвезли в шикарную гостиницу. Все улыбаются. Европа! Европа меня потрясла».

03.12.89

Позавчера вечером у нас был Джеф, и мы слушали романсы в исполнении Агафонова. Конечно, пустое дело. Совсем не было сопричастности Джефа этому слушанию. А я молила Бога. Пусть он увидит мои морщины, мою старость. Помоему, подействовало. Жестокое делание. И слушая в одиночестве дивные слова, дивный русский язык, я безумно желала оказаться там – в Москве.

7 марта 1989

Сегодня отправила Ляле Якубович в Швецию свои стихи. Отправка стоила страшно дорого. Будет ли толк?

Старый дневник (продолжение)

21 мая 1989

Теперь у меня появилась Женья. Мои чувства к ней становятся похожими на любовь, прежде испытываемую мною только к мужчинам. Пугает ли меня это? О, да! Когда я думаю об ответном чувстве, мне страшно. Если бы она меня поняла? Ну пусть бы меня понял хоть кто-нибудь. Такая любовь бывает у всех, она вообще одна. Она заполняет ту пустоту, что никогда ничем иным не может быть заполнена.

23 июня 1989

Сегодня день рождения Димы. Ждала Жениного звонка так же, как всегда жду таких звонков. Это такая мука... И, как всегда, не выдержала и позвонила

сама. Холодный тон, усталый голос: «Я плохо себя чувствую. Переработала в саду на солнце».

Ну вот, опять мне не рады. А мне хотелось бы, чтобы с ней было, как с Анной Константиновной: «Всегда рада Вас и видеть, и слышать».

19 июля 1989

Позавчера было освящение Жениного дома. Сделан в стиле модерн, выкрашен терракотовым цветом. Колонны квадратного сечения, портик. Центральный холл имеет очень высокие потолки с железными открытыми фермами. Странные картины типа кусков чёрной ткани в застеклённых рамах. Огромный участок. Половина подходит к самой воде залива. Подход к морю представляет собой завал кустарников и поваленных деревьев, очень обрывистый и трудно доступный. Вообще здешние леса похожи на нашу тайгу, как я знаю её по описаниям: сплошной валежник, непроходимость. Сам дом стоит на высоком берегу и имеет вокруг приведённую в божеский вид территорию. Много книг. Много картин. Одна, на которой изображена лошадь с голубой гривой и голубым хвостом, мне нравится. Остальные либо в духе Малевича, либо совершенно непристойные. В холле стоит так называемая скульптура: кусок ржавого железа, скрученного временем и случаем, совсем неинтересно.

Женин муж довольно унылый субъект. Эстет-интеллектуал, как он сам про себя думает. Холодный и вялый. Незнание английского ограничивает меня, а то мне кажется, что я могла бы разговорить его, хотя бы своим интересом к искусству. Как-то спросила его: «Вы любите Микеланджело?». Его глаза на миг ожили, и он спросил в ответ: «А кто в мире не любит его?». Я сказала: «Я». Его глаза ещё больше ожили... Но... Несколько моих убогих аргументов не могли ни переубедить его, ни заинтересовать.

Этот вечер освящения дома был праздником для меня. Мне почему-то казалось, что это мой дом. И было так хорошо и приятно на душе.

Все русские буквально ошалели от зависти, хотя все сами очень богатые. Американцы были, как всегда, более открытые и без зависти. Их философия: «Ты богат, значит ты заслужил. Я тоже буду стараться!». Здесь можно работать и зарабатывать без унижений, без прислуживания, без лести и лжи. (О, как я ошибалась и по поводу открытости американцев, и по поводу возможности работать без лжи и лести).

Конечно, всё это, наверное, только на определённом уровне... Но можно...

6 августа 1989

Сегодня Марусин день рождения. Какая же я была счастливая с Димой! Я любила его, и он любил меня. Сейчас мы разлюбили? Иногда мне кажется, что разлюбили, иногда верится – вновь полюбили. Не столько история с Николаем, хотя... Возможно, что Дима из тех людей, кто не прощает такие вещи. Я ведь сама такая. Мне ему нечего прощать. Надю он не любил, хотя внешне было всё так... «Господи! Ты всё знаешь и всё видишь! Наверное, я сама спровоцировала этот флирт, эту историю с Надей, чтобы оправдать, уравновесить то, что натворила тогда перед отъездом из Москвы. Вот и расплачиваюсь. Но просто... Верни мои бывшие чувства к Диме! Ничего больше не нужно! А Марусе сегодня исполнилось 13 лет! Вчера просматривала старые фотографии. Она была прелестным ребёнком. Становится прелестной девушкой. Только сильно старается быть такой, как все. Не хочет быть особенной, хочет быть стереотипной. Всё идёт по нотам, по старым известным нотам... Кем написаны эти ноты? О, я знаю кем! И так трудно играть свою роль, только свою музыку. Так трудно оторвать взгляд от этих листов с чёрными знаками вечных ошибок.

Трудно было в Москве в погоне за мясом и сыром, трудно было путешествовать, а здесь мы так не страдаем по простой причине: если нет денег, нет и возможности, – нет и трудностей. Нет денег – нет и хорошего мяса, нет сыра... Транспорт такой дорогой, что просто нет даже соблазна куда-либо ехать. Всё решается устранением желаний, как и хотели коммунисты. Только там предполагалось за счёт устранения индивидуальных желаний улучшить общее благосостояние, а здесь хотят за счёт индивидуальных желаний улучшить только индивидуальную жизнь, если возможно. Если же невозможно по причине индивидуальной несостоятельности, то привести человека в состояние полной отрешённости и изолированности от общества сытых и довольных, в состояние довольства тем, что есть... Ну есть крыша над головой и кусок хлеба. Что ещё? Не так ли думают буддисты? И плевать на общество! Всё как у коммунистов. Однако последние не плевали на общество, хотя открыто плевали на Всевышнего. Здесь плюют открыто на общество и тайно на Бога. Так что здесь двойное оплёвывание жизни.

23 октября 1989

Итак, всё кончено! “Ещё вчера имел я кров родимый, сегодня я обречён быть сиротой”.

Нет времени писать, нет времени спать. Одна работа. Темно в глазах, боль во всех частях тела. Молюсь, молюсь... И – чудо! Господь не даст нам согнуться здесь, как бы тот другой ни старался. Дима с дьявольскими глазами. Как я его любила! Опять наваждение, опять искушение, ошибка опять. Всё кончено. Я больше не могу и уже не хочу стараться, биться, доказывать. В этом смысле Дима явный продукт той дьявольской системы, от которой я бежала. Абсурд и ещё раз абсурд. На днях сделала последнюю попытку примирения. Позвонила со своей ночной работы и попросила его не ложиться спать, подождать меня: “Ведь мы должны с тобой жить в мире. Не так ли? Мы здесь одни, никому мы не нужны”. И что же? Когда я вернулась ночью с работы, я, как всегда, застала в доме беспорядок, грязную засохшую посуду и Диму спящим. Всё! Больше не могу!

Теперь о другом. В субботу (позавчера) позвонил Джеф и пригласил меня в клуб на обед с танцами. Как он мне объяснил, это группа “Dignity” от католической церкви. В здании, совершенно отличным от здешних сараев (подобие готики из кирпича), в большом зале стоят большие деревянные столы, на каждом посередине круглое зеркало и свеча. Священник в белых одеждах читал из Евангелия о Божественной любви. А потом, открытым текстом: “Собравшиеся здесь братья и сёстры, геи, лесбиянки, не должны переживать никакого раскаяния. Любовь Бога распространяется на всех и на них тоже”. И вдруг я увидела, что только мы с Джефом представляли разнополую пару. Мужчины с мужчинами, женщины с женщинами. Они держали друг друга за руки, гладили друг друга разные интимные части тела, смотрели друг на друга с вожделением. Я не испугалась. Уже в том состоянии, что я нахожусь (ад вокруг меня, но мир в душе), мне ничто не страшно. Два старых гея, одному лет 70, целовались в губы и обнимались с такой открытой страстью... Картина премерзкая. В один момент мне показалось, что этот старик смотрит на меня с грустью и напоминает что-то...

Потом начались танцы. Они танцевали, как я любила танцевать, т.е. были объятия, объятия, объятия и любовь. У некоторых явный поиск защиты от жестокого мира, у других – явная похоть. Горел камин. Музыка прекрасная. Было не всё так плоско и глупо, как обычно у американцев. Но через некоторое время я почувствовала себя лишней. И мы с Джефом уехали. “Зачем тебе это?” – спрашиваю. Он слушает молча. Кажется, он через меня пытается вырваться из ада гомосексуализма. “Вы оттолкнёте меня, если я не изменюсь?” – “Нет, Джеф, никогда. Но я буду очень страдать”.

Господи, помоги ему!

Продолжение в следующем номере.

Виктор КИЯНСКИЙ

Евразии лик в общих звуках

Казахско-русский ассоциативный словарь

(Продолжение. Начало в №№ 5-6 за 2012 год)

Е

Ер-азамат (мужчины, люди мужского пола, мужья).**Яр, а за мать** мужчины постоят

Великий антрополог, археолог и скульптор, доктор исторических наук Михаил Михайлович Герасимов в 18 лет опубликовал свою первую научную статью о раскопках палеолитического местонахождения человека у переселенческого пункта в Иркутске. А затем его исследовательская работа привела к открытию всемирно известной палеолитической стоянки Мальта. В 1939-1945 годах, живя и работая в Самарканде, он впервые создал скульптурные портреты-реконструкции ряда исторических личностей: Тамерлана, Шахруха, Улугбека. Он стал автором методики восстановления внешнего облика человека на основе скелетных остатков – так называемого «метода Герасимова». Этот метод сегодня признан во всём мире и широко используется антропологами и историками. Учёный реализовал идею о возможности восстановления облика древнего человека по скелетным остаткам и прежде всего по черепу.

Современные языки – благодатное поле для исследования и восстановления облика наших общих древних слов, которые складывались из простых звуковых кусочков, они и сегодня зачастую остаются одинаковыми несущими конструкциями, например, в казахском, татарском, русском, украинском, белорусском языках. Не исключение слова на букву «Е» в казахском языке. Следует лишь иметь в виду, что в русских словах она может редуцироваться в ряде позиций в «Я» или отделяться, типа: «Ё-моё». Если посмотреть в казахский словарь, то слов на букву «Я», «Ю», «Э», «Ш», «Ц», «Ч», «Х», «Л», «В» – раз-два и обчёлся. Считается, что там в основном заимствования, а чисто казахских слов с таким звуком практически нет, ибо, например, «х» передаётся буквой «h». Так в русском языке аза стал казах. А если учесть, что графика русской буквы «у» передаётся тремя знаками у, ы, буква «н» двумя н и њ, да ещё имеются специфические буквы ҥ, і, ғ, то неудивительно, что в словах казахского и русского языков не находят ничего общего кроме кириллицы, на которой осуществляется основное написание. Поэтому муссируется латиническая идея. Мы не хотим участвовать в этой дискуссии, а наоборот нам хочется искать в языках-братьях общий фундамент, который ещё остался, несмотря на деформации. Общий алтайский родник не перестаёт питать любознательные и жаждущие души.

Следует также обратить внимание, что, наверное, «Е» – рекордсмен по двухбуквенным словам, от корня которых произрастает огромное множество других слов, а само междометие «Е» не только выражает удивление, любопытство – э! ну! вот что! о! е, солай ма еді!

Оно может выражать также одобрение, побуждение, осведомлённость (а! о! да! э!). Часто «е» выступает в качестве недостаточного глагола, от которого образуются вспомогательные формы – еді, едім, едік, екен, емес. А вот двухбуквенные универсальные кирпичики, из которых строятся очень многие слова: ез (разиня, мямля, надоевший), ей (возглас, которым окликают кого-либо), ел (страна, отечество, люди, племя), ем (лечение, прок, польза), ен (знак, метка, яички, несметный, бесконечный), еп (ловкость, осторожность, разумно, поступать осторожно), ер (мужчина, муж, молодец, герой, седло), ес (память, сознание, ум, разум), ет (мясо, тело), еш (ни, несколько, никак, вовсе, зря, попусту).

Каждое из этих слов рождает целую семью однокорневых слов с высокой степенью ассоциативного восприятия, которые есть и в казахском и русском языках, конечно, с учётом тех деформаций, о которых было сказано выше. Применяв ассоциативную логику к слову «ер» (яр) – мужчина, муж, молодец, храбрец, седло, герой, удалой, мы получаем интересные стыковки казахских и русских слов.

В словаре «Тюркизмы в русском языке» в качестве общих слов с этим корнем приводятся ергак (яргак), ерик, ерлык (ярлык), ермак, ертаул, ерыча, яр, ярлык, ярыча, яртаул (передовой отряд войска, авангард). Возникает прямая аналогия между «ер» и «яр» с точки зрения характеристики мужчины и ассоциации, что в русском языке «ер» – название буквы твёрдый знак в кириллице. Пара ер (яр) идёт из древних текстов, приводящихся у В.И. Даля: «Муж ярый не благообразен. Паскепаны саблями калёными шелома аварьскыя от тебе **яр туре** Всеволоде». По Далю «Ярый» означает пылкий, злой, горячий, крепкий, сильный, редкий, скорый, бойкий, рьяный, расправленный, плавкий, горячий, былый, яркий.

Ещё более интересные результаты получаются, если применить методику реконструкции слов к конкретному ряду слов, содержащих «ер», используя мостиковый механизм русских слов.

Ер-азаматты (мужество, мужественность, мужское достоинство). **Яр, а за мать тык** мужественно сделает мужчина.

Ербегей (торчащий во все стороны, растопыренный). **Яр, бегай** растопыренный.

Ербейту (привлечь внимание, кто находится далеко). **Яр, бейте** того, кто привлёк внимание.

Ербе !деу (двигаться, ходить размахивая руками). **Яр, бандой** двигается, размахивая руками.

Ербиту, ербию (сделать заметным для глаза). **Яр, бить** и сделать заметным для глаза.

Ерен (молодец, герой). **Яр он**, герой.

Ереуіл (стачка, массовое движение). **Яр и аул** в стачке.

Ерке (баловень, капризный). **Ярок, яркий** баловень.

Ерке-Б лан (баловень, неженка). **Ярко буланый** баловень делает. **Яркий баловень** неженка. **Ярке баловень** неженка.

Еркек (мужчина, всякое живое существо мужского пола, хозяин дома). **Яр как** хозяин дома.

Еркекше (по-мужски, как мужчина). **Яр, как же**, мужчина.

Еркекшілеу (делать что-либо, подражая мужчине). **Яр как, жалею**, как мужчина.

Еркелегіш (любящий ласкаться, ластиться). **Ярко лежишь** любящий. **Яр, коль лежишь**, любящий ласкаться.

Еркелік (избалованность, каприз). **Ярко лик** каприза показываю. **Яр, коль лик** каприза.

Ерке-наз (обида, недовольство). **Ярко назло** – это обида.

Еркетай (любимица, неженка). **Ярко тай**, любимица.

Еркін (свободный, вольный). **Ярок он**, свободный. **Яр кинь**, свободный.

Еркінсіп (вольничать, проявлять вольность). **Яр кинь, сыпь**, проявля вольность.

Ерлеу (быть молодцом, проявлять храбрость). **Яр лаю**, проявля храбрость.

Ерлі (замужняя, имеющая мужа, с седлом, осёдланный). **Яр ли** осёдланный?

Ерлі-байлы (муж и жена, супруги). **Яр ли – бай ли** супруги.

Ерлі-зайыпты (супруги, муж и жена, супружеская чета). **Яр ли – зайып ты** муж и жена.

Ерлік (героизм, геройство). **Яр лик** геройства.

Ермек (забава, развлечение). **Ермак** – это забава расщепить, раздвинуть, разбить.

Ернеу (край посуды, край, кромка). **Яр ною** на краю.

Ерсілену (быть странным, быть неуместным). **Яр сильно** и был странным.

Ерсілік (странность, неуместность, неприличие). **Яр сей лик** странности.

Ерте (ранний, рано, давний, давно, утро). **Верьте** – утро. **Яр ты**, когда утро.

Ертеде (в старину, в древности). **Верьте-де** в старину было. **Яр то де** в старину был.

Ертелік (преждевременность). **Яр, то лик** преждевременности.

Ерте ! (завтра, будущее, будущность). **Яр, тень** будущности.

Ерте ! шіл (постоянно откладывающий дело на другой день). **Яр, тень шил**, откладывая дело на другой день. **Яр, тенью жил**, откладывая дело на другой день.

Ертесіне (на другой день, на следующий день). **Яр, то синее** небо на другой день.

Ерттелу (быть осёдланным). **Яр, телу** когда быть осёдланным.

Ерту (вести за собой, повести). **Яр ту** вести за собой.

Еру (таять, топиться). На **яру** тает и топится яр.

Ерулеу (устроить привал во время кочёвки). **Яр, и лаю** о привале.

Ерулік (угощение, устраиваемое в честь прикочевавших соседей). **Яр, и лик** угощения устраиваю.

Ерше (как герой, мужественно, как мужчина). **Яр же** как герой. **Ярче** и мужественно.

Ершік (детское седло для обучения детей). **Яр, шик** детское седло для обучения.

Ерікті (вольный, свободный, добровольный, добровольческий). **Яр и кто** свободный.

Еріккендік (бездельничанье, пустое времяпрепровождение). **Яр и конь дик** в бездельничанье.

Ерімтал (плавкий, растворимый). **Яр и металл** плавкий.

Еріну (лениться). **Яр, и ну** лениться.

Еріншектену (лениться, быть ленивым). **Яр, и на щеке** тень лени.

Ерітуші (растворяющий, расплавляющий). **Яр, и туши** расплавляющий.

Если исходить из гипотезы, что у всех народов в той или иной форме реализуется философский принцип «инь» и «ян» – мужского и женского начала, то мне иногда кажется, что именно «ер» (яр) символизирует мужское начало в мироощущении степняков. Недаром в казахском языке наибольшее количество мужских имён, содержащих этот корень: Ералы, Ердар, Ердаулет, Ерден, Ержан, Ерлан, Ержетер, Ержигит, Ерке, Еркеболат, Еркебулан, Ерман, Ермурза, Ерсайын, Ерсейт, Ерсинай.

Тогда какое слово символизирует вторую половину и женское начало в устойчивой конструкции жизни? По-моему, это слово «жар», которое имеет три основных значения:

- 1) невеста, возлюбленная, любимая жена; тот, кто служит опорой, поддержкой,
- 2) яр, обрыв,
- 3) весть, извещение, клич.

Производных с корнем «жар» не меньше, чем со словом «ер», и они по сути дела охватывают весь спектр жизненных ситуаций, характеризующих взаимодействие жар и ер, начиная с обрядовой песни напутствия жар-жар и кончая ерлі-байлы (муж и жена) в создании устойчивой ячейки общества.

А теперь некоторые другие слова на букву «е» кроме приведённых выше, которые хорошо вписываются в ассоциативную логику.

Егделік (зрелость). **Э, где лик** зрелости?

Егер (опустошение, вражда, ссора). Где **егерь**, то там ссора, чтобы не опустошали лес.

Егерлеу (опустошать, разорять, разорение). **Егеря лай** предотвращает опустошение.

Еден (пол). **Един** пол.

Едірею (смотреть вытаращив глаза). **Э, (о), дурею**, вытаращив глаза.

Ежелде (давно, в давние времена). **Я жил-де** давно. **Ежели-де** в давние времена.

Ежелеу (читать суру по буквам, читать кое-как). **Я (о) желаю** читать суру по буквам.

Езмалталы (пустословие, болтовня). **Э, с мала толк** в болтовне знает. **Э, с мала то лик** пустословия.

Ел (страна, отечество, народ, люди). Страна, где растёт **ель**, где был великий **Эль**, где досыта **ел**.

Елбірету (сочувствовать кому-либо, проявлять заботу). **Ел берите**, сочувствую и проявляю заботу.

Елдесу (мириться, помириться). **Ел, де су** пил, и помирились.

Елжір (умиление, сердечность, чувство любви). **Ел жир** и испытывал умиление.

Елжіреу (умиляться, расчувствоваться, наполняться чувством любви). **Ел, жиреу** и умиляюсь.

Елпіл (высказывать готовность сделать что-либо для кого-либо). **Ел, пил** и высказывал готовность сделать что-либо.

Ел-сел (литься потом). **Ел, сел**, обливаясь потом.

Еліктеу (подражать кому-либо). **Ел и той** благоволю и подражаю. **Э, лик той** беру для подражания.

Елірту (возбуждать, приводить в состояние буйства). **Ел и рту** даю возбуждаться.

Ем (лечение, лекарство, прок, польза). **Ем** и получаю пользу.

Есейту (подрастать, становиться взрослым, мужать). **Э, сейте**, если мужаете.

Есек (осёл, болван). **Е (я) сёк** болвана.

Еселі (необходимый, подходящий, результативный). **Э, сели**, где необходимо. **Если** необходимый.

Есен (благополучный, благополучно). **Ясен** благополучный.

Есеп (счёт, подсчёт, учёт, способ). **Э, сып** счёт.

Ескіру (устаревать, ветшать). **Э, скоро** будет ветшать.

Еспелі (порывистый, быстрый). **Э, спели** порывисто. **Э, спелый** быстро.

Естіяр (взрослый, ставший сознательным). **Есть и яр** взрослый.

Есту (слышать, слух). Говорят **есть**, когда слышат. **Э, стой**, если есть слух.

Естірту (оповещающее известие о кончине). **Э, сотрите** из памяти, если кончина.

Ет (мясо, тело). **Еда**, мясоед и он мясо **ест**.

Ж

Жылан (змея) была желанна

Ни в одном другом языке, пожалуй, нет столько омонимов, как в казахском слов, одинаково звучащих, но имеющих разный смысл, зачастую совершенно противоположный. По утверждениям специалистов слово «а» – белый имеет более 130 значений. При всём при том между этими значениями имеется глубокая внутренняя философская связь, оттеняемая контекстом. Поэтому, наверное, прообразом КВН являются казахские айтысы, где острое образное слово, игра слов и смыслов вызывают бурную реакцию аудитории. Да и как не быть, если слово «жар» имеет значения: жар, обрыв, невеста, любимая жена, тот, кто служит опорой, половинка, весть, клич, а производные этого слова составляют несколько страниц словарей. Мне кажется, повторяюсь, что в своей диалектике единства и борьбы противоположностей это слово символизирует женское начало во всём его

многообразии, также как слово «ер» (мужчина, мужской, муж, супруг, молодец, удалец, храбрый, седло) символизирует с огромным множеством производных мужское начало.

Эти же слова с близкими значениями живут и в русском языке. Поиски молодцами жар-птицы кочуют из сказки в сказку. Жар сердец и душ влюблённых описан в десятках песен. А сочетание «жаркая ты моя» – высшая степень похвалы для супруги. Поэтому в словаре Д. Н. Ушакова среди множества значений слова «жар» есть: разгорячённое состояние, вызванное каким-нибудь волнением; румянец, выдающий разгорячённое состояние; сильное внутреннее возбуждение, пыл, страстный порыв, рвение; нагоняй, встрёпка, наводящая страх.

В русском языке «ер» – то тоже твёрдый знак, ассоциирующийся с мужчиной. Следует также иметь в виду, что в русском языке не очень много слов, начинающихся на букву «е» – всего 6 страниц словаря, и в ряде древних слов «Е» стало «Я». Так Ер трансформировалось в Яр в значении крутой, обрывистый.

Неудивительно, что у народов, пришедших с Алтая, восприятие жизни – как соединение двух противоположных начал, дающих единство, семью. Воистину **жан_я** (семья) – это жена и я.

В сказке стрела Ивана, выпущенная из **жебе** (лука), упадёт около жабы (**жабу** – закрыть) или около **жылан** (змеи), которая потом превращается в **желанную** невесту и **жену**, которая будет **жинуау** (убирать) в доме Ивана и станет как у украинцев просто **жинка** – **жа! а** (щепка), которая может **жану** (гореть). А вообще по отношению к жене работает принцип – **желаю**, значит, надо нежно **жалау** (лизать). И хотя женишок сначала **жі!ішке** (тонкий), но когда становится мужем, то начинает **м жу** (мучить, грызть, пилить, глотать).

Тюрки считали, что люди, родившиеся в начале года Змеи, бывают спокойными и молчаливыми, они сильны физически и удачливы. Тот, кто родился в середине года, бывает высокомерен и груб, а в конце года – жалкий человек. Есть притча, когда герой находит табун, но он окружён змеями, которые соглашаются отдать скакунов, если батыр женится на девушке из их племени – на желанной. Он соглашается, и она превращается в красавицу, с которой они уезжают в степь. Змея – это символ тюрков. Долгое время во главе стояло племя «Имак». На языке древних алтайцев имак означало «змей». Образ змея тогда и стал символом тюрков, при этом бог земли «Иеб» изображался человеком с головой змеи! Казахский язык удивительным образом сохранил в память об этом слово «**абжылан**» (змея в образном значении) – **абы желанную** найти.

Весна традиционно считалась временем космического обновления. Поэтому тюрки и алтайцы весну называли периодом рождения. Начало года весной понималось как поворот на новый виток, новый цикл – голова змеи загнулась. В 12-летнем цикле у Змеи шестая позиция, занимает срединное положение. Возможно, в этом близость графики и звуков слов **жыл** (год), **жылан** (змея), **жыл ы** (лошадь), **жылы** (тёплый), **жылау** (плакать). Жизнь – это изгибы змеи времени: то вверх, то вниз; то тепло, то холодно; как движение лошади – то быстро, то медленно. У Сакена Гумарова есть

удивительная картина «Год Змеи», где на хвосте начертаны многозначительные, во многом трагические годы 1905, 1917, 1929, 1941, 1953, 1965, 1977, 1989 – все с солнечным циклом в 12 лет.

Бахтияр Албани назвал этот календарь «Вечная спираль Тенгри»:

«Тенгринский календарь состоит из пяти 12-летних и шести 10-летних циклов. Казахам он известен под названием мушель, а до революции 17-го года им пользовались практически все тюрки.

За свою историю человечество создало немало систем летосчисления. Многие из таких календарей канули в Лету вместе с породившими их народами. Но календарь – это не просто способ подсчёта лет и месяцев; это система представления о времени, которую вырабатывает та или иная религия в связи с конкретными географическими, хозяйственными и экономическими условиями. В настоящее время наиболее используемыми являются мусульманский лунный и христианский солнечный календари, а также календарь животных, именуемый ещё восточным, китайским, японским. Он состоит из пяти 12-летних и шести 10-летних циклов. В русской дореволюционной научной литературе этот календарь называли киргизским, либо киргиз-кайсацким цикловым календарём. Сегодня его называют циклическим животным календарём, лунно-солнечным календарём народов Юго-Восточной Азии, Юпитерским календарём (по планете, дающей отсчёт 12-летнего цикла). Им пользовались практически все тюркские народы СССР. Как и празднование Наурыза, традиционного нового года у казахов, мушель был запрещён в 1926 г., но в 70-х годах прошлого века стал входить в моду во всём мире.

Он состоит из 12 лет, где каждый год обозначен определённым животным: Тышкан, Сыыр, Барыс, Коян, Улу, Жылан, Жыл ы, ой, Маймыл, Тауы, Ит, До ыз. Пять мушелей составляют 60-летний цикл, в котором параллельно содержится шесть 10-летних кругов, где годы идут парами по цветам: синяя, красная, жёлтая, белая и чёрная. Первая – цвет Вечного Синего Неба – Тенгри, а далее цвета сторон света по ходу Солнца – восток, юг, запад и север. Кроме движения Солнца и Луны он учитывает 12-летний цикл обращения Юпитера вокруг Солнца и 30-летний цикл Сатурна».

Чтобы пришла **же ! ic** (победа), женись.

И в доме будет **жа ! а** (новый) **жан** (дух, живое существо).

И стала **жар** (жена), как ноющая **жара** (язва),

Открытой **жара** (раной),

Которую излечит яд **желания жылан** (змеи) –

Моей такой извилистой, **желанной**,

Ибо я ведь тоже **жалаң** (один, голый).

И станешь ты **жена** моей **жан** (душа, дух, бок) и **жа ! а** (самый лучший человек).

С **женой** начнёшь **жинау** (копить), **жинау** (убирать) и **жинау** (собирать). И за это будешь ласкать и **лакать** её уста и **ала аң** (ладонь). Пока она, как **с** (птица, жена), не нанесёт **укус** и увлечёт под **куст**, чтоб **жертву жырту** (рвать) и тем дурманом (ядовитое растение) снова **же ! у** (побеждать).

А я твой **жар** (супруг), которого ты тормошишь (трясёшь) и кличешь **жара** (язва).

И **жарко-жарко** будет, когда начнёт **жары** (светать).

А близким станет так **же!іл** (легко), что он **женил**.

И где-то даже **же!ілдiк** (облегчённо),

Но берегись всё разом **же!ілу** (проиграть),

И потому свой пыл **же!імпаз** (победоносный)

Не будоражь, чтоб снова жену **же!у** (побеждать),

Назвавшись **же!іскер** (победитель).

Жену, женившись, **же!ілу** (проиграть) –

И станешь **женишок** ты очень **жі!ішке** (тонкий).

Ж_бай (жена) **ж_бау** (грустная) приносит **ж_бану** (успокоение),

Когда на стол приносит **жбан**.

Зайып (жена) была **епті** (ловкая, вертлявая, проворная),

Всем показала **еп** (ловкость).

Жар (жена) смело распалила **жар**,

Чтобы **йел** (жена) не сильно **ела**.

оса (жена) с распущенной **косой**

Не сильно **косилась** на этот **косяк**.

Но **атын** (жена) умело **катала** и **укатала** к ночи.

Вот это и есть **жан_я** (семья) – моя **жена и я**.

Будем самокритичными.

* Суть мужа хорошо раскрывают значения казахского слова «**м жу**»:

1) глотать, обглаживать, взъестся, грызть; 2) разрушать, разъедать, подтачивать; 3) мучить, грызть, пилить. А ещё есть архаическое слово, почти забытое в современном языке – **м_ш** (кулак). Об этом, конечно, не **меч-таю**, но он может **м_штау** (показывать свою силу).

«Жарко», – говорят русские, когда припекает солнце! У казахов «жары» – это «свет, светлый, яркий», а ещё неожиданно – «щель, трещина, расселина». А жар – это «яр, обрыв». Поэтому задумайтесь, прежде чем мечтать о жаре жар (невеста, возлюбленная), которая обеспечит жар души и жар в семейном костре, но может стать в жизни жар (яр, обрыв), из которого не выбраться, или жара (язва, рана), которая будет мучить по каплям. И в русском языке жара – это масса проблем, особенно если у тебя рана или язва.

Вокруг букв этих слов разыгрывается вся философия добра и зла, благородства и верности, женственности и трагизма разрыва! Вдумайтесь в смысл производных:

Жарайды – хорошо; жара-жара – весь в ранах; жара – снаряжение; жара ат – ранение; жара ты – вооружение, снаряжение; жаралы – раненый; жаралды – годный, пригодный; жарау – тренированный, подготовленный к скачкам; жар-жар – казахская обрядовая песня-напутствие; жар – слово, выражающее мгновенность действия; жарма – состоящий из двух половинок. Удивительная философия поэтического восприятия жизни.

Жабу (покрывало, закрывать, заканчивать). **Жабо** прикрывало открытые места, а **жаба** закрывала широко открытый рот.

Жабыстыру (приклеивать, прилеплять, прицеплять). **Жабы стырили** мошкару, приклеивая языком.

Жағу (зажигать, осветить, зажечь). Свечу **жғу** и лампу **зажғу**.

Жайлау – джайляу.

Жал (грива, наёмная работа). **Жал** гриву, чтобы не упасть, и сжал её.

Жала (клевета). Клевета **жала** на сердце.

Жала (ранка, трещина на губах). **Жалок** ты с этими ранками на губах.

Жала тату (обнажать что-либо). **Жалок тот** и обнажает саблю.

Жала тау (проявлять нетерпение, жадность). **Жалок ты**, проявляя нетерпение и жадность.

Жала ! аш (голый, без одежды). **Ах ты, желанный наш.**

Жала ! дату (энергично действовать, проявлять готовность). **Желанной дать** энергично действовать и проявлять готовность.

Жалау (лизать, облизывать, обжигать). Тебя **желаю** обжигать и облизывать.

Жалау (быть опорой, утешением). **Желаю** быть тебе опорой и утешением.

Жал ау (лентяй, лодырь). **Жалко** лодыря, но он **жалкий** лентяй.

Жал аулы (лень, лодырничество). **Жалкого лик** в лени.

Жал аусыну (проявление лени). **Жалко у сына** проявление лени.

Жал ы (единственный, одинокий, непарный). **Жалко и жалкий** тот, кто единственный.

Жалта (боязливо, нерешительно, действующий с оглядкой). **Жал так** боязливо и нерешительно.

Жана (самый лучший, уважаемый человек). Таким является **жена**.

Жанасалау (ехать или идти сбоку, бок о бок). **Жена силу** придаёт и идёт бок о бок.

Жанастыру (приблизить, посадить рядом, друг возле друга). **Жену стырил** и настырно посадил рядом.

Жану (загораться, зажигаться, гореть). Когда увижу **жену**, то начинаю гореть.

Жанындай (сильно любить). **Жена ин дай** тебя сильно любить.

Жа ! ығыш (легко ошибающийся). **Жене лжешь** и легко ошибаешься.

Жа ! ылыс (ошибка, ошибочный, ошибочно). **Женились** ошибочно.

Жар (невеста, возлюбленная, жена). **Жар** души принесла невеста в дом.

Жара (рана, язва, болячка). Во всём теле **жара** и температура, когда рана, язва, болячка.

Жара аттау (ранить, наносить рану, травмировать). В **жаре катаюсь** по земле, когда ранили.

Жарасым (пригожесть, ладность, соответствие). **Жара сим** приводится в соответствие.

Жар аба (крутой берег, обрыв). **Жар кабака** довёл до крутого берега.

Жары -жары (весь в ссадинах). **Жарко-жарко**, когда весь в ссадинах.

Жарылу (разделяться на части). **Жарили**, разделив на части.

Жат (чужой, посторонний). И его надо **жать**.

Жату (лежать, лечь, подлежать, подвергаться). **Жать**, если лечь.

Жегу (загрузка работой). На работе себя **жгу** и сжигаю.

Жел (ветер). Ветер **жал** траву.

Желі (жила). Эта **жила** богатая.

Же | (рукав, рукава). Рукав широкий у **жён**.

Же | у (победа, одоление, выигрыш, преодоление). Необходима победа, чтобы иметь **жену**.

Же | ил (лёгкий, легко). Когда сына **женил**, то стало легко.

Жеребе (жеребёвка). Жеребёвка для **жеребцов**, от которых будут **жеребята**.

Жима (складной). **Жму**, сожму, и он складывается. От **жима** складывается.

Жол (дорога, путь). По дороге **шёл**.

Жора (товарищ, друг, ровесник). Поэтому так распространено имя **Жора**.

Жою (уничтожать). **Жую** траву и её уничтожаю.

Жуу (мыть, быть близким). **Жуу** звучит, когда мою.

Ж_ а (тонкий, лёгкий). Вес лёгкий, как у **жука**.

Ж_ му (сжимать кулак, закрывать, жмурить). Поэтому **жму** и жмурюсь.

Ж_ мыс (работа, дело). **Жмись**, но делай дело.

Ж_ мыстану (дело делать). **Жму, и стану** делать дело.

Ж_ рым (жизнь). Это то, что мы всю жизнь **журим** и хулим, но не хотим уходить.

Ж к (груз). Как **жук** движется груз.

Ж ре (слушать мимоходом, вполуха). **Жури** вполуха. Слушать мимоходом, как **журят**.

Ж рек (сердце). Когда **журят**, то сердце болит.

Ж ру (ходить, ездить, двигаться, действовать). Если **журю**, то хожу.

Жыл (год). Весь год **жил** и прожил. Жили-были дед да баба.

Жылан (змея). Жил с **желанной**, а желанная жена как **жылан** (змея). Годы извиваются как змея – то вверх, то вниз.

Жылау (оплакивать умершего с причитаниями). Не **желаю** его ухода от нас. Если есть укусившая **жылан** (змея), то приходит **жылау** (плач, оплакивание), хотя этого не **желаю**.

Жыл ы (лошадь). У лошади напряжены все **жилки**.

Жылпыл (лукавость, изворотливость). **Жил, пыл** в лукавость **шёл**.

Жылпылдау (лицемерно угождать). **Жил, пыл даю** и лицемерно угождаю.

Жылындыру (отогревать). **Желание дарю** на новый год, чтобы отогреть душу.

Жылыстату (потихоньку, постепенно). **Желание стать** потихоньку осуществилось и **жилистым** стал.

Жындану (сходить с ума). **Джин дан** в его голову, и он сходит с ума.
Жын-шайтан (черти). **Джинн и шайтан** – черти.
Жыныс (пол, род, потомство). Если хочешь потомства, то **женись**.
Жырту (рвать, разрывать). **Жертву** рвут и разрывают.
Жырылу (разрываться, отделяться). То, что разрывали, дальше **жарили**.
Жігіт (юноша, парень) – **джигит**.

3

Зымырау (мчаться, нестись) – **замираю** и **замараю**, когда мчусь

Казахский язык содержит огромное количество синонимов – слов, имеющих близкое значение, но совершенно разных по написанию. Это делает казахский язык сочным, образным и даёт возможность выразить одну и ту же мысль несколькими вариантами слов. Столь же богат на такие возможности и русский язык. Однако самое удивительное заключается в том, что слова-синонимы в казахском языке хорошо реконструируются архетипическими словами русского языка, что указывает на глубокую внутреннюю связь и общие точки роста от, возможно, одного алтайского корня.

Продemonстрирую это на примере синонимов, взятых из книги Седина Бизакова «Синонимдер с здігі»:

1. Зымырау, 2. зулау, 3. заулау, 4. зауылдау, 5. зырылдау, 6. гулеу, 7. зырғу.

При всей схожести значений синонимов дадим акцентированный перевод каждого слова по словарю.

1. Зымырау – мчаться, нестись
2. Зулау – быстро промчаться, пролететь
3. Заулау – мчаться, нестись, говорить чисто, без ошибок
4. Зауылдау – быстро мчаться, нестись
5. Зырылдау – быстро вертеться, крутиться, работать безостановочно
6. Гулеу – мчаться, нестись
7. Зырғу – стремительно двигаться.

Все эти слова очень хорошо реконструируются русскими словами, дающими тот же смысл.

1. **Зымырау** – **замираю** и **замараю**, когда мчусь.
2. **Зулау** – **залаю** и **пролечу**. **Злею** и быстро мчусь.
3. **Заулау** – **залаю** и **несусь**.
4. **Зауылдау** – **завыл**, **даю** быстро мчаться.
5. **Зырылдау** – **зырил**, **даю** быстро вертеться.
6. **Гулеу** – **гуляю** и **несусь**.
7. **Зырғу** – **заржу** и **стремительно двигаюсь**.

Другие слова на букву «З» в казахском языке также хорошо ложатся на матрицу русских слов, что будет видно ниже.

Зағип (инвалид, калека). У калеки **загиб** чего-либо.

Зады (род, происхождение). **Зады** указывают на происхождение и предков.

За ым (вред, ущерб, увечье). **За кем** вред.

Залым (коварный, хитрый, злой). **Злым** присуще быть хитрыми.
Залымдан (стать коварным, хитрым). **Злым дано** стать коварными.

Заман (эпоха, эра, времена). Этот период **заман** времени.

Замат (миг, момент). **За мать** готов в момент.

Замыр (ехидный, едкий, подвох). **Замер** и жди подвоха.

За! (закон). Закон должен быть **знан**.

Запыран (жёлчь, кислота, яд, печаль). **Запер он** кислоту и печаль.

Заразан (надоедливость, надоедать). **Зараза** надоедливая. **Зараз он** надоедает.

Зарла (рыдать, причитать, вопить, сетовать). **Заорала** она рыдая.

Зарлы (грусть, печаль). **Зари лик** в печали.

Зарыгу (томиться, скучать). **Зареву** от томления.

Зат (вещь, предмет, суть, сущность). **Зад** показывает сущность.

Зауал (полуденная жара, конец, упадок). **Завал** и **зевал**, когда полуденная жара или конец.

Зауалды (конечный, на закате, карающий). **За аул да** на закате солнце ушло. **Завал да** солнца на закате.

Заула (мчаться, нестись). **За аул** мчаться. **Завыла** и помчалась.

З бір (притеснение, обида). Бросили за **забор** и начали притеснения.

З бірле (обижать, притеснять). **Забирали** и обижали.

З !кі (возвышаться, вздыматься, быть очень высоким). Открой **зенки**, чтобы увидеть высокое.

З ре (чувство страха, сильный испуг). При **заре** испытываю чувство страха и весь **зарёван**.

З редей (ничтожный, незначительный). Заря, **зардей** от незначительной полоски.

З уде (если вдруг, случайно). Если даже случайно, то **зайди**.

Зейнет (украшение, убранство). **Звенит** украшение.

Зерде (разум, сознание). **Заря – где** разум.

Зерек (понятливый, сообразительный). Зарёкся понятливый. **Зорок** понятливый. **Изрёк** сообразительный.

Зере! (круглодонная деревянная чаша). Чаша для kože и **зёрен**.

Зертте (исследовать, изучать, пристально смотреть, всматриваться). **Зырьте** и пристально смотрите.

Зиялы (образованный, учёный). Его образованность **зияла** среди пустоты.

Зиян (вред, повреждение, ущерб, убыток). Повреждение – это **изъян**.

Зият (лучше, больше). Если лучше, то, конечно, **зиять**.

Зор (большой), **зорай** (увеличиваться), **зораю** (увеличение, усиление). Увеличение связано с **зарёю**.

Зорла (действовать силой, насильно). **Заорала**, когда действовали силой.

Зорлы (огромность, громадность). **Зорь лик** в огромности.

Зоры (переутомляться, надрываться). Был **зорок** и переутомился.

Зуыл (гул, свист, шум). **Завыл** гул.

З_лмат (мрак, темнота, невежда). **Злил мать** невежда.

З_лым (тиран, деспот, коварный). **Злым** был тиран.

Злымды (подлость, коварство). **Злым, диким** было коварство.

З кібай (лгун). Не **загибай**, лгун.

Зығыр (злость). **Загорається** от злости. **Загар** красный на лице от злости.

Зымиян (подлый, коварный, скрытный). **Змей он** коварный. Как **змея** подлый.

Зым-зия (бесследно, мгновенно). **Змея** исчезает мгновенно.

Зымыра (мчаться, нестись). **Замираю**, если мчаться **за миром**.

Зымыстан (зимний холод, стужа, трудность, негодяй, подлец). **Зима, стань** и приди, стужа. **Зимы стан** и есть стужа.

Зы!ыл (тонкий звон, гудящий звук). **Заныл** тонкий звон. **Звонил** тонкий звон.

Зыр -зыр (вздрагивать, стучать). **Зырк-зырк** – и вздрагивает.

Зырыл (шум, гул, гудение). **Зырил**, где шум.

Зытыр (тайком отправить, выкинуть, выбросить). **Затёр** и выкинул.

Зіл (тяжесть, трудности). **Злил** груз и **зол** на тяжести.

Зілзала (несчастье, землетрясение). **Зло зла** – несчастье.

И

Ит (собака) сидит и скулит

В какой бы деревне евразийского пространства ни побываете, там обязательно встретите четвероногих друзей по имени Тузик, Шарик, Шурик, Жорик, Бобик, Лайка. Ибо два главных помощника у степняка – ат (лошадь) и ит (собака).

Собака – друг человека и это третье его плечо (иы), на которое он рассчитывает на охоте и в быту. Но когда скулит, то становится л (раб) и может показать оскал. Это заложено во многих именах собак. В русском языке было не совсем понятно, что они обозначают, а вот в казахском всё становится на свои места:

Т зік – исправный, честный, правдивый;

Шар – беспорядочные следы, оставленные животным;

Ш р – подражание урчанию;

Бобырау – растрепаться, лохматиться;

Жора – товарищ, друг.

Лайка – порода собак.

Учитывая, что слово «иы» обозначает плечо, все имена собак, возможно, имеют персонифицированное отличие, например, «плечо друга» (Жориык). Нельзя также исключить что Тузик могло родиться от Т здік (степной), тем более, что при звуковом переходе из одного языка в другой бывает некоторая аберрация.

Лай – ли слышу где-то **лайлы** (грязный).

Лайка (порода собак) и её **лай** (грязь) **там**, где **там** (дом).

Лай – лаю, когда хочу людей **лайлау** (будоражить).

Да и мы **лай им лайым** (проклятие), тоже **лаем**.

Но **лай и кто лайы ты** (достойный), понимай.

Лай и к той заслуженной **лайы тау** (приспособляйся).

Мораль: «Не **лай-ка**, **Лайка**, и не **лайся**, жена!».

Игеру (осваивать, овладевать). Осваивать что-либо лучше, делая как **игру**. И сравнивая казахские и русские слова по звуку, мы осваиваем их через игру ума.

Игерілу (быть использованным, освоенным). Мы **играли** словами, и они становились освоенными.

Игі (хороший, добрый, ценный, полезный, хорошо, лучше, благо). **Иго** было благо для того, чтобы разрозненные княжества сделали объединённой будущую страну.

Игілік (польза, плоды полезного дела). **Ига лик** проявился плодами полезного дела во всех сферах, в том числе в генетике евразийцев и языке.

Идірім (спуск молока). В ведро сцедим **и дарим** молоко, подпуская телёнка, и его **одарим**.

Иелену (завладевать, присваивать, обладать). **И я льну**, чтобы завладеть.

Имету (сгибать). Если хочешь **иметь**, то надо сгибать себя в молитве. Не **имитируй**, а молись по-настоящему.

Имею (сгибаться). **Имею**, если **умею** сгибаться. **И мы** имеем сгибание.

Ине (игла, иголка). **И не** тяни так иглу. **Иней** в виде игл и летит он извне. **Инет** иглы тебе. **Ин**, быть по-твоему. Частица ин употребляется для выражения уступки, вынужденного согласия.

Инедей (как игла, как иголка, колоть как иголки). **Иней-де** на бороде колет как иголка.

Ит (собака). **Ита ай** (щенок). **И такой** он мягкий и ласковый. Не скулит – ит, не визжит – ит.

Итепе (длинная рогатина, используемая для приучения верблюда к узде). **И тебе**, верблюд, эта рогатина достанется.

Итеру (толкать, побуждать к чему-либо). **И тру**, побуждая, чтобы быстрее бежал конь.

Итию (худеть, доходить до изнеможения). **И таю**, на глазах худея.

Итті (с собакой, имеющий собаку). С собакой мы будем **идти** в лес.

Итіну (подаваться, продвигаться вперёд). **И тяну** вперёд. **И тины** избегай, подаваясь вперёд.

Ишаралау (объяснять знаками). **И шарили** руками, объясняясь знаками.

Ища (чувство сильного озноба). У меня чувство сильного озноба и я **ищу**, где согреться. **Ища** защиты – не обманись.

Иігу (приноравливаться, приспособливаться, притираться). И к **игу** за сотни лет приноровились. Говоря **угу** – тоже приноравливаюсь.

Искелесу (нюхать, обнюхивать, нюхать лоб, затылок, шею ребёнка, чтобы его ласкать). **И искали в лесу**, обнюхивая всё тщательно.

Продолжение в следующем номере.

Нелли МЕЛЬНИКОВА

Æàâí û é ãđî é – Âđâì ÿ

По прочтении дневников Юрия Поминова

По существу, мною прочитан лишь один дневник из трёх, названных автором «Хроника смутного времени» – книга третья, 1995-96-97 годы.

Журнал «Нива» основательно и серьёзно появился в моём читательском и писательском поле в 2011 году, когда и напечатана была «Третья книга». Сразу же привлекла знакомая фамилия – Поминов.

– Однофамилец или брат литератора Петра Поминова, чьи литературные пути пересекались с моими в период проживания его в Усть-Каменогорске? Особенно сближал нас общий любимец – поэт Евгений Курдаков.

Первый сигнал к прочтению «Хроник» Ю.П. сработал, и чтение началось. Прочитав пару журналов (а их 12!), я поняла, что Юрий – брат Петра, и что я, вероятнее всего, захочу откликнуться на эту удивительную, полезную и захватывающую работу. Так начались записи.

Долго думала над формой отклика: рецензию писать на дневниковые записи сложно, неэффективно, а возможно – бессмысленно.

Решила: а пусть будет с долей волонтаризма, не стесняя свободного течения мысли. Как будет «вытанцовываться», пусть так и будет. Вместе с тем поставила перед собою задачу с маленькой «детективинкой»: не прибегая ни к каким иным источникам, через «Третью книгу» хроник узнать и понять: «Что есть Ю.П.», как он сам сумел себя нарисовать в хрониках: возраст, внешность, семья, занятия, увлечения и, конечно же, его внутренний мир, ибо его дневники не просто фиксация череды событий – их в чём-то, хотя и отдалённо, можно считать современной версией герценовской работы «Былое и думы».

Вне всяких сомнений – главный герой «Хроник» – ВРЕМЯ. Но не просто время, а время увиденное, услышанное, глубоко прочувствованное и запечатлённое на бумаге надолго, навечно (если она, вечность, имеет место быть). Естественно, как и в любой работе, в этой – неизбежно присутствует доля субъективизма, иначе она будет безличностной, всё в ней будет общо, без какой-либо точки зрения автора. Нельзя не отметить, что у Ю.П. всё-таки есть попытки беспристрастной, как бы отстранённой фиксации событий, но они достаточно редки, и даже сквозь них одним глазком, одним словом, а иногда и просто вызванной мыслью или эмоцией выглядывает авторское «Я».

Из-за развала водопроводных сетей осталась без водоснабжения Михайловская средняя школа Железинского района. И учеников её обязывают приносить на занятия по бутылке воды – иначе техникам нечем будет мыть полы. (А за кадром остаётся мысль: а дома есть ли вода, если произошёл развал водопроводных сетей?). Примеры можно умножить, но лучше их обнаружить, читая книгу. Особенно тяжело, читая, вновь и вновь переживать массовую гибель села, о чём с горечью написано немало книг («Разлад» Г. Бельгера), стихов:

Селенья брошены. Разруха,
Как будто здесь прошла война,
Ничто не потревожит слуха –
Пугающая тишина.

В. Гундарев.

Итак, 1995-96-97 годы. (Всё, о чём я буду писать и что цитировать в своих «записках сумасшедшего», происходило в эти и только в эти годы).

29 апреля 1997. Димке 17 лет. Когда он родился, я не сразу поверил, что снова сын. И было это как будто вчера. Подарили ему красивую джинсовую куртку и три тысячи тенге.

А накануне в воскресенье отмечали на даче Ольгины 40 лет. Подарил Ольге гигантский том евтушенковских «Строф века» – она о них мечтала. Завтра двадцать лет как мы с О. поженились... Я теперь толстый и почти лысый, а Ольга, хоть и не помолодела, по-прежнему стройна и всё так же мне нравится. (Надо же, одним глазом (второй повреждён) зорко следит за событиями в семье, в редакции, в городе, стране и мире!).

Интересная деталь: всех близких, кроме жены, сестры Натальи и матери, кличет по-деревенски: брат Петька (кандидат наук), брат Шурка, очевидно пьющий, которого жалеет и старается помочь. Но эти Даньки, Пашки, Димки у Ю.П. звучат тепло и по-домашнему уютно. За развитием сыновей следит даже больше, чем можно было ожидать от невероятно занятого папы-редактора, тем более в годы, когда судьба газеты всё время в подвешенном состоянии, и главный гамлетовский вопрос «быть или не быть?» денно и нощно свербит несмолкаемо в его мозгу. Конкуренты наступают на пятки, используя все возможные ухищрения, не всегда даже приличествующие (*предскажу судьбу, гадаю на кофейной гуще, сниму порчу; кто, где, с кем, когда...*). До такого уровня Ю.П. никогда не опустит свою газету «Звезда Прииртышья» – главную газету области. Прежде всего, будучи настоящим профессионалом (журфак КазГУ), литератором с хорошим вкусом, он ищет, находит и очень бережёт талантливых, деловых журналистов. Одна Кульпаш Конырова чего стоит! Её даже пригласили совмстителем в агентство «Рейтер». О ней в дневниках много самых тёплых записей. И, во-вторых, газета немного поддерживается областным акиматом, и потому в ней должны звучать главные новости и события города, области, страны и хотя бы информационно, мировые события. Прочитывая многие дневниковые записи Ю.П., приходишь к определённом выводу: у каждого журналиста должен быть свой стиль, вполне узнаваемый почерк и, по возможности, свой круг тем, в которые он постепенно вращается и углубляется, и вширь. Репортажный стиль обязательно должен иметь своё место в газете, но не преобладать. Главные – статьи, над которыми читатель может и должен подумать, поразмышлять. Даже Президент на одной из встреч с журналистами в 1997 году высказал своё неудовлетворение работой журналистов, особенно посетовал на отсутствие серьёзных аналитических статей. К сожалению, даже И. Голембиовский (редактор «Известий») уволил около двухсот человек старой гвардии, принёсших газете

настоящую славу и высочайший авторитет, которые якобы являются *отработанным материалом, балластом*. То же самое произошло и с некоторыми другими газетами и журналами, читательский рейтинг которых сегодня «ниже плинтуса», а крен всё больше в сторону развлекательности и желтизны. Среди гонимых такие имена, как А. Плутник, Васинский и подобные им, которым редактор предпочёл людей с улицы.

В эти годы лихолетья, с их развалом, раздраем, чудовищной по несправедливости «прихватизацией», полной сменой ценностей (и тут многое ещё можно перечислять), нужно было не только сохранить газету, но и перейти на компьютерные рельсы. Вот это была настоящая головная боль для всех и прежде всего для Ю.П., и не только из-за его некомпетентности в этой области: надо было оборудование приобрести, обучить людей, наладить процесс. Ю.П. управился с этим, хотя и не легко. (Кстати, Ю. П., надеюсь, сегодня Вы уже на компьютерном коне, или всё ещё не решились изменить ручке? Вы ведь, кажется, однолюб)?

Нередко в дневниковых записях Ю.П. (а дневник всё же задуман и выполнен как документ деловой, предназначенный для дальнейшей расшифровки и публикации, что и случилось к радости, удовольствию и безмерному восхищению многих) поселяются мысли отнюдь не радостные, которые, однако, вполне закономерны для отражаемого времени:

8 мая 1995г. Ветеранам вручали после собрания скромные подарки и пакеты с продуктовыми наборами. И выглядело, особенно последнее, как-то жалко, убого. Разве таких почестей заслужили эти люди, победившие сильнейшую армию мира и поднявшие затем на своих плечах страну?!

Нередко, и не только в дневниках, а и в самой газете появляются материалы общественно-политического характера, смело идущие вразрез с интересами акимата.

13 августа. Три дня провёл на Абаевском празднике. Впечатлений много, притом противоречивых. Конечно же, это редкая удача для любого человека, а для журналиста в особенности – воочию увидеть то, что довелось увидеть мне... Не знаю, был ли вообще в истории Казахстана той, подобный этому... Но мне почему-то кажется, что самому Абаю, который большую часть жизни ратовал за просвещение народа, за справедливость и за достоинство человека, вряд ли пришлось бы по душе многое из того, что было на юбилее в его честь: эти немыслимые затраты в то время, когда большая часть народа едва сводит концы с концами.... Ритуальная сторона праздника в значительной мере подменила куда более важную, суть которой в том, чтобы слово Абая вновь зазвучало в полную силу, пришло к людям, как и его идеи, наставления, заповеди.

Судя по записям дневника, многие, особенно казахские пышно-ритуальные обряды, озадачивали своим полярным несоответствием более чем тяжёлым условиям жизни этих лет. И в то же самое время на этих праздниках Ю.П. очень жалел, что из-за плохого знания казахского языка не может в полной мере насладиться весёлым и остроумным айтысом акынов.

17 февраля 1996 г. Вчера ходил на очередной юбилей. Любят у нас братья-казахи чувствовать себя любимых... И, надо отдать им должное, умеют это делать. ... Подарены юбиляру два коня, с десяток ковров и паласов, примерно столько же чапанов, два телевизора, путёвки (туристическая – в США (!) и лечебная – в санаторий, десятка два поздравительных папок... Были, само собой, и конверты с деньгами...

... Без комментариев...

По всему дневнику рассыпаны записи сожаления по поводу бездарной гибели Великой страны СССР. Особенно достаётся Б.Ельцину. В том числе и за то, что русские, когда-то направленные в Казахстан, как и в республики Средней Азии после окончания вузов, и по различным путёвкам (на целину), остались без всякой опеки со стороны России, как и российские немцы, которым автономию на Волге так и не вернули. Всё это ложилось на плечи Казахстана, создающего ВПЕРВЫЕ свою государственность. Это сверхтрудно. Потому и ошибок масса, которые уже в наши дни пытаются исправлять. Много, видимо, с трудом, но удастся, увы... не всё. Очень сокрушается Ю.П. о богатейшем, жирнящем куске наших недр – Экибастузе: почти весь уже не наш...

40-летие Экибастуза. ... я по большому счёту ощущал собственную ненужность на этом празднике. Как оказалось, зря: городские власти не забыли и про нас с А.М. Мухамеджановым, презентовав каждому по чапану. Я произвёл фурор в своём семействе: надел чапан перед дверью квартиры и зашёл домой прямо в нём. А у самого на душе кошки скребли: у меня нет особых личных заслуг перед Экибастузом, а у С.П. Шевченко есть – он написал книгу об истории открытия Экибастузского угольного месторождения и о становлении «большого Экибастуза», а его даже не позвали на праздник.

А вот тут Вы, Ю.П., неправы: во-первых, Ваша боль за Экибастуз столь велика, что пронизывает многие страницы дневника, да и публикаций Ваших или Ваших коллег в «З.П.», вероятно, было (и будет!) немало. Во-вторых: непосредственно на празднике можно было найти момент и озвучить фамилию Шевченко. Это смело и честно, но, увы, бывает наказуемо.

Тему «Шевченко» хочется продолжить. Уж очень она показательна для внутренней сущности Ю.П.

Написал очерк к предстоящему юбилею С.П. Шевченко. Назвал «Сопротивление материала» – так называется один из его собственных рассказов... Очерк вышел вчера, а сегодня С.П. звонит и заявляет:

– Хорошо написал... Целый день от телефона не отходил – звонили, поздравляли... Так что бутылка с тебя!

– Ну Вы и нахал, – отвечаю, – с меня-то с какой стати?!

– Ну как... Ты же на мне своё мастерство оттачиваешь!

Брат Петька прислал мне любопытнейшее письмо А.С. Пушкина, в котором он наставляет младшего брата Льва, как ему следует вести себя в отношениях с людьми.

Уценённый Пушкин.

Сокрушаясь о том, что публика перестала читать и не только местных авторов, Ю.П. записывает в дневнике: *Замечательная книга Е. Гусларова – умная, глубокая, тонкая, где собраны совершенно замечательные вещи о Пушкине и других литераторах (тираж 20 тысяч экземпляров), продававшаяся по 100-110 тенге, теперь уценена до десяти тенге (это меньше, чем стоит субботний номер «З.П.»). Я купил сразу десять книг – буду дарить их друзьям и хорошим знакомым. (Как жаль, что я не...)!*

Ю.П. много ездит по области, стране – должность обязывает. Иногда дороги уводят его и в дальние дали – тоже полезно для познания, развития, сравнения: если в 70-х СССР по уровню ВВП занимал 37-е место, то сегодня Казахстан на 75-м. В разряде отсталых и развивающихся стран. Есть о чём и подумать, и писать. Да и визуально поездки многое показали наглядно.

По дневникам видно, что не всегда Ю.П. думает и пишет в унисон с властями, откуда у них даже возникали мысли, не подыскать ли ему другую работу, но, очевидно, здравый смысл возобладал. И правильно! Ю.П. – журналист высококлассный, эрудированный, с широчайшим охватом тем, сюжетов, направлений...

Перелопачивая всю «Третью книгу», а это 12 «Нив», отметила для себя, что нет в природе темы, к которой наш Ю.П. был бы абсолютно равнодушен. Но есть особые, я уж не говорю о семье и друзьях – это святое.

Природа... Это всегда такое чувство умиления, погружения в её глубокую и очищающую ауру. Почти всегда такие моменты вызывают к жизни творческие силы. Как бережно следует их хранить, и как бездумно иные люди разрушают эти мгновения тихого покоя и отдохновения.

У Поминовых – дача, очень небольшая. Всё делают на ней сами. Ю.П. даже не пользуется для поездок на дачу служебной машиной: сгоняет на велосипеде свои 90 кг, очень счастлив и горд, когда за ним катит маленькая, но ладная армада трёх его сыновей. И вот однажды уставшего от физической работы, но умиротворённого и занятого очевидно своими творческими мыслями Ю.П. догоняет «Волга», и его приглашают подвезти. Тот автоматически, ещё не сбросив паутину дум, садится.

И между попутчиками происходит примерно такой разговор:

– А что, разве у вас нет машины?

– Своей – нет, только служебная, – не очень врубаясь в разговор, отвечает Ю.П.

И дальше звучит фраза – кредо современного нувориша:

– А то теперь ведь так, что у тебя есть, такова тебе и цена...

Надо ли описывать ощущения Ю.П. после этого ушата холодной да ещё и грязной воды?!

В своих «Хрониках» Ю.П. постоянно упоминает о многонациональности Казахстана, но как-то особенно часто и тепло и в дневнике, и в газете пишет о немцах, очень сожалея, что этот честный, работающий, но бесприютный, изгойный народ так и не может обрести родную почву под ногами. Казалось бы – Германия, но и там они никому не нужны.

Хороший портрет В.И. Видикера сделал Володя Бугаев. Публикуем его сегодня на первой странице. Повод – минувшая жатва была у Владимира Ивановича пятидесятой. Как жалко, что никто из нас, его современников-журналистов, не написал хорошего очерка о нём. Отчасти, наверное, потому, что В.И. не любит «светиться» в прессе, но и потому ещё, что не так он прост и не каждому откроется. Таких как Видикер Б.В. Исаев называет штучным товаром. Таких как Видикер, много не бывает.

А вот и сам Ю.П. берётся за перо, потрясённый увиденным в хозяйстве Н.А. Миллера:

Ездил в Иртышский район к Н.А. Миллеру. Хочу написать очерк о нём – человеке, возрождающем к жизни практически развалившееся хозяйство. Отлично пообщались «за жизнь», материала больше чем достаточно. Николай Александрович становится мне по-человечески близок.

Как же всё может зависеть от человека! Когда всюду за бесценюк на селе раздаются направо-налево дома культуры, клубы, детские сады, бани, Н.А. Миллер в своей Глубоковке ВСЁ сохраняет.

25 ноября 1997 года.

Всю субботу писал о директоре ТОО имени Абая Н.А. Миллере. Что-то получилось, а вот образы других героев – не очень. Может, ещё и потому, что рядом с ним поставить особенно некого.

Ещё несколько мыслей и соображений, возникших по прочтении Дневника:

Вспомнился довольно распространённый, впрочем, совсем не верный постулат: «Когда гремят пушки, музы молчат».

Всё, что делало великое советское искусство, помогая побеждать фашизм, даже вспоминать не надо: об этом и так все помнят.

Нужно ли оно – искусство – в мирное время? Ответ в том стремительном, небывалом по мощи и темпам взлёте советского послевоенного искусства, удивившем и покорившем мир.

И вот ряд новых катаклизмов посылает миру совершенно иные, незнакомые вызовы. Будем брать в помощь искусство высокое и достойное или обойдёмся без него? Ну, в крайнем случае, попой?

На эти вопросы третья книга «Хроник» даёт более чем скупые ответы или не даёт их вовсе. Страницы моего рабочего блокнота с записями по культуре, музыке, спорту остались почти пустыми. Правда, о литературе и поэзии записи есть, Евгению Евтушенко пропет целый хвалебный гимн (и это в дневнике!), а вот Святославу Рихтеру посвящены всего 10 строк по поводу смерти. В своё время он совершил очевидный подвиг: уже не очень здоровым, в пожилом возрасте дважды проехал на своей «Тойоте» из Москвы в Японию через Сибирь и Среднюю Азию и везде, где был приличный рояль, давал концерты. Даже наша довольно индифферентная к искусству устькаменогорская пресса отметила это событие вполне достойно.

Павлодар – город музыкальный, с хорошей филармонией, с заметными музыкальными силами – и полнейшая тишина об их творчестве! Есть ли вообще в редакции или музыкальном мире города человек, способный грамотно прорецензировать концерт или написать толковую статью об искусстве? И поощряется ли это редактором? Ситуация странная. Возможно, Ю.П. не считает роль искусства в смутное время значимой? Дневник на эти вопросы ответов не даёт.

Пушкин написал: «Одной любви музыка уступает, но и любовь – мелодия». Сам поэт не обучался музыке, не играл ни на одном музыкальном инструменте, но был завсегдатаем лучших музыкальных салонов и оперных театров будь то в Москве, Петербурге или Одессе и прекрасно разбирался в музыке, зная ей цену не только как удовольствию, но и как подпитке всем творческим силам личности.

Послесловие

«Хроники» Юрия Поминова бесценны для людей и истории потому, что возвращают нам события прошлых лет в натуральной тональности, ибо писались не по памяти, не по прошествии времени, а непосредственно здесь и сейчас, и потому свежи, как блинчики с горячей сковородки. Читать о событиях смутного времени тяжело, очень тяжело, но мы (увы, не все) этот путь прошли, и пусть эта дорога навсегда останется позади и только в памяти.

P.S. Юрий Дмитриевич! Читали и обсуждали Ваши «Хроники» вместе с мужем взахлёб, и чтобы в разгорячённом творческом обсуждении не затрудняться и не спотыкаться о длинные полные инициалы, само собой придумалось мягкое, дружественное и удобное в быстрой речи: «Ю. Пи», по примеру Даньки или Петьки... Не гневайтесь. Ваша

Нелли Мельникова из Усть-Каменогорска.

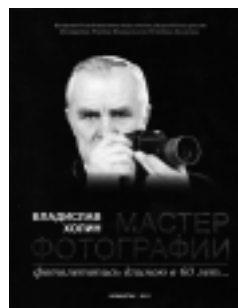

Чингиз ТАШЕНОВ

Фотолетопись Синегорья...

За свою 30-летнюю журналистскую деятельность мне доводилось работать с множеством фотокорреспондентов. Как правило, это были люди, имеющие за своими плечами солидный стаж, долгие годы напряжённого труда, тысячи километров, «намотанных» в бесконечных разъездах и командировках. И это закономерно, потому как работа фотокорреспондента – это такая «зараза», от которой человека не в силах излечить никакая медицина.

Среди этой славной когорты долгожителей фоторовского цеха имя Владислава Михайловича Холина стоит особняком, ведь, согласитесь, что 60 лет творческого труда, как пелось в той старой песне, с «лейкой» и блокнотом – это факт, заслуживающий записи в Книге рекордов Гиннеса. Почти десять лет мы работали с ним вместе в областной газете «Степной маяк», а лично знакомы вот уже 23 года, и за это время я, пожалуй, ни разу не видел его без фотоаппарата и кофра, которые, кажется, навсегда приросли к его рукам и плечам. И сегодня страницы газеты «Акмолинская правда» невозможно представить без снимков энергичного, лёгкого на подъём и неутомимого В. Холина.

Генсекретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев,
первый секретарь ЦК КП КазССР
Д.А. Кунаев. п.Боровое, 1973 г.

Его трудовая биография насыщена тысячами встреч с людьми разных профессий и возрастов, а что касается неординарных личностей, то перед его глазами (а «фотоглаз» Владислава Михайловича не «замылчился» и по сей день) бесконечной вереницей проходит калейдоскоп встреч с видными политическими деятелями бывшего СССР, независимого Казахстана, передовиками производства, учёными, артистами, спортсменами, космонавтами. Чего, к примеру, стоит упоминание лишь таких фамилий, как народные артисты СССР: Е. Серкебаев, Б. Тулегенова, К. Лучко, Н. Мордюкова, Н. Крючков, А. Папанов и Е. Леонов, О. Баилашвили и Л. Гурченко, всемирно известный Вольф Мессинг, космонавты В.Быковский и П. Попович, имена которых золотыми буквами вписаны в историю. Таким «послужным списком», который имеет В. Холин, могут похвастаться лишь единицы.

Но бесконечный фоторяд, «выстроенный» Владиславом Михайловичем за эти годы, богат отнюдь не только портретными и производственными снимками. Он большой любитель природы, а потому его фотоархив содержит великое множество

замечательных фотографий, на которых запечатлены богатая природа, животный мир, флора и фауна горячо любимого им родного кокшетауского края, поэтично называемого Синегорьем. Бескрайняя казахская степь, скалистые горы и хвойные леса, населяющая их живность нашли достойное отражение в его снимках.

Встреча президента РК Н.А. Назарбаева с жителями Кокшетау, 2008 г.

Как и положено творческой личности, главной оценкой своей фотокорреспондентской деятельности и самой высокой за свой многолетний добросовестный труд В. Холин считает персональные фотовыставки и снимки, включённые в фотоальбомы; книги, посвящённые истории области, республики. А потому свои юбилейные фотовыставки «Люди. События. Факты. Достопримечательности», «Летопись творческой жизни», участие в выпуске двухтомного фотоальбома «Аграрный Казахстан» он по праву относит к числу главных достижений в жизни. Так пусть же таких достижений на счету Владислава Михайловича будет ещё больше. Здоровья и творческого долголетия Вам, коллега!

Отрадно, что к 75-летию со дня рождения и 60-летию творческой деятельности В. Холина в г. Кокшетау в конце прошлого года вышел роскошный фотоальбом «Мастер фотографии», приуроченный также к 20-летию независимости Республики Казахстан и дающий наглядное представление о незаурядном таланте Владислава Михайловича – замечательного фотохудожника, умеющего ярко запечатлеть мгновения быстротекущего времени.

г. Кокшетау.

*Е.Н. Осиенко, ветеран труда.
г. Кокшетау, 2004 г.*

Уахит ШАЛЕКЕНОВ,

доктор исторических наук,
профессор КазНУ имени Аль-Фараби

Так где был город Баласагун?

Проблемы археологической науки Казахстана

В 1991 году «Известия АН КазССР» (серия «Общественные науки») в №2 опубликовали мою статью «О локализации города Баласагун». Необходимость напомнить о ней возникла в связи с выходом книги «Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области» (1), посвящённой историко-культурному наследию названного города и области и написанной в соавторстве К.М. Байпаковым, Г.А. Копековой, Д.А. Воякиным, А.Н. Марьяшевым. Они постарались описать археологические материалы (артефакты), найденные исторические памятники Жамбылской области, относящиеся к историческим периодам: палеолита, бронзы, железа и средневековья. Не вдаваясь в научную и практическую значимость данной книги, обратим внимание только на VII главу «Города Чуйской долины». (1.С.418-424). В ней говорится о средневековом городе Актобе (Баласагуне).

Авторы книги, под руководством академика К.М. Байпакова, пишут: «Однако в последнее время в литературе появилась ещё одна гипотеза, принадлежащая этнографу У.Х. Шалекенову, о том, что Баласагун находился на месте городища Актобе Степнинского в среднем течении реки Шу». (1.С.422).

Во-первых, авторы этих строк сознательно искажают научную действительность о локализации средневекового большого исторического города Баласагуна.

Во-вторых, в этих строках они подчёркивают, что У.Х.Шалекенов этнограф, а не археолог. Неужели они не знают, что археологами не рождаются, а в результате воспитания специализируется любой человек по интересующему его тому или иному направлению? Археология – это часть исторической науки, изучающая древнюю и средневековую историю человеческого общества, в частности, историю казахского народа. Следовательно, казахская археология не является монополией К.М. Байпакова, а ею может заниматься любой интересующийся этим специалист.

Академик А.Х. Маргулан, чьё имя носит данный институт, не был «чистым» археологом – он был доктором филологических наук, но занимался профессионально историей, археологией, этнографией, искусствоведением, литературоведением, являясь учёным широкого профиля. (2.С.289). Археологический институт с достоинством несёт имя великого учёного, обладавшего колоссальной эрудицией, основавшего археологическую науку страны. Другой виднейший исследователь древних судеб

народов Центральной Азии, академик академий десятков государств С.П. Толстов первое образование получил на биологическом отделении физико-математического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (1923-1928 гг.), второе – на историко-этнологическом факультете по специальности «Этнография тюркских народов» (1928-1930 гг.). (З.С. 164). Эта специальность не помешала С.П. Толстову заниматься археологическими исследованиями на территории Центральной Азии. Заслуги крупного учёного С.П. Толстова узбекские учёные оценили следующим образом: «Большое место в изучении историко-культурного прошлого Узбекистана и всей Средней Азии принадлежит организованной в 1937 году комплексной Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, возглавляемой С.П. Толстовым с 1945 по 1969 годы. (Деятельность экспедиции была возобновлена после окончания войны и продолжается в настоящее время). С именем С.П. Толстова и экспедиции связаны археологические исследования, открывшие принципиально новые страницы истории Узбекистана и прилегающих местностей». (З.С. 165).

Моя научная деятельность сложилась следующим образом: в конце 1950 года я поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР имени Н.Н. Миклухо-Маклая в г. Москве, директором которого тогда был С.П. Толстов.

Научным руководителем являлась доктор исторических наук, профессор Т.А. Жданко. Первого декабря 1953 года я защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Этнография». В годы учёбы в аспирантуре я периодически участвовал в работе Хорезмской комплексной археолого-этнографической экспедиции, работавшей на территории Хорезмского оазиса и прилегающих к нему степных зонах. Штаб этой экспедиции находится в городе Нукусе (столица Каракалпакской республики). В 1952 году проходил археолого-этнографическую практику в составе Памиро-Алайской археологической экспедиции под руководством доктора исторических наук А.Н. Бернштама (4.С. 18). В 1967 году академики А.Х. Маргулан и Я.Г. Гулямов были оппонентами моей докторской диссертации на тему: «Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII-XX вв.» и дали высокую оценку научному труду. С 1970 года тесно общался с моим наставником Алькеем Хакановичем Маргуланом. Всегда безотказно он давал советы по интересующим меня вопросам. В 1973 году находился в составе Центральной Казахстанской археологической экспедиции, возглавляемой А.Х. Маргуланом. Он неоднократно был на раскопках Актобе (Баласагуна) и давал ценные научно-методические советы. А.Х. Маргулан, С.П. Толстов и Т.А. Жданко были учёными широкого профиля, внёсшими поистине огромный вклад в изучение древней и средневековой истории народов Центральной Азии. Я искренне благодарен этим корифеям исторической науки за оказание благотворного влияния на мой идейно-теоретический рост. Также следует отметить, что многие учёные-специалисты совместно со своей избранной специальностью занимаются археологией. Например, этнограф, доктор исторических наук, профессор А.Т. Толеубаев усиленно занимается археологией и ведёт

археологические исследования памятников эпохи бронзы и железа. Следовательно, археологическая наука вполне доступна тому, кто интересуется этой отраслью исторической науки.

После аспирантуры я занимаюсь по сегодняшний день историей, археологией и этнологией. На протяжении 16 лет, работая в Каракалпакском филиале Академии наук Узбекистана, возглавлял сектор «Археология и этнология». Со своими коллегами организовывал археологические и этнологические комплексные исследования на территории Каракалпакской республики и Хорезмской области Узбекистана и Ташаузской области Туркменистана. По археологии велись комплексные исследования исторических источников, таких как: «Токтау» (Токкала), «Мехтер кала», «Куаныш кала», «Мавзолей Мыздахан», «Мавзолей красавицы Назым», «Султануздаг», «Каракумишан», «Даут ата» и другие. (4.С.20).

В 1970 году по конкурсу меня приняли на работу в Чимкентский педагогический институт культуры Казахской ССР. В августе 1973 года по результатам конкурса принят на должность профессора в Казахский государственный университет имени С.М. Кирова (ныне КазНУ имени Аль-Фараби) на вновь организованную кафедру археологии и этнологии. Снова приступил к научно-педагогической деятельности по своей специальности. Много лет заведовал этой кафедрой и работал деканом исторического факультета. Моя скромная научно-педагогическая деятельность была оценена КазНУ имени Аль-Фараби по достоинству, мне присуждены почётные звания: «Заслуженный деятель науки Казахской ССР» (1984 г.), «Почётный заведующий кафедрой КазНУ» (2000 г.). С 1973 года по сей день работаю профессором кафедры археологии и этнологии и ежегодно читаю студентам курс по археологии и этнологии и спецкурс в магистратуре. Подготовил десятки кандидатов и докторов наук по археологии и этнологии. Таким образом, я не оставался ограниченным учёным, в рамках только своей узкой специальности. Моя специальность способствовала занятию историей более широко. Я думаю, каждый специалист не должен замыкаться в рамках своей узкой специальности.

Из вышеизложенного очевидно, Карл Молдахметович, что я – «не рождённый археологом», как вы, а сформировавшийся в результате многолетнего труда. В итоге я стал историком широкого профиля. Об этом свидетельствует более 700 опубликованных научно-педагогических статей и монографий. Следовательно, археологом не рождаются, а формируются в результате научной деятельности. Эти азбучные истины вам пора бы знать. Так что вы меня неуместно упрекаете, что я только «ограниченный этнограф».

Теперь остановимся на основном вопросе по локализации города Баласагуна. Одним из таких всемирно известных городов, погребённых под землёй, является исторический Баласагун. Поиском его точного местонахождения востоковеды стали заниматься с XIV века. Но он не увенчался успехом. Согласно достоверным источникам, Баласагун был столицей Западно-Тюркского каганата: Тургешского (Сарыуйсуньского), Карлукского, Караханидского и Каракытайского (Каракиданского). Он являлся крупным политическим, экономическим и культурным центром. В моей

монографии (5.С.40-69) во II главе «Описание города Баласагуна в исторической литературе», говорится о Баласагуна в период раннего средневековья, нового и советского времени. По мнению средневековых учёных, многие города Семиречья и междуречья Шу и Таласа, включая Баласагун, потерявшие историческую значимость, с течением времени исчезли с лица земли, а их названия и места расположения стёрлись из памяти местных жителей. Лишь в некоторых источниках сохранились свидетельства об их существовании.

Поиск затерянного Баласагуна возобновился с новой силой в новое время истории. Известный востоковед В.В. Бартольд уделял пристальное внимание истории Баласагуна и тайне его местонахождения. Считаем уместным привести его мнение дословно: «Баласагун – город в Средней Азии, местонахождение которого не удаётся точно установить... Город, по-видимому, следует искать в западной части русской области, называемой ныне Семиречье, вероятно на Чу, где и поныне можно увидеть много городищ. На это же, кажется, указывают сведения, приводимые Абу-л-Фида» (6.С.355). Так понемногу копились различные наблюдения, поисковые сведения и гипотезы, касающиеся города Баласагуна. Но эта загадка так и не была решена до Великой Октябрьской революции.

В годы советской власти учёные продолжали искать местонахождение города Баласагуна. В 1938-1939 годах ленинградский учёный А.Н. Бернштам организовал от Института материальной культуры Семиреченскую археологическую экспедицию. Она провела небольшую разведочную шурфовку на рабаде средневекового городища Акбешим, расположенного около города Токмака Киргизской республики. Основываясь на артефактах, найденных в Акбешиме в ходе археологических шурфовок, он объявил данный памятник Баласагуном. В составе этой экспедиции находился археолог Л.Р. Кызласов, впоследствии ставший доктором исторических наук, профессором МГУ имени М.В. Ломоносова. Как участник раскопок Акбешим, он писал: «В 1938-1939 годах разведочную шурфовку городища, а также сравнительно небольшие раскопки на рабаде произвела Семиреченская археологическая экспедиция ИИМК под руководством А.Н. Бернштама. Последний, опираясь на некоторые добытые при этих работах археологические материалы, более категорично, чем В.В. Бартольд, высказался за отождествление городища Ак-Бешим с древним Баласагуном и впоследствии во всех своих работах называл это городище не иначе, как Баласагун». (17.С.157).

Известно, что в 1953 году в СССР Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция и её Чуйское археологическое отделение провели широкомасштабное археологическое изучение средневекового городища Акбешим. Вышеназванное отделение возглавлял Л.Р. Кызласов, он впервые в 1953-1954 годах организовал на Акбешиме обширные археологические раскопки. Если под руководством А.Н. Бернштама с разведывательной целью были разрыты несколько шурфов и проведены незначительные раскопки на рабаде, то Чуйское археологическое отделение вело крупные по объёму стационарные раскопки в пяти точках Акбешима: на цитадели, шахристане и рабаде. В результате исследований

столь крупного массива Л.Р. Кызласов сделал научное заключение, которое приводим дословно: «Всё вышеизложенное приводит к выводу, что отождествление городища Акбешим с историческим Баласагуном, сделанное ещё В.В. Бартольдом, а впоследствии поддержанное А.Н. Бернштамом, который при этом опирался на так называемые «каракиданьские» памятники из своих раскопок 1940 года в рабаде, не может быть принято. Исторический Баласагун – блестящая столица Караханидов XI–XII вв., город, просуществовавший, согласно письменным источникам, вплоть до XIV в., – надо искать в другом месте». (7.С.236).

После данного заключения Л.Р. Кызласова археологи и историки Киргизии, в частности казахский археолог К.М. Байпаков, провели аналогии Баласагуна с городищем Бурана, расположенного в пяти километрах от Акбешима. Этот памятник по величине значительно меньше Акбешима. Бурана располагается по обе стороны речушки с одноимённым названием в 15 км южнее города Токмак, восточнее аула Дон-Арык. С востока на запад протяжённость городища 570 м, южная сторона – 600 м, восточная – 500 м. Бурана окружён крепостным валом (рвом) дугообразной формы. Сохранившаяся высота вала – 1,5–1,7 м, ширина – 14 м, общая протяжённость – 11 км. (См. работу Кожемяко П.Н. «Раннесредневековые города Чуйской долины». Фрунзе. 1959 г.) (5.С.62).

На наш взгляд, Акбешим и Бурана являлись составными частями Суяба. Это соответствует историческим источникам. К примеру, Кудам-Ибн-Жафар в своём труде «Китаб аль-Харадж» пишет: «Суяб состоит из двух городов (поселений). Один называют Кубалом, второй – Сагур Кубалом. От Сагур Кубала до Борсхана и далее до границы Китая – на верблюде сутки пути...» (8.С.77). Итак, Бурана не может быть Баласагуном, поскольку его географические координаты не совпадают по широте и долготе с сохранившимися в исторических документах координатами Баласагуна, а Бурана не соответствует по своим параметрам столичному городу. К этому стоит добавить, что записанные М. Кашгари исторические названия мест были обнаружены в окрестностях Актобе (Баласагуна): гора Баласагун (гора Аулие), гора Бакыр (Бакыртау), Юн арык (Жон арык).

До 1974 года студенты исторического факультета Казахского государственного университета были знакомы с археологией теоретически, не проходили полевою археологическую практику. Оттого талантливый, обладающий организаторскими способностями учёный и ректор О.А. Жолдасбеков дал нам поручение найти подходящий памятник, где студенты исторического факультета могли бы проходить практику. Выполняя это поручение, я вместе с преподавателями кафедры «Археология и этнология» рассматривали несколько средневековых городищ Чуйской долины Джамбульской области. И мы остановились на остатках большого средневекового городища Актобе, расположенного на территории колхоза имени Калинина Чуйского района этой области. С 1973–1974 учебного года мы начали археологическую студенческую практику с участием археологов кафедры. С этого времени ежегодно студенты первого курса исторического факультета с участием преподавателей кафедры проводят раскопки на

этом памятнике (Актобе). Впоследствии была организована археологическая экспедиция университета (АЭУ), в состав которой входили ведущие археологи кафедры А.М. Оразбаев, А.Т. Толеубаев, М.Е. Елеуов, Н.О. Алдабергенов и другие. Бессменным руководителем был автор этих строк.

С того времени прошло 38 лет. Наша экспедиция комплексно и широкомасштабно проводила археологические раскопки на памятнике Актобе. Для ведения археологических раскопок в первую очередь необходимо выяснить стратиграфию памятника, с этой целью стоит использовать аэрометод (аэросъёмку Актобе) с самолёта. В мае 1980 года лётчики принесли в спецотдел университета два экземпляра аэрофотоснимков на планшетах, выполненные в два пакета. Один экземпляр хранится в специальном отделе КазНУ имени Аль-Фараби. Второй экземпляр использовался в научных целях. На основе аэроснимков были составлены макро- и микрокарты городища Актобе. Они оказали огромную помощь в изучении тайн древнего города. Аэрокарта выявила, что центральная часть Актобе занимает площадь 70 кв. км, его длина с юга на север – 10 км, с запада на восток – 7 км.

В своё время Актобе был неприступной крепостью, окружённой рвом (крепостным валом) наподобие кольца. Укрепления города были сооружены из блоков пахсы (глины). Ширина между опорными стенами рва составляла 16-18 м, высота стен – 7-8 м. Окружавшие Актобе укрепления состоят из трёх частей: внешний ров имеет длину 25 км, средний – 17 км, внутренний – 10 км. Общая протяжённость укреплений – 52 км (5.С.65-95).

Структура Актобе из трёх частей: цитадель (кухендиз), шахристан и рабад. В течение десятилетий археологи со своими учениками вели раскопки в трёх частях города. Найденные артефакты изложены в монографии «Город Баласагун в V-XIII веках».

Остановимся только на некоторых артефактах, найденных на памятнике Актобе.

В IX – начале XIII века Баласагун достиг наивысшего расцвета. Правил им Караханидская династия. На основании китайских источников XIII в. архимандрит Палладий писал: «Резиденция каракитайская расположена была на долине, ограждённой с двух сторон горами и исчерченной водопроводами; в 1259 году здесь видны были остатки замечательных построений и окопов». (9.Т. С.379). Речь здесь идёт о каракитайской резиденции города Баласагуна. Действительно, в ходе раскопок нами обнаружены водопроводные линии на территории Актобе. Водопроводная линия снабжала питьевой водой не только цитадель и шахристан, но и весь город. По крайней мере, многие усадьбы, находившиеся на рабаде, пользовались водопроводом. В цитадели и шахристане обнаружены канализационные трубы, баня, ремесленный центр, минареты, мечеть и другие объекты.

Несколько слов о монетах, найденных на раскопках Актобе. Из них 35 являются подъёмным материалом, остальные найдены в культурных слоях рабада, шахристана и цитадели. По датам изготовления монеты относятся к следующим хронологическим периодам: VII-VIII вв., XI-XII вв. Монеты VII-VIII вв. лучшей сохранности и представлены чеканом – тухусом (6 экз.) и тюргешами (3 экз.). Самую значительную часть монетных находок на Актобе представляют караханидские дирхемы XI-XII вв. общим числом 25 экз.

В 1984 году в одном из помещений на шахристане Актобе найден клад численностью около четырёх тысяч монет эпохи Караханидов IX-XII вв. Общий вес клада в неочищенном виде – 21 кг. В количественном отношении данный клад является крупнейшим из найденного на территории Средней Азии и Казахстана.

Нумизматический материал из городища Актобе не выделяет его среди других раннесредневековых городов Чуйской долины, имевших общую закономерность в своём развитии: возникнув в V-VII веках, они достигали расцвета в XI-XII веках. Найденные монеты в комплексе с археологическим материалом свидетельствуют, что в VIII-XII веках была развита денежная торговля, которая усиливала общение оседлого и кочевого населения юга Казахстана.

Баласагун был также центром ремесленного хозяйства, торговли и городской культуры. Через него проходил Великий шёлковый путь, имевший важное значение для развития экономики и культуры города. В эпоху Караханидов усилилась связь Баласагуна с соседними и дальними городами, особенно с культурными центрами Средней Азии и Южного Казахстана, Северной Киргизии. Многочисленные археологические находки из городища Актобе свидетельствуют о высокой городской культуре оседлого населения Чуйской долины. Эта культура развивалась на автохтонной основе.

Баласагун (городище Актобе) погиб в результате междоусобных феодальных войн. В разрушительном виде Баласагун оставался до прихода монголов в 1218 году и после. Поэтому жители Баласагуна не могли оказать сопротивления войскам Чингисхана, которые заняли его без боя.

Следует отметить, когда мы начали изучать памятник Актобе, нам и в голову не приходило мнение, что эти остатки средневекового города являются историческим Баласагуном. Отождествление Актобе с Баласагуном возникло в результате длительного археологического и этнографического изучения Актобе. Стратиграфия, структура и найденные богатые артефакты на городище Актобе подтверждают, что именно здесь находился город Баласагун. К этому добавим ономастические материалы, упомянутые в труде М. Кашгари: гора Баласагун (Аулиетау, или Священная гора), Бакыртау (гора Бакыр), Юн-Арык (Жонарык). Эти исторические места находятся вокруг Актобе (Баласагуна). (См. 5.С. 164-178).

В июне 1989 года, чтобы определить исторические названия местностей, находящихся вокруг Актобе, мной были организованы специальные этнографические исследования. Взяв с собой местных знатоков У. Асатова и И. Кусаинова, которые хорошо знают окрестности рек Чу и Таласа,

объездил с ними вдоль и поперёк Чуйский и Меркенский районы Джамбульской области. В этой поездке мы посетили исторические местности, обозначенные М. Кашгари: горы Баласагун, Аулие, Бакыр, Юн-арык и собрали богатые археолого-этнографические материалы. Следовательно, моя узкая специальность способствовала их обнаружению. На основе источниковых фактов мы пришли к выводу, что исследованное нами средневековое городище Актобе является историческим затерявшимся городом Баласагуном. Наш вывод совпадает с утверждением покойного крупного тюрколога, профессора Л.Р.Кызласова, который писал: «Таким образом, ни городище Акбешим, ни городище Бурана не могут ассоциироваться с историческим Баласагуном. Их забытые имена ещё предстоит установить историкам Киргизии». (7.С.236). Исходя из этого вывода, киргизские историки вместе с К.М.Байпаковым должны искать Баласагун в другом месте. Мы сомневаемся, что их поиски увенчаются успехом. В Шуйской долине таких городищ, как Актобе (Баласагун), найти очень трудно.

Теперь остановимся на необоснованных упреках наших оппонентов во главе с К.М. Байпаковым, которые пишут: «Однако У.А. Шалекенов, на наш взгляд, не учитывает ряд обстоятельств, о которых сказано выше. Кроме того, имеется основной аргумент, опровергающий эту точку зрения. Баласагун существовал в XIII – начале XIV века, следовательно, как городище, которое с ним сопоставляют, должен быть археологическим материалом того времени. На Актобе его нет: верхняя граница жизни городища относится к XII – началу XIII в.». (1.С.422).

Отвечаем на этот вопрос. Во всех наших публикациях писалось, что Баласагун существовал в V-XIII веках, а его кульминационным периодом была эпоха Караханидов. Артефакты, найденные во время раскопок на Актобе в самом верхнем слое памятника, относятся к времени Караханидов. Такого слоя не находили на Акбешиме. На этом памятнике ещё другого слоя не может быть. Потому что в 1210 году правитель Баласагуна каракиданский властитель Гурхан, проиграв битву при реке Талас Мухамеду Хорезмшаху, 16 дней осаждал собственную столицу Баласагун, где укрылись взбунтовавшиеся жители, а взяв город, подверг его разрушению и трёхдневному пожару. Следы этой рукотворной катастрофы зафиксированы в верхнем слое цитадели, шахристана и рабада. В результате жестокой расправы были убиты 47 тысяч жителей, а город разрушен до основания. Оставшиеся в живых, пытаясь спастись, разбежались куда глаза глядят. Оставшийся в руинах Баласагун так и не смог больше возродиться. А в 1218 году он добровольно сдался чингисханскому полководцу Жебе-нояну. Другого загадочного слоя на Актобе обнаружить не удалось, может быть, его удастся найти К.М. Байпакову со своими единомышленниками. Повторим, что после катастрофы 1210 года город не восстановился и постепенно превращался в руины. Об этом В.В. Бартольд пишет: «При монгольском владычестве Баласагун упоминается редко. Баласагун был известен под прежним названием ещё в первом десятилетии XIV века... как и все города на Шу, Или и Таласе. Баласагун, вероятно, погиб в результате бесконечных распрей и борьбы за престол в XIV веке». (10. С.357).

Из этого высказывания В.В.Бартольда очевидно, что Баласагун потерял былую славу в XIII веке, а уже в начале XIV века он окончательно сошёл с исторической сцены. В такой обстановке новый археологический слой искать неуместно.

Ещё мои оппоненты пишут: «Кроме того, Актобе лежит в стороне от главной трассы Великого шёлкового пути...». (1.С.422). Это огульное заявление археологов, которые сами толком не знают, где проходила главная трасса Великого шёлкового пути. Северная ветка этого пути проходила через Тасоткил, расположенный на северной границе Баласагуна. На левом берегу Тасоткила находятся поселения Кырыкуй и Каракыршын, которые являются неотъемлемыми частями Баласагуна. Отметим, что все большие и малые дороги на восточной и южной территории Центральной Азии К.М. Байпаков называет Великими шёлковыми путями. (См. его монографию 11.С.58). Тем самым автор искажает действительность, дезинформирует читателей, поскольку Великий шёлковый путь имел строгую и чёткую линию с востока на запад. Советую внимательно посмотреть на карту, опубликованную в 3 томе «Советской исторической энциклопедии». (М.1963. С.147). К этой главной трассе присоединялись большие и малые торговые дороги, которые имели свои определённые названия: Калмакжолы, Семейжолы и так далее. Такое лёгкое, поверхностное отношение к фактам не украшает учёного. Факт – это святое понятие. О Тасоткиле говорится в моей книге «Город Баласагун в V-XIII веках». (С.179-180). Только отмечу некоторые моменты, связанные с ним. С древних времён по Тасоткилю через реку Шу переправлялись караваны, другие средства передвижения и наши путники, поскольку здесь пролегал маршрут Великого шёлкового пути. В этом месте природа выложила дно реки Шу камнями, что создало благоприятные условия для переправы. Оттого это место называли – Тасоткилем (каменная переправа) или Иткешу (собачий брод). Другими словами, эти места мелкие, что даже собаки могут перейти вброд с одного берега на другой.

Наконец, остановимся на последнем упреке моих оппонентов: «... площадь, занимаемая самим городищем Актобе (центральные развалины) в пять раз меньше, чем площадь Баласагунского городища. Обратимся к фактическому материалу: общая площадь бывшего города (Бурана – **У.Ш.**), окружённого стеной, от которой сохранились следы в виде оплывших валов, была определена В.Д. Городецким примерно в 20 кв. км». (12.С.21). В этой книге читаем: «Л.Р. Кызласов отрицает возможность миграции старого города, располагавшегося на месте Акбешима, на новое – Бурану – ввиду незначительной территории последнего и отсутствия на нём керамики XII-XIV вв. Поэтому, – полагает автор, – ни то, ни другое городище не может быть сопоставлено с историческим Баласагуном». (12.С.43).

Выше мы говорили, что мнение профессора Л.Р. Кызласова о Баласагуне полностью поддерживаем, в том числе и данное высказывание учёного. Итак, общая занимаемая территория Актобе (Баласагуна) составляет 150 кв. км со сторожевыми башнями, расположенными вокруг Баласагуна, площадь центральной части Баласагуна – 70 кв. км, а Бураны – лишь 20 гектаров. По параметрам эти два города не подлежат сравнению. По

нашему убеждению, никто не может научно доказать, что Бурана и есть Баласагун. В этой связи своим оппонентам напоминаю народную пословицу: «Утопающий цепляется за соломинку». Дорогие коллеги, не стоит цепляться за Бурану. Бесполезно отождествлять это место с Баласагуном.

Не совсем понимаю критику в отношении города Баласагуна со стороны группы учёных во главе с К.М. Байпаковым. В последние годы К.М. Байпаков как будто бы поддерживал нас относительно местонахождения Баласагуна, предложил мне должность в руководимом им институте археологии, исследуемую мною тему по Актобе (Баласагуну) включил в план работы института на 2007-2009 годы. Способствовал тому, чтобы исследование Актобе (Баласагуна) включили в программу «Культурное наследие» на 2008-2009 годы и искал средства для продолжения работ на городище. Благодаря этому на городище Баласагун были возобновлены раскопочные работы. В 2009 году во время раскопок к западу от цитадели в 50 метрах обнаружен минарет из кирпича (8,65х8,5м). Но продолжить работы не удалось, поскольку с 2010 года раскопки Актобе (Баласагуна) приостановлены. В 2010-2011 годах на этом памятнике продолжило работы республиканское государственное предприятие «Казреставрация». Итак, помощь, выделенная институтом, оказалась непродолжительной. Только теперь понимаю, что это было организовано для отвода глаз.

Результатом проведённых на памятнике Актобе (Баласагун) исследовательских работ стала вышедшая в издательстве «Жибек жолы» под эгидой Казахского национального университета имени Аль-Фараби и Института археологии имени А.Х. Маргулана книга «Город Баласагун в V-XIII веках». В 2006 году монография издана на казахском языке тиражом 500 экземпляров и в 2009 году на русском языке тиражом 2000 экземпляров. Эта монография единогласно была поддержана учёным советом под руководством К.М. Байпакова и передана в издательство. В русском издании помещены отзывы пятерых учёных о книге «Город Баласагун в V-XIII веках». (5.С.241-263). Мнение К.М. Байпакова об этой книге можно прочитать в названной монографии на страницах 242-243. К монографии «Казахская цивилизация», вышедшей в 2009 году, предисловие также написал К.М. Байпаков.

Не прошло и двух лет, как К.М. Байпаков будто прозрел и вернулся к своей прежней точке зрения, что Актобе не может быть Баласагуном, а вместо него называет киргизский городок Бурана. Выше мы говорили и доказали на артефактах неверность подобного утверждения. Учёному не подобает быть двуликим, когда опираются на сомнительные материалы и документы. Вместо того чтобы радоваться, что древний Баласагун обнаружен на территории Казахстана, этот учёный прилагает немало усилий, чтобы свести всю работу на нет. Подытоживая сказанное выше, можно прийти к следующему выводу: у К.М. Байпакова нет твёрдой позиции в науке, потому что он поверхностно рассматривает артефакты и в результате приходит к субъективному мнению.

В Алматы 13-14 декабря 2011 года проходила международная конференция на тему: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и

перспективы», посвящённая 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии имени А.Х. Маргулана. В этом форуме принимали участие археологи Казахстана и зарубежных стран. Однако в работе конференции не участвовал бывший директор этого института археологии К.М. Байпаков, возглавлявший в течение 20 лет данное научное учреждение. На наш взгляд, он известный археолог, и должен был присутствовать на этом форуме и прислушиваться к разнообразным мнениям специалистов. И из услышанного сделать надлежащие выводы для дальнейшего развития археологической науки Казахстана. За 20 лет независимости археологическая наука нашей страны достигла значительных успехов. В этом деле неоценимую роль сыграла программа «Культурное наследие», разработанная по инициативе президента Н.А. Назарбаева. Несмотря на экономические затруднения, правительство выделило большие средства для охраны и изучения археологических и архитектурных памятников древности и средневековья. Благодаря заботе президента РК археологи широко развернули изучение археологических памятников и накопленные богатые артефакты, относящиеся к различным периодам истории древности. Это накопленное вещественное и духовное наследие казахского народа войдёт в научный оборот и тем самым восполнит пробелы в нашей истории.

Несмотря на это в деятельности института имеются существенные недостатки, тормозящие дальнейшее развитие археологической науки.

Остановимся на некоторых немаловажных недостатках, имеющих в Институте археологии имени А.Х. Маргулана.

Когда в 1991 году был организован этот институт, мы надеялись, что он станет археологическим научным центром, координирующим работу всей археологической службы РК. Но надежда не оправдалась. Для этого не хватило организаторских способностей бывшего директора института К.М. Байпакова. В результате институт археологии не стал головным научным центром археологической службы, открылись археологические центры во всех регионах Республики Казахстан, которые работают автономно.

Институт не смог оказать существенную помощь этим археологическим центрам в организации исследования памятников, находящихся в различных регионах Казахстана. В результате такой разобщённости ежегодно обнаруживаемые артефакты находятся в распылённом состоянии. В таких условиях весьма затруднено обобщение и сохранность этих материалов. Исходя из этого, мы считаем целесообразным организовать археологический музей в Астане или Алматы, где должны сосредотачиваться имеющиеся артефакты и экспонироваться для всех граждан.

Актуальной является кардинальная проблема охраны и изучения археологических и архитектурных памятников. В 1992 году был принят закон «Об охране и изучении памятников РК», который не работает. Исходя из сегодняшних требований, этот закон необходимо обновить и принять в новом формате. В этом деле должно проявить активность новое руководство института. На сегодняшний день археологические памятники РК находятся в запущенном состоянии. Кому не лень, тот по-своему ведёт

раскопки и разбазаривает народное достояние. Известный антрополог, доктор исторических наук, профессор О. Смагулов в своей монографии «История антропологии казахского народа», вышедшей в свет в конце 2011 года, пишет о подобной работе археологов и называет её не иначе, как «вандализм». Думаем, что учёный правильно сформулировал сегодняшнее состояние археологических памятников РК. Эти памятники изучаются неплановмерно.

Большинство наших археологов работало на одном или нескольких исторических памятниках. Но ни один из них до конца не исследован. За эти 20 лет ни один город на Великом шёлковом пути не стал центром посещения туристов. К примеру, много лет К.М. Байпаков руководил раскопчными работами на нескольких исторических памятниках одновременно: Койлык (Коялык) в Алматинской области, город Тараз, Акыртас, Кулан в Жамбылской области, Отырар, Сауран, Алтынтобе, Жамбактобе, Куйрыктобе, Мардан и другие в Южно-Казахстанской области, город Жент в Кызыл-Ординской области и т.д. Позволительно спросить, к каким этносам относятся перечисленные города? Артефакты, найденные в ходе археологических раскопок, к каким народам относятся? Все эти вопросы остаются открытыми в трудах К.М. Байпакова.

С обретением независимости институту археологии следовало сосредоточиться на удалении «белых пятен» со страниц нашей истории. Исторические памятники являются бесценным наследием казахского народа. Их необходимо беречь, как зеницу ока, исследовать на научной основе. В цивилизованных странах подобные памятники систематизированы, приведены в хронологическую систему, внесены в многолетние программы по тщательному научному исследованию, охраняются государством. Наши археологи тоже должны работать в этом направлении. Никому не позволено разбазаривать национальное культурное наследие. То, что не успело изучить и исследовать наше поколение, продолжают последующие поколения археологов.

Глава государства не зря часто произносит фразу, что «сила в единстве». Потому что единство – основа плодотворной деятельности, стимул к работе. Поэтому нужно не разделять и властвовать, а объединить усилия отечественных археологов всех регионов для решения более глобальных задач нашей истории.

К примеру, пересмотрев полные «белых пятен» I и II тома «Истории Казахстана», археологи могли бы внести весомую лепту, чтобы представить читателям полноценную энциклопедию. В настоящее время собрано много богатейших артефактов. Сколько они будут пылиться в запасниках? Они могут убедить мир в том, что тюрки – среди них казахи – обладают уникальной древнейшей оседлой цивилизацией, что их предки не были кочевыми народами, как трактуется сегодня. Задача историков, филологов обобщить собранные материалы в многотомные издания, чтобы они стали достоянием людей, интересующихся своей историей и историей человечества.

Также следует отметить, что Институт археологии имени А.Х. Маргулана в основном русскоязычное научное учреждение. По-прежнему научные отчёты, статьи и книги в основном издаются на русском языке, а затем некоторые некачественные переводятся на государственный. В дальнейшем надо уделять языковой проблеме больше внимания в коллективе и издавать труды преимущественно на казахском языке.

Хотел бы коротко остановиться на научных взглядах К.М. Байпакова, которые не претерпели изменений по отношению к тюркской, в частности, к казахской истории за 20 лет обретения независимости. Он придерживается евроцентристских взглядов, здесь мы даже не говорим, что он не владеет казахским языком. Он слишком вольно обращается с фактами и датами, этническими названиями. Евроцентристы переименовывали так, как им было удобно, к примеру, писали Центральная Азия и Казахстан. Такой позиции до сих пор придерживается К.М. Байпаков.

В 2006 году К.М. Байпаков и Ж.К. Таймагамбетов издали книгу «Археология Казахстана». В III главе «Памятники Казахстана эпохи бронзы» (13.С.81-117) они написали, что эпоху бронзы на территории Казахстана основал андроновский этнос. «Длительное время в казахстанских степях исследователи выделяли одну культуру – андроновскую. В науке она получила название «андроновской» по месту находки первого памятника у села Андропова близи г. Ачинска в Западной Сибири». (13.С.80).

Разве так можно писать? Андроново – название русского села Западной Сибири. Культуру эпохи бронзы создавали не в селе, а этнические рода и племена. Необходимо писать названия родов и племён, действительно живших в тот период и основавших эпоху бронзы. Античные авторы эти названия оставили для нас в своих трудах: арии, катиары, даи, паралаты, набианы, панксаны, сираки, тянксандры, аорстары, скифы, саки, хорезмцы, массагеты и многие другие. (14.С.60-62). Эти этнические группы являются прямыми предками тюркских народов, создававшие богатой культурой в глубокой древности в Центральной Азии.

Своим евроцентристским взглядом К.М. Байпаков разделяет территорию единого казахского народа на две части: оседлая и кочевая. К первой относит южный Казахстан и западное Семиречье, а оставшуюся большую территорию РК – к кочевникам. «В период раннего средневековья, в VII – первой половине IX вв. выделяются два района развития городской культуры – Южный Казахстан и Юго-Западное Семиречье». (1.С.308).

По мнению автора, большая часть территории казахского народа является кочевой. Тем самым он разделяет евроцентристские взгляды В.В. Бартольда и А.Н. Бернштама, цитируя их мнение: «Опираясь на сведения письменных источников, В.В. Бартольд пришёл к выводу, что земледельческая культура на территории Семиречья появилась в результате согдийской колонизации. А.Н. Бернштам памятники оседлой культуры Семиречья относил к согдийцам, а памятники кочевой культуры – к тюркам. С.Г. Кляшторный пишет о федерации согдийских городов в Семиречье, подчёркивая их политическую и экономическую самостоятельность». (1.С.309).

Подобная евроцентристская концепция отвергается артефактами. Разве не находят археологи на территории Казахстана постоянные поселения и города эпохи бронзы, железа и средневековья? К примеру, А.Х. Маргулан в Центральном Казахстане обнаружил постоянные поселения эпохи бронзы, а К.А. Акишев открыл миру город Бузык, о чём они и написали в своих трудах. И можно ли игнорировать эти факты? Археолог А. Бейсенов в последние годы обнаружил в Центральном Казахстане более 30 крупных поселений эпохи бронзы. В последние годы А.Т. Толеубаев на Алтае в районе Шилектинских курганов обнаружил постоянные поселения эпохи бронзы. Во втором номере газеты «Казах адабиеті» (13.01.2012 г.) опубликована статья А. Дуйсенбаева «Туркі топонимдері» (Тюркская топонимика), где на карте обозначены этнонимы современных малых и больших городов на территории Центральной Азии, Сибири до северного побережья Чёрного моря. Всё это – прототюркская топонимика Евразии. Следовательно, оседлые поселения на этих территориях были в глубокой древности. Подобные поселения находят на всей территории Центральной Азии, и нет сомнения, что и в будущем эти факты умножатся. Из года в год появляются материалы, подтверждающие наличие с древнейших времён оседлой тюркской цивилизации. Я сам за последние годы издал три книги, касающиеся оседлой тюркской цивилизации: «Тюркская оседлая цивилизация» (Алматы. 2003 год), «Казахская цивилизация» (Алматы, 2009 год), «Арийская цивилизация Центральной Азии» (Алматы, 2011 год). В этих трудах говорится о тюркоязычных народах, основавших древнейшую цивилизацию на территории Центральной Азии, оказавших благотворное влияние на ближних и дальних соседей. Почему в трудах К.М. Байпакова нет упоминаний о тюркской, казахской оседлой цивилизации? Разве это не является одной из актуальных проблем современного тюркского мира? В Астане открылась Академия тюркоязычных народов, в Туркестане действует Казахско-турецкий международный университет имени А. Ясави.

В исторических документах нет сведений, что согдийцы (иранцы) колонизировали в средние века народы Центральной Азии – и это далеко от истины. Много артефактов и материалов, свидетельствующих о согдийцах, мирно занимавшихся в средневековых городах на Великом шёлковом пути торговлей, ремёслами. Евроцентрист А.Н. Бернштам относит средневековые города Семиречья к согдийцам, а курганы – к кочевникам. Это не личное утверждение автора. Получается, что в одном регионе автономно властвовали два этноса: оседлое и кочевое. По всем параметрам – это искусственно выдуманные мнения, не присущие науке.

Были археологи, не поддерживавшие евроцентристские взгляды К.М. Байпакова, об этом он написал в своей книге следующее: «Наряду с миграционной существует противоположная, автохтонная модель происхождения городской культуры Семиречья. Согласно Г.И. Агеевой, регион Семиречья «был не объектом колонизации Согда, а самостоятельным экономическим и культурным регионом, сыгравшим значительную роль в исторических и экономических судьбах народов Средней

Азии. По мнению Т.Н. Сениговой, население Тараза и городов его округи формировалось из тюркско-карлукских племён». (1.С.309).

В советский период археологи Г.И. Агеева и Т.Н. Сенигова исследовали средневековые города региона Чу, Таласа. Они правильно предполагали, что средневековые города южного и восточного Казахстана являлись тюркскими. Цитируя мнение этих археологов, К.М. Байпаков не высказывает своего предположения об этническом составе средневековых городов Семиречья. Следовательно, он считает, что эти города принадлежали согдийцам.

В своей поэме «Благодатное знание» (Кутты білік) наш земляк, великий учёный средневековья Юсуф Баласагуни писал о бурлившей в далёком прошлом жизни:

Было много городов и народов,
Всё похоронило время, развеяло в прах.
Было у нас много племён и селений,
А теперь попробуйте найти их следы. (5.С.49)

В приведённом отрывке говорится, что у тюрков с древнейших времён были города, а его современник сообщает, что в средневековых городах на Великом шёлковом пути были районы (кварталы) согдийские: «Жители Баласагуна говорят на согдийском и тюркском языках, так же, как и население Тараза и Байзы. Язык жителей Исфиджаба (Сайран) до появления Баласагуна, как и других городов Аргу, был пёстрым. В Кашкарии есть аулы, говорящие на кянглакском языке. Внутри большого города люди общаются тюркизмами Хакании». (16.С.14).

Они вышли на историческую сцену примерно 2000-2500 лет назад. С древнейших времён соседями тюрков были согдийцы (иранцы), которые мирным путём прибывали в тюркские города. Население говорило на двух языках: тюркском и согдийском. Поскольку согдийцы длительное время жили среди тюрков, оттого доверяли им. Поэтому у тюрков сохранилась пословица: «Без шапки головы не бывает, без согдийца тюрка не бывает». Есть много документов, свидетельствующих о мирном сосуществовании двух этносов.

Итак, стоит лишь сожалеть, что взгляды академика К.М. Байпакова на историю тюрков и в том числе казахов не изменились, несмотря на появившиеся за эти годы новые артефакты. Более 50 лет он ведёт археологические раскопки в средневековых городищах на юге Казахстана и в Семиречье, где найдены богатые артефакты, характеризующие оседлую культуру тюрков. Следовательно, эти города были созданы автохтонным населением – тюрками.

В вышеназванном труде учёного в первой главе есть тема: «Природа и человек. Степная цивилизация». Эта концепция не подтверждена с научной точки зрения. Часть книги «Монгольское нашествие и образование Монгольской империи» написана с устоявшейся евроцентристской точки зрения. Не просматривается и новый взгляд на деятельность Чингисхана, существующий сегодня в современной историографии. Действительно, в настоящее время собран колоссальный богатый материал, имеющий

прямое отношение к нашей истории. Несмотря на это К.М. Байпаков твердо стоит на евроцентристской позиции. В этой связи вспоминается мнение известного востоковеда Л.Н. Гумилёва о труде учёного А.Н. Бернштама: «Мало принесли науке статьи и книги А.Н. Бернштама из-за слишком вольного обращения к фактам и датам». (17.С.93).

В целом научным трудам К.М. Байпакова можно дать ту же оценку, которую высказал известный учёный Л.Н. Гумилёв в отношении А.Н. Бернштама.

Из вышесказанного очевидно, что судьба Института археологии имени А.Х. Маргулана не безразлична общественности Республики Казахстан. Учитывая достижения и недостатки института за 20-летнюю деятельность, новое руководство должно приложить все усилия для развития археологической науки Казахстана и превратить этот институт в крупный научный координирующий центр по древней и средневековой истории казахского народа.

Список использованных источников

1. Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Тараз. 2011.
 2. Биобиблиография обществоведов Казахстана. Алматы. 1986.
 3. Биобиблиографические очерки. О деятелях общественных наук Узбекистана. II. Ташкент. 1977.
 4. Биобиблиографиялы корсеткіш. Ш. Шалекенов У.Х. Алматы. 2009.
 5. Шалекенов У.Х.-Баласагуни. «Город Баласагун в V-XIII веках». Алматы. «Жибек жолы». 2009.
 6. Бартольд В.В. Соч.Т. III. М. 1965.
 7. Кызласов Л.Р. Работы Чуйского археологического отряда в 1953-1954 гг. / КСИЭ. Археологические исследования на городище Ак-Бешим. Сб. № 3. Фрунзе. 1958.
 8. Волин С. Сведения арабских источников IX-XIV вв. О долине реки Талас и смежных районах. // ТИИИАЭ. Т. VIII. Алма-Ата, 1960.
 9. Туркестанский сборник. Т. 77.
 10. Бартольд В.В. Баласагун. Соч. Т. III., М., 1965.
 11. Байпаков К.М. Аза станны! ежелгі алалары. Аруна LTD. 2005.
 12. Массон М.Е., Горячева В.Д. Бурана. Фрунзе. 1985.
 13. Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. Алматы. 2006.
 14. Ш. Шалекенов У.Х. Орталы Азиядағы арийлерді! ркениеті. Алматы. 2011.
 15. Аза стан тарихы. Т. I. Алматы. 1996.
 16. Аш ари М. Т бі бір т рік тілі. Алматы. 1993.
 17. Гумилёв Л.Н. К не Т ріктер. Алматы. 1994.
- г. Алматы.

Раиса БИКМУХАМЕТОВА,
член Союза журналистов Казахстана,
отличник телевидения СССР,
почётный гражданин Северо-Казахстанской области

Свет шестидесятых

С вечера на город обрушился дождь. Среди ясного неба, по которому мягкое апрельское солнце опускалось к горизонту, появились белые рваные облака. Они стали сгущаться и грозно носиться друг за другом, постепенно поглощая свет и солнце. И вот потемнела земля и холодный затяжной дождь испортил всё впечатление от прошедшего дня.

А ведь сегодня был такой необычный день!

После школы мама отправила меня за молоком. Его продавали у магазина в большой белой цистерне на колёсах, которую мы называли коровой, и где всегда собиралась очередь. Продащица прямо из крана наливала молоко в трёхлитровые банки и бидоны, а рядом стоял узкий ковш с длинной ручкой, равный одному литру, но она им почти не пользовалась, так как все набирали по полной. Очередь молча двигалась к заветному крану, наблюдая, как женщина быстро и весело управляет с нами.

И вдруг в привычный ритм бытия откуда-то ворвался голос Левитана: «Передаём сообщение ТАСС... Сегодня, 12 апреля 1961 года... лётчик-космонавт... Юрий Алексеевич Гагарин... совершил первый полёт человека в космос...». Недалеко от очереди стояла чья-то машина, и из открытой двери вещала на всю округу.

Изумлённые люди вскинули головы и уставились в небо.

Я так и бежала домой с опрокинутым взглядом, пытаясь что-то там найти и рассказать маме. Но каково было моё разочарование, когда я увидела родителей радостными и взволнованными, а чёрная картонная тарелка – радио вновь и вновь передавала сообщение о полёте человека в космос. Чудеса! Уже вернулся, живой и невредимый! Какой он – Гагарин? Вот бы увидеть! Но телевизора в нашем доме не было. Только – у тёти Вали, на другой улице, один на весь квартал, куда вечером сбегутся все соседи.

Но мне постоянно не давал покоя этот непонятно откуда взявшийся дождь. А вдруг? Тревожная мысль обожгла меня... Вдруг небо обиделось на человека за то, что он ворвался в космос, и вот таким образом выразило своё негодование? А может, наоборот, обрадовалось и одарило людей проливным дождём! – успокаивала я себя.

Небо.. Солнце... Гагарин... начала я подбирать тему для своего нового стихотворения. Наша учительница по литературе Тамара Георгиевна недавно сказала, чтобы мы готовились к конкурсу юных

поэтов-чтецов. Вот будет здорово! В поисках рифмы к фамилии космонавта я долго не могла уснуть. А дождь всё барабанил по крышам, мешая моим мыслям, а иногда попадая в такт настроению.

Наутро по дороге в школу хотелось петь, читать стихи, прыгать по лужам. Я почувствовала, как нежно дышат деревья и кустарники, а небо, такое тёплое и родное, казалось, было совсем рядом, и оттуда лилась незнакомая музыка.

Школа гудела, словно улей. Все уроки начинались с Гагарина! И конечно же, русский язык и литература, который вела Тамара Георгиевна. Это были мой любимый предмет и любимый учитель. Добрая и весёлая, она всегда поощряла толковых и талантливых ребят к творчеству. Вот и сейчас объявила: «На следующем уроке пишем сочинение о Гагарине. Поищите материалы в газетах, на радио и телевидении. Обсудите это с родителями и потом напишите о своих впечатлениях. Можно и в стихах».

Ну, думаю, надо успеть к следующему уроку сочинить стихотворение.

В нашем 7-б классе Петропавловской школы № 31 шло своеобразное соревнование среди ребят, которые увлеклись литературой и готовились к поэтическому конкурсу.

Тогда было модно писать стихи! На весь Союз гремели имена Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского и других поэтов, которые собирали целые стадионы своих поклонников. Мы читали их произведения наизусть и подражали смелым устремлениям. А Тамара Георгиевна часто приносила на уроки литературные журналы и читала нам, открывая новый мир и новых людей.

Однажды мы узнали, что до войны Тамара Георгиевна Максимова жила в Киеве, а почему оказалась в нашем заштатном городе, никому не рассказывала. Конечно же, взрослые или знали, или догадывались об этом. Как и многие учителя нашей железнодорожной школы, она была сослана в Казахстан. Жила Тамара Георгиевна одна, недалеко от школы в небольшой пристройке к частному дому. Топила печь, носила воду на коромысле и никогда не сетовала на судьбу. Их, наших учителей, отличала какая-то утончённая стойкость духа и интеллигентность.

Особенно всех нас поражала учительница немецкого языка. Она всегда одевалась в строгое чёрное платье с большим белым кружевным воротником. Невысокого роста, на огромных каблуках, шикарные ухоженные вьющиеся волосы – она явно не вписывалась в нашу провинциальную среду, и дети хихикали, изображая её походку или непривычный акцент.

Уже в старших классах мы стали задаваться вопросами, почему рядом с нами учатся поляки, корейцы, немцы, а некоторые даже сменили фамилии. Вот, помню, в четвёртом классе у нас был Володя Дбай. Высокий, красивый мальчик, он очень плохо учился и слыл двоечником. И к тому же была у него какая-то странная привычка,

отвечая урок у доски, всегда показывать язык, и все над ним смеялись. Но учителя его любили и многое прощали. Как позже выяснилось, Дбай был из семьи репрессированных поляков, которых перед началом войны вывезли из Западной Украины в Казахстан. Повзрослев, Володя уехал в Польшу, получил образование и успешно устроил свою жизнь.

А тогда трудно было всем, особенно приезжим. Местные ребята порой обзывали их, не понимая, как это обидно и больно для тех, чьи родители оказались на чужбине не по своей воле. А дорогая моя Тамара Георгиевна несла свет в наш запутанный и запуганный детский мир. Она всегда учила добру и любви, много читала, приобщая нас к порядочности и нравственности. До сих пор помню манеру эмоционально и быстро говорить, её энциклопедические знания и стремление передать их нам. Мы проводили диспуты, писали сочинения на свободную тему, стихи. Она была первым слушателем и рецензентом наших наивных произведений.

И с её благословения я написала стихотворение к конкурсу юных поэтов-чтецов, которое задумала в день полёта в космос Юрия Гагарина. Ура-патриотическое, искренне-детское. Победив на школьном конкурсе, стала участницей телевизионной программы, посвящённой юным талантам нашего города. А передачу с моим участием мама с папой и наши соседи пошли смотреть к тётке Вале, у которой был единственный телевизор на несколько домов.

Так, впервые переступив порог областного телевидения в 15 лет, я выбрала свою жизненную стезю. Стала тележурналистом!

г. Петропавловск.

Николай ШМИГАЛЁВ

ПОЧТИ КАК ТРИ БОГАТЫРЯ

Волшебно-приключенческая сказка

(Продолжение. Начало в №№ 2-6 за 2012 год)

– Мне показалось, что он чего-то недоговаривал, – следуя за слугой, высказал товарищам свои смутные подозрения Василевс. – Особенно про какого-то «лоха» он всё время талдычил.

– Не забивай свою мудрую голову такими пустяками, Вася, – отмахнулся от Василевсовских умозаключений Яков. – Леопольд просто в отличие от Пропистона с головой дружит не только по чётным числам. Понял, с кем имеет дело, вот и спонсорскую помощь оказал.

– Бесплатная мышь только в мышеловке! – «не убедил»-таки он колдуна.

– Да будет тебе, Василевс, – попытался усыпить его чрезмерную бдительность и Царевич. – Он нам своего лучшего лоцман-боцмана даёт и яхту, замечу, задаром.

– Вот и я о том же! – продолжал гнуть своё Василевс. – Бог с ней, с яхтой, как её там – дракаром, меня смущает его фраза про этого Старого Пьердунга, «которому всё равно терять нечего».

– Ерунда! – заметил по этому поводу Царевич. – Почему тебя не смутило, что они нас «богатырянунгами» называли?

– Возможно, на их диалекте...

– Правильно! И во втором случае тоже диалект виноват, стопудово! – хлопнул Иван по плечу колдуна. – Наверняка он имел в виду что-то вроде «отважный настолько, словно ему нечего терять».

– Дело говоришь, Ваня! – согласился с ним Сероволк. – Так что давай, Вася, выкидывай из головы всю свою подозрительную чепуху. Плянь-ка лучше, какие у них струги с драконьими черепушками. Пойдём, выберем себе соответствующее нашему статусу судно.

Боулинунг, приведший «богатыренунгов» на верфь, представил их бородачу Бьёрнунгу. Заверив новоиспечённых мореходов в своём искреннем и неподдельном уважении и пожелав им большого человеческого счастья, слуга оставил последних на попечение немногословного начальника верфи.

– Нунг-с! Выбирайте! – щедрым жестом указал на свежесколоченные и просмоленные корабли Бьёрнунг, и богатыри, восхищённо таращась на «струги», пошли вдоль всего их модельного ряда.

Долго ли они шли, коротко ли, а только первым нарушил тишину Сероволк:

– Вот такую махину хочу! – ткнул он пальцем в самый внушительный дракар с рунической надписью на борту «ТИТАНУНГ».

– Хороший выбор! – похвалил цыганский вкус Бьёрнунг. – Он ваш!

– Нет, он нам не подходит, – покачал головой колдун. – Нам бы чего попроще.

– Прекращай, Василевс! – возмутился Яков. – В нём-то что тебе не нравится?

– Всё!

– Что всё?

– Он огромный, неповоротливый и веет от него роковой неизбежностью.

– Опять твои выдумки!

– Нет, Яша, не выдумки, – вздохнул колдун. – У тебя чутьё на зайцев, а у меня на кое-что другое. Поэтому этот дракар мы не возьмём.

– Хорошо-хорошо, тогда давайте поплывём на этом, – показал Сероволк на следующий корабль с названием «АВРОРУНГ», не такой большой как «ТИТАНУНГ», зато более грозный с виду.

– Тоже неплохой вариант! – кивнул начальник верфи. – Забирайте!

– Яша, ты не обижайся, – вновь не одобрил выбор товарища Василевс. – Но от его одного имени меня в дрожь бросает, как в день зимний, да и неважно просмолённый.

– Разве? Если хотите, мы его мигом просмолим, перепросмолим и выпросмолим! – деловито откликнулся на замечание Бьёрнунг. – Так что, берёте?

– Нет! – отказался за всех Премудрый.

– Не хотите, как хотите! Выбирайте сами! – буркнул обиженный Сероволк и, надув губы, отвернулся.

– Мужики, может, вот её возьмём? – показал на ничем не примечательную небольшую барку Иван Царевич. Единственное, чем она выгодно отличалась от остальных «АВРОРУНГОВ», «ТИТАНУНГОВ», «КОНТИКУНГОВ» и «ТИКТАКУНГОВ», это необычным для здешнего жаргона названием. На корме этого парусника гордо красовалось имя «ПОБЕДА» без всяких там уже поднадоевших «нунгов».

– Отлично! – сразу почему-то согласился с выбором Царевича Василевс.

– По мне, так ничего особенного, – пожал плечами Бьёрнунг, но отговаривать не стал. – Дело ваше!

– Да вы что, сдурели! – занервничал Сероволк, узрев, что за «корыто» выбрали его товарищи. – Это судно и в болоте нахлебается воды.

– А вот тут ты не прав, Яша, – ответил ему Василевс и показал тростью на прибитые к корме буквы, сложенные в сладкое слово «ПОБЕДА». – Весь секрет в том, как вы лодку назовёте, так она и поплывёт. «ПОБЕДА» – это как шок!

– В смысле?

– Это по-нашему!

– Верняк! – подхватил панегирическую «эстафету» Царевич. – Не надо смотреть, что «ПОБЕДА» невелика, ведь недаром говорят: «Неладно скроен – да крепко сшит! В тесноте – да не в обиде! Мал золотник – да дорог!».

– От горшка – два вершка! – уныло добавил Яша и покачал головой. – Вы просто чокнутые – променять неказистую утлую «ПОБЕДУ» на великолепный «ТИТАНУНГ».

– Не дрейфуй, «Яковунг»! – подбодрил товарища Василевс. – История всё расставит на свои места, а я нутром чувствую, что эта «ПОБЕДА» именно за нами.

– Ладно-ладно, чёрт с вами, уговорили, – махнул рукой Сероволк. – Пора бы нам отчаливать. Где этот старый «Врунгелунг» шатается?

– Кхе-кхе! – раздался за их спинами «обратителънманиевый» кашель.

Обернувшись, богатыри увидели стоявшего напротив них низенького, с повязкой на глазу старичка с заплетённой в косички, по последнему варяжскому писку моды, бородой, в высоченных ботфортах и с характерными рогами (отличительным знаком всех варяжских викингов) на морской бескозырке. Широко расставив правую короткую ногу и такого же размера деревянный протез с морскими иллюстрациями, приспособленный к левой култышке, пожилой морячок самозабвенно посасывал леденец, выполненный в форме трубки (мы-то с вами знаем уже, что губительный табак получил широкое распространение в массах гораздо позднее, но, как видите, предпосылки к этому уже были налицо).

– Это кто? – поинтересовался Сероволк у стоявшего рядом Бьёрнунга.

– Тот самый! – протянул в ответ Бьёрнунг и расплылся в широкой улыбке. – Привет, старый добрый Старый Пьердунг! Сколько осен, сколько весен!

Старик, который оказался «тем самым» самым-пресамым морским-преморским волком, а по совместительству и заслуженным лоцман-боцман-капитаном, вытащил трубку-леденец и, смачно сплюнув Царевичу под ноги, вежливо ответил:

– Да! Тысячу чертей и якорь мне на плечо! Это я и терять мне нечего!

После чего по заведённой у викингов традиции приветственно треснул Бьёрнунга кулаком в живот, получил от того не менее приветливый удар в солнечное сплетение и, молодецкато охнув, словесно (без тычек и шлепков) поздоровался с чужеземными незнакомцами.

– И вам наше здрасте! – за всех «незнакомцев» поприветствовал старого боцмана Сероволк. – Тебя, что ли, к нам приставили, до Аркфрики довести?

– Это как ещё посмотреть, кого к кому приставили, – лукаво прищурился Старый Пьердунг. – Меня к вам или вас ко мне. В море оно видно будет. Мне терять нечего.

– Минуточку, уважаемый! – взял тайм-аут колдун и отошёл с товарищами в сторону посоветоваться.

– Только не говори, что этот хитроглазый довольно подозрительный, – навскидку угадал предстоящую «повестку» совещания цыган.

– Нормальный вроде, жилистый, подвижный, просоленный морскими ветрами, – высказал свою точку зрения Царевич. – Этот старик ещё молодым мореходам фору даст. Что не так, Премудрый?

– Не знаю что именно, но от него разит бедой! – сказал Василевс, поглядывая через плечо на ухмылявшегося в сторонке лоцман-боцмана.

– Это ромом от него разит! – усмехнулся цыган. – Нормальное состояние для моряка, тем более списанного в запас и выписанного обратно. Отметил мужик, видать.

– Ой, не знаю, не знаю! – покачал головой колдун. – Он мне гноббита Фрога чем-то напоминает. К тому же пьяный за штурвал...

– Да я, если хотите знать, так ещё лучше корабли вожу, – перебил колдуна Старый Пьердунг, случайно услышавший его последние слова и решив, что это основное препятствие в данном конкретном случае, поспешил реабилитироваться в соответствующей манере. – Я на своём веку по эту сторону экватора не один десяток кораблей случайно затопил и на мель посадил, пока не выучил наизусть, где подводные скалы, где вулканы, где рифы, а где отмели и водовороты. Меня со службы списали с почётным званием «аквамаринопентакаптенармуса», по-вашему – капитаном пятого ранга. Я вас через все фиорды с закрытыми глазами проведу. Мне терять нечего.

– Вот что меня смущает, – выслушав лоцман-боцман-капитана, вновь повернулся к товарищам Василевс. – Что он всё время твердит, что ему терять нечего. Это-то настораживает.

– Знаешь что, Премудрый, достал ты уже своими беспочвенными подозрениями! – потрянул седой шевелюрой цыган. – Не хочешь с ним плыть, оставайся здесь и жди нас с победой на этой, прости господи, «ПОБЕДЕ».

– Не плыть, а идти! – помрачнев, недовольно произнёс бывалый боцман.

– Что, простите? – не сообразил Василевс, куда Пьердунг собирается идти.

– Плавать знаете что? А мы МЭ-О-РЕ-ХО-ДЭ-Ы, ХО-ДЭ-ИМ под парусом, – пояснил этим «сухопутным крысам» почётный старый морской волк. – По морям, по волнам, сегодня здесь, а завтра уже где-нибудь там, – показал рукой на серую кромку горизонта, – а плавать будете в ночном горшке. Акваланг мне на хребет!

– Вот это да, сразу видно – морская душа! – восхищённо выставил большой палец Царевич.

– Да, наш человек! – сдержанно кивнул Сероволк и с укором посмотрел на колдуна. – Ещё вопросы есть?

– Хорошо-хорошо, но понятых прошу отметить, что я неоднократно всех предупреждал, – сдал свой «бастион подозрений» Василевс и, подхватив полы плаща, ступил на сходни выбранного дракара.

За ним поднялись на борт судна спутники. Внизу на причале остались только два викинга.

– Эй, братцы, а что, девку в море брать не будем? – не веря собственным глазам, разочарованно протянул Старый Пьердунг и с надеждой взглянул в голубые, как море, глаза Бьёрнунга. – Или вы её уже втихаря в трюм загрузили?

Тот лишь отрицательно покачал головой.

– Ну это произвол какой-то, я так не играю, – насупился боцман со стажем.

– Ты на себя посмотри, о каких бабах может идти речь? – крикнул с судна Сероволк, недовольный задержкой отплытия.

– Правильно, мы же не в круиз собрались, – поддержал товарища Иван и махнул рукой. – Давайте, мистер Старый Пьердунг, забирайтесь на борт и отдавайте, как там у вас положено, свои швартовы гражданину Бьёрнунгу, или он вам, мы и так задержались.

– Эх, что с вас, сухопутных грызунов, возьмёшь, – посетовал старый моряк на незнание ими морских традиций. – Не знать, что отсутствие женщины на корабле – дурная примета, это уже слишком. Хорошо, мне терять нечего, а то бы давно развернулся и ушёл восвояси, а так... так и быть, свистать меня наверх! – с этими словами Пьердунг свистнул, поднялся на борт дракара и отдал Бьёрнунгу команду: – Эй, там, на причале, отдать швартовы, форштевень тебе в рубку!

Бьёрнунг выполнил команду морского старожилы и, увидев, как наполнился свежим ветром поднятый Старым Пьердунгом парус, помахал уходившим в опасный поход на прощанье рукой.

– Ты чего машешь, глупая каракатица! – заорал с борта отплывающего судна неугомонный боцман, уже успевший заглянуть во все закоулки дракара (и даже в трюм). – Девки нет – пол-беда, а где бочка «наркомовского» рома? Морской узел тебе на шею!

– Теперича вам качки и без рома хватать будет! – криво улыбнулся Бьёрнунг, но всё-таки вынул из-за пазухи «НЗ»: початую бутылочку «огненной воды». – Вот всё, что могу предложить! Лови!

Бьёрнунг размахнулся и метнул драгоценный снаряд на палубу, где, растопырив руки, застыл во вратарской позе охотий до выпивки моряк.

Полетевший по баллистической траектории сосуд, совсем чуток не долетев до палубы, попал точно в центр кормы, где красовалось гордое имя дракара «ПОБЕДА», и празднично разлетелся на множество осколков, чем вызвал бурю, нет, даже шторм негодования на палубе.

– Эка растяпа! Гарпун тебе в жабры! – заверещал Старый Пьердунг на отдалявшегося с каждой секундой человека на причале. – «Поллитру» вдребезги! Теперь точно быть беде, будь ты проклят! Тысяча грот-мачт тебе в плотку...

Бледный как сама смерть, Бьёрнунг, не мигая, смотрел вслед уходившему кораблю, даже не пытаясь ответить на страшные проклятия Пьердунга. Конечно же, он, как и любой маломальский морячишка, знал, что разбитая о корабль бутылка предвещала неминуемое несчастье для судна и его экипажа, но не это заставило его физиономию побледнеть. С берега он видел то, что нельзя было увидеть с самого корабля. От удара бутылкой случилось то, что ну никак не должно было случиться: от слова «ПОБЕДА» отвалились две ключевые буквы и осталось их только четыре. Можете не гадать, что получилось в итоге. Всё равно не угадаете. Это не «...БЕДА», и даже не «ПОБЕ...».

Самое невероятное и обидное, думал, стоя на берегу, многократно проклятый и обруганный моряком Бьёрнунг, что отвалились именно первая и последняя буквы, то бишь «П» и «А», в один миг поменявшие имя дракара с пафосного «ПОБЕДА», на зловещее «ОБЕД». А для кого предназначался этот «..ОБЕД..» суеверный Бьёрнунг даже боялся подумать вслух.

Не знавшие о произошедшей с названием корабля метаморфозе, наши богатыри кое-как уgomонили Старого Пьердунга и бесстрашно отдались на волю ветра, волн и своего лоцман-боцман-капитана.

Впрочем, совсем скоро им стало страшно.

В первый же час своего водного путешествия Василевс Премудрый с грустью обнаружил, что его организм подвергся, судя по симптомам, нападению морской болезни в тяжёлой форме. От постоянной качки его начало мутить, и никакие заговоры ему не помогали, не говоря уже про Царевичево «успокойся, расслабься и дыши глубже».

На втором часу Яша Сероволк тоже обнаружил признаки странного неюта, который можно сформулировать как «полиаквафобия», что переводится с «мёртво-медицинского» на живучий «велико-могучий» как «многоводобоязнь». То есть, когда «большая земля» скрылась в туманном горизонте, а вокруг стали лишь изредка появляться скалистые безжизненные островки, он вдруг стал бояться утонуть. И хотя плавал Яша отменно, но такое количество пенящихся вокруг судна бурунов щекотало его нервы до дрожи в коленях. На фоне этих событий у Сероволка начало складываться в голове нечто поэтическое, типа «не нужен мне берег чукотский и Аркфрика мне не нужна», и он с превеликим трудом отогнал эти негативные рифмы.

Иван Царевич, в отличие от товарищей, чувствовал себя более-менее сносно, но и он не остался в стороне от общего треволнения.

А всё потому, что их боцман, видимо, уж очень давно списанный на берег, немного подзабыл, что, где и когда.

В первый день их «ПОБЕДА» – «ОБЕД» натерпелась от Старого Пьердунга по самую фок-мачту. Сначала боцман умудрился сесть на мель в двух местах (что послужило небольшим перерывом в страданиях Василевса, немного прибодрив последнего), затем зацепить парочку подводных скал (слава богу, без пробоин, но ведь лиха беда начало), покружить корабль со всем содержимым в водовороте (чем окончательно расстроил желудок приободрённого колдуна), а ближе к вечеру заблудиться в фиордах, чем сильно расстроил уже всех своих пассажиров. Но, к его чести, стоит отметить, что моряк, приговаривая «Мне терять нечего», всё время выкарабкивался из экстренных ситуаций, сохраняя корабль пока что в целости и сохранности.

Опустившаяся ночь немного расставила всё по своим местам. Пьердунг перестал сам метаться за штурвалом и кидать корабль из стороны в сторону, твёрдо положив «ОБЕД» курсом на Аркфрику. Премудрый, уставший опорожнять содержимое многострадального желудка за борт, забылся в беспокойном сне прямо на палубе. Рядом с ним прикорнул и Сероволк. Только не желавший спать по понятным причинам Иван Царевич присел возле стоявшего за штурвалом Пьердунга.

– Хорошая выдалась ночка, – попытался завязать он разговор с бывалым мореходом.

– Ночь как ночь, – пожал тот плечами, одним лишь глазком зыркнув по звёздному небосводу, и вновь уставился на реявший на носу деревянного дракона свой личный вымпел – череп с повязкой на глазу, а под ним перекрещённые берцовая кость с протезом. – Главное, что не пасмурно, барометр мне в глазницу!

Иван Царевич поёрзал-поёрзал, но спросить не решился.

– Чего ёрзаешь? Спрашивай, что хотел узнать? – заметил вопрошительное состояние собеседника мореход. – Спрашивай, давай, не стесняйся.

Ваня покраснел от смущения, благо в темноте не видно, и тем не менее, набравшись смелости, поинтересовался:

– Вы меня, конечно, извините, но, глядя на вас, создаётся впечатление, что вы ни одной морской битвы не пропустили, вы весь такой э-э... – тут Царевич сконфузился, не зная какой более безобидный синоним подобрать вместо слова «покоцанный».

– Какой такой? – ухмыльнулся старик, ловко орудуя штурвалом.

– Ну такой... героический, – подобрал, пускай с немножко иным смыслом, слово Иван.

– Что правда, то правда! – польщённо подбоченился Старый Пьердунг. – Покоцало меня по жизни.

– Вот глаз вы, это очевидно и вероятно, во время абордажа потеряли? – спросил Царевич, искренне надеясь в душе особо не огорчить старика невесёлыми воспоминаниями.

– Да нет, – вовсе не огорчился «морской волк», а даже развеселился. – Это я ещё в пору горячей молодости в нашей родимой угро-финской сауне за ядрёными девками в щель подглядывал. Тогда и потерял его.

– Как потеряли? – открыл в изумлении рот Царевич. – Они что, садистки, выткнули вам его?!

– Да нет, что ты, – засмеялся одноглазый капитан дальнего и самого ближнего плавания. – Засмотрелся я на девок, а глаз возьми да выпадет. Я поначалу-то не заметил, а потом, когда очухался, давай искать, да поздно уже.

– Врёшь, – от крайнего удивления перейдя со стариком на «ты», выдохнул Иван. – Не может быть такого!

– Ещё как может, он ведь у меня того, вставной был, – пояснил Пьердунг. – С тех пор повязку на опустевшей глазнице и ношу. Верёвку с реи мне в шею!

Спрашивать, при каких обстоятельствах мореход «разжился» вставным глазом и где он «махнул не глядя» обычную ногу на такой красивый – резной и расписной – протез, Царевичу совсем расхотелось. Хотя, если честно, он просто побоялся тронуться умом, продолжая беседу на подобные животрепещущие темы с «капитаном пятого ранга».

Царевич стал молча наблюдать за Старым Пьердунгом, который, не смотря на присущую всем бывалым морякам и матросам неадекватность, вполне уверенно управлялся с беспокойным дракаром, крепко держа в своих руках штурвал корабля, то и дело норовившего свернуть с намеченного маршрута.

Глядел Иван, глядел и, не выдержав долгого молчания, вновь заговорил.

– Вот гляжу я на вас, гляжу, и у меня складывается впечатление, что вы, уважаемый, в темноте намного лучше соображаете, куда надо плыть, – одобрительно протянул он, втянув ноздрями свежий ветер.

– Ночью ума много не надо корабль вести, – деловито проворчал старик, посасывая свою трубку-леденец. – Вон видишь, самая яркая звезда впереди по курсу? – указал он пальцем в небо.

– Ага!

– Это Биполярно-Путеводная Звезда! – пояснил Пьердунг. – Она главный «маяк» на всех водных путях, от одного полюса до другого! По ней даже полный в морском деле дурак сможет до Аркфрики с закрытыми глазами дойти.

– Как это, с закрытыми? – поразился Царевич услышанному.

– А вот так! – Пьердунг зажмурился, показывая искусство «высшего морского пилотажа», и дракар сразу потянуло влево от изначального курса. Приоткрыв единственный глаз, боцман-лоцман, недовольный собой, вернул корабль на курс и поучительно добавил: – Короче, вот примерно как-то так.

– Круто!

– А то! Это тебе не на телеге по пыльной колее тащиться! – не преминул прихвастнуть морской романтикой боцман. – Это дело для настоящих мужчин! Настоящая жизнь и стопроцентная смерть! Я и с вами пойти согласился, что мне терять уже нечего – решил в море погибнуть, в пучине свою славную смерть встретить.

– С чего ты взял, что смерть встретишь? – покорило Ивана от фатального тона моряка.

– А с того, что Морской Дьявол, он же Лох-Несское Чудовище, он же Морской Лох, никому из нас шанса не оставит, – отрешённо вздохнув, прошептал Старый Пьердунг. – Почему у нас никто в море и не выходит. Боятся его все.

– Стоп! А почему нас там, на земле, не оповестили об этом Чудовище морском?! – занервничал Царевич.

– Не знаю! Я думал, вы в курсе! – удивлённо пожал плечами боцман.

Иван Царевич поднялся и в раздумье замаршировал по палубе.

– Кстати, про какого-то «морского лоха» ваш конунг что-то там обронил, – припомнил Ваня туманный намёк Леопольдунга. – Мы просто не так поняли, наверное.

– Бывает, – философски заметил Старый Пьердунг и поинтересовался у Царевича: – А чегось это тебе не спится? Не намаялся за день?

– Да я вообще не сплю.

– Интересно! Мне бы так, а то глаза слипаются, а-ах, – зевнул лоцман. – Может, встанешь за штурвал, а я «покемарю» немного? Пока Морской Лох нас не учуял.

– А вдруг я не туда сверну?

– Не свернёшь! Биполярно-Путеводной Звезды держись, – дал наставления Ивану Пьердунг. – Я же тебе объяснял: она главный «маяк» на всех водных путях, по ней даже полный дурак в морском деле сможет до Аркфрики дойти, – он передал штурвал Царевичу и прилёг рядом со спящими. – А если что, не стесняйся, буди!

Спустя пару минут старый морской романтик захрапел, перекрывая шум бьющихся о борт волн. Царевич же, по-детски радуясь возможности почувствовать себя капитаном, пускай и такого небольшого кораблика, стал держать курс на Биполярно-Путеводную Звезду, пока справа по курсу не забрезжил прохладный голубой рассвет. И рассвет этот не предвещал ничего хорошего.

– Свистеть всем наверх! – скомандовал выпавшийся Пьердунг и растолкал ещё нежившихся в спасительном сне богатырей. – Хватит спать, салаги! Подъём! Подъём! Шнель, штейт ауф! Штильгештанген!

Разбуженные боцманом колдун с цыганом потянулись со сна и с удивлением обнаружили стоявшего за штурвалом Царевича.

– Ваня, ты чего там делаешь? – поинтересовался, почёсываясь, Василевс. – Рулишь?

– Только не говори, что ты, «неспящий царевич», всю ночь этим занимался, – с сомнением окинул взглядом Сероволк судно и водную гладь за бортом. – Если это так, то я сейчас умру от смеха, ха-ха!

– Яша, дорогой, ты сейчас ещё и не то сделаешь от страха, когда узнаешь, что за лютый зверь бултыхается в этих глубинах, – не остался в долгу, подначил товарища Иван. – Тот самый Морской Лох, которого ещё называют Лох-Несское Чудовище или Морской...

– Вот дьявол! Замолчи! – закричал Ивану Старый Пьердунг, чистивший зубы на корме. – Не упоминай его имени всуе! Он же по-человечьи «шпрехает» и на своё имя, по словам редких счастливиц-свидетелей, всегда откликается!

Практически не понявшие о чём вообще идёт речь, Василевс с Яковым тупо переводили заспанные глаза с боцман-лоцмана на «великого кормчего» Ивана Царевича.

– А чего же ты не предупредил! – набросился на Пьердунга Иван. – Сказал бы, мол, так и так, молчание – золото!

– Соображать надо! Я же тебе шёпотом говорил его имя, можно было логически догадаться! – крикнул в ответ старый моряк, вглядываясь в мутную толщу воды за бортом. – Ай, чего теперь уже виноватого искать, теперь нам всем терять нечего.

– Кто-нибудь объяснит вообще, из-за чего столько шума? – вставил, наконец, вопросительное словечко Василевс.

Ему ответить никто не успел, потому как шума стало значительно больше. Вода вокруг дракара забурлила, запенилась, заплескалась о борт, словно уха в котле закипела.

– Всё, это оно самое, чудище! – сдавленным голосом пролепетал Старый Пьердунг. – Вот сейчас нам как раз и понадобилась бы девка, откупиться и подкормить это Нечто.

Богатыри посмотрели на моряка – нет, вроде не сошёл с ума, в глазах читается нормальный человеческий страх.

И тут из воды показалось Оно: огромное, как кит, с длинной, как у жирафа шеей, вместо ног ласты, вместо рук щупальца, бр-р-р, вместо пасти клюв хищный – страшное до невозможности. Конечно, не до такой степени, как легендарный призрак Ползучего Голодранца, бороздившего водоёмы Евландии, тот всем закоренелым мутантам мутант был, но и это тоже было «не приведи господи».

Иван, не в силах сдвинуться с места от такого «натюрморта в серых тонах», продолжал крепко держаться за штурвал, к Василевсу от пережитого стресса с новой силой пристала морская болезнь и даже у бесшабашного Сероволка мурашки по коже побежали от одной лопатки до другой и обратно, и волосы на затылке дыбом встали.

– Мужики, перекусить есть чо? – спросило чудовище совсем без акцента, от чего всем стало ещё страшней.

Никто не знал, что ему ответить, но тут на первый план выдвинулся Старый Пьердунг. Бывалый боцман, заслуженный варвар-мореход, чемпион прошлых лет среди викингов по дайвингу схватил заранее припасённое весло и с боевым кличем «Врагу не сдаётся старый гордый варяг! Пощады он не желает!» подскочил к борту судна и начал лупить по голове из далеко ещё не последних сил оторопевшего «Морского Дьявола». У мутанта «непристёгнутый» клюв заклацал, что тебе швейная машинка. Не ожидавший такого крутого поворота событий, казалось бы, безмятежного утра, ошарашенный «Лох-Несс», с трудом сориентировавшись в экстремальной обстановке, совершил аварийное погружение и скоростно скрылся в морской пучине, даже, кажись, немного хлебнув солёной воды (а соль, как всем известно, только пуще аппетит разжигает).

– Всё, теперь нам точно каюк! Острогу мне в гланды! – устало вытирая пот со лба, произнёс Старый Пьердунг и отбросил в сторону сломанное весло. – Оно этого нам не простит. Унеси меня Гольфстрим!

Богатыри, ставшие свидетелями безрассудного поступка боцмана, понемногу вышли из оцепенения.

– Эй ты, «старый гордый варяг», ты зачем ему по черепу веслом наступал? – почёсывая шею на каторжный манер, вне себя от злости оскалился Сероволк. – Может быть, всё бы ещё обошлось! Тварь-то, в отличие от тебя, видимо, разумная, коли на человеческом «гутарит». Ты что вообще натворил, придурок?

– Да в чём, собственно, была подоплёка вашего вопиющего поступка? – интеллигентно высказался Премудрый, хотя мысли в его голове роились ещё смачнее, чем речи цыгана. – Вы ведь его тупо спровоцировали своим нападением. Извольте объясниться, сударь!

– А-а, вы всё равно не поймёте. Рыбу-молот мне в глотку! – обиженно проворчал Старый Пьердунг и, сетуя на «неблагодарных сухопутных сосунков», ловко спустил на воду одноместную шлюпку, взял обломок весла и «по аглицки» – не попрощавшись со спутниками, спустился в лодку и погрёб в обратную сторону.

– Эй, любезный, вы куда? – закричал вдогонку Премудрый, разгадав коварный манёвр «капитана», первым покинувшего почти уже вот-вот начавшее терпеть бедствие судно.

– Есть у меня ещё дома дела! – крикнул в ответ Пьердунг и ещё шибче загрёб веслом прочь от места будущего происшествия с летальным исходом.

– Вы, мистер, старая сволочь! – перекрывая шум волн, крикнул боцману Василевс, но, кажется, недокрикнул – торопливо наседа на весло, моряк даже ухом не повёл.

– А я ведь как в воду глядел, – обратился уже к товарищам колдун. – Никогда нельзя полагаться на стариков, которым «терять практически нечего». В ответственный момент у них обязательно съедет «крыша» не в ту сторону, а потом, как пить дать, «найдутся дома дела».

– Кто же знал, Вася, что этот инвалид к тому же и буйный шизофреник, – откликнулся Сероволк. – До чудовища ведь вроде ничем себя не выдавал, ловчее ловкого под нормального пенсионера маскировался.

– А мне так вообще по душе пришёлся, – честно признался Царевич, всё ещё держась за руль, как будто теперь это имело какой-то смысл. – Извини, друже, что не послушали тебя, но ведь всё равно это неправильно – старый, больной во всех отношениях человек за бортом.

– Ладно, вы прощены, – принял извинения колдун. – А с этим, – глянул Василевс вслед уматывающему викингу, – Хемингуй с ним, – вспомнил он преподобного покровителя одиноких стариков в море, сейчас на кону стояло нечто более важное: их жизни. – У нас на повестке имеется более животрепещущий вопрос – что с чудовищем делать будем?

– Вопрос некорректно сформулирован, Василевс, – с грустной иронией произнёс Царевич. – Правильно спросить – что эта агрессивная форма жизни теперича с нами сделает?

– Сейчас всё и узнаем, – невесело сказал Сероволк, увидев, как вновь запузырилась вода вокруг их судна. – Возвращается, зараза прожорливая, на разборки.

На поверхности вскоре вновь возникла голова недавнего морского монстра.

– Мужики, перекусить есть чо? – с прежним вопросом обратилось оно к людям в дракаре.

Богатыри в недоумении переглянулись: похоже, что старый пират это чудище своим безжалостным веслом отформатировал нехило.

– А мы раньше нигде не встречались? – мелькнула тень узнавания в чёрных, как подводная муть, глазах голодного гиганта.

Сероволк хотел криво улыбнуться, но стерпел, а кратковременная амнезия у монстра уступила место картинам из недавнего прошлого, и «Морской Лох», на горе богатырям, «вспомнил всё». Монстр даже не стал выслушивать своих «оппонентов».

– Агр-р-р! Ага-гр-р! – зарычал он и бешено заколотил лапами по воде, норовя опрокинуть утлое судёнышко с нашими героями. – Да я вас сейчас слопаю, вместе с вашим плотом как килек в кадке! Ух-х я вас! Я ваш «ОБЕД» на завтрак съем!

Морское страшилище обхватило длинными щупальцами дракар и начало, методично круша такелажное оборудование, топить и так утлое плавсредство (и у него были все шансы исполнить свою задумку, так как, судя по всему, оно было неимоверно могучее даже для бесхребетного существа чудище). Богатыри же наши хоть и пребывали в шоке, тоже не остались стоять в скорбном ожидании своей незавидной кончины. Царевич лихо закрутил штурвалом влево-вправо, пытаясь вырвать корабль из щупалец противника, Сероволк же с Премудрым начали отбиваться от монстра всеми подручными средствами, всячески мешая тому реализовать свой преступный замысел.

Битва была хоть и далеко не равная, но, прямо скажем, зрелищная. Чудище морское громогласно ругалось и пыталось превратить дракар в вязанку хвороста, а его настырные защитники носились по палубе то туда, то сюда, забрасывая супостата всяким барахлом и отдавливая тому его загребущие щупальца.

– А-а! Вы трупы! – зарычал в очередной раз «Лох-Несс», когда Сероволк загнал ему под единственный ноготь на щупальце (вот же чучело!) свой именной нож. – Фашисты! Гестаповцы! Я вас в пух и прах разделаю!

– Ещё посмотрим, поганый моллюск-переросток! – оскорбил его, не забываясь о последствиях (ведь терять уже нечего), разгорячённый цыган и, больно укусив супостата за ближайшую присоску, заорал колдуну: – Вася, давай, наколдуй нам силушки богатырской! Постоим за землю... э-э, за воду... э-э, за корабль и себя родимых – чтобы не оказаться в его потрохах!

Но колдун не отозвался ему. Василевс, перегнувшись через противоположный борт, боролся с внезапным приступом морской болезни и не слышал, как Яшка усугублял межвидовой конфликт.

Пока Сероволк оглядывался, ища, куда запропастился Премудрый, «Морской Дьявол» изловчился и обхватил его щупальцем за ноги. Подняв Яшку в воздух, чудовище ударило его о палубу, как сушёную тарань. Почувствовав, как обмяк в «объятиях» щупалец контуженный человек, «Лох-Несс» облизнулся и поднёс его к клюву, намереваясь начать «предобеденный перекус».

– Постой! – бросив штурвал, подскочил к краю борта Иван Царевич. – Не ешь его! Он оборотень! В желудке он может обернуться в паршивого шакала! Съешь лучше меня! Я обычный здоровый человек – кровь с молоком! Я вон какой мясистый и вкусный!

Монстр замер в раздумье, взвешивая слова «вкусного человека».

– О-о нет! – вернулся к общему «веселью» Василевс Премудрый. – Лучше сожрите меня, любезный! Я этой качки всё равно не переживу. Тем более я «приправлен» такими знаниями, что, вкусив меня, вы сможете стать первым профессором магической философии среди морских монстров.

«Лох-Несс» ещё шибче задумался.

– Не слушай их! – подал голос очнувшийся Сероволк. – Сами они шакалы! Хавай меня, морской гопник! Я заслужил это «право первого глотка» за свой гнилой «базар»!

– Почему это ты! – в один голос закричали его товарищи. – Не тяни одеяло на себя!

– Какое одеяло? Какая философия? Вы чего все такие непоследовательные? – не отпуская цыгана, проревело чудовище. – То глупо сопротивляетесь, ухудшая своим потом свои же вкусовые качества, то теперь в очередь мне на завтрак выстроились? Это какой-то хитрый финт, да?

– Тебе нас не понять, бессердечный монстр, – «открыл карты» Премудрый. – Ради друга человек готов на многое. А если его ещё и мутит как меня, то и жизнь отдать не жалко.

– А меня хоть и не тошнит, я всё равно ради боевых товарищей готов собой пожертвовать, – вставил свои «пять копеек» Царевич. – Потому что только люди могут дружить до самой смерти.

И этот «пятак» переполнил терпение «Лох-Несса». Монстр швырнул своего пленника на палубу и обиженно заревел:

– Это я-то не знаю, что такое дружба?! Это я-то «бессердечный»?! Да я, если хотите знать, был самым верным другом из всех друзей моему лучшему другу. Наша дружба длилась сотни лет, пока он не сгинул в бескрайних пучинах мирового океана. И я подозреваю, что в его исчезновении не обошлось без вашего брата, без людей. Поэтому теперь я мщу всем вам и мща моя ужасна!

– Но позвольте! – поднял руку Василевс. – С чего вы взяли, что виновники гибели вашего друга – люди! Может, акулы или... или там, пираньи?

– Какие там акулы, он их одним спинным плавником в нокаут отправлял, а вот вы, люди, могли его в свои сети словить и в какой-нибудь океанариум сдать или пустить на рыбий жир. Шутка ли, кашалотов, кракенов, крабозавров своими страшными гарпунами целыми стаями уничтожаете. Про более мелкую «рыбёшку» я уже не говорю. А моря как засоряете? Даже живой мусор – неприхотливый офисный планктон – тоннами дохнет. Разве бы вы пожалели моего друга, встретиться он вашему брату браконьеру на пути? Нет!

Тут богатырям крыть было нечем – правду-матку «рубил» монстр, не понаслышке знавший оперативную обстановку в своей родной стихии.

– Прости, товарищ, а как звали твоего друга? – с сожалением погладил лежавшее на палубе щупальце Иван Царевич.

Вздрогнув от лёгкого прикосновения, монстр, глазами полными горьких слёз, посмотрел на Ивана.

– Моего милого друга звали синьор Ихтиандро! – ответил «Лох-Несс» и захлопал расположенными на клюве носовыми отверстиями, величиной с блюдечко.

– Не тужи, братан, если тело не обнаружили, о «жмурике» тогда и речи быть не может, – со знанием дела попытался «успокоить» морского монстра «подкованный» в этом деле Сероволк. – Может, загулял где, в тёплые моря подался, на молоденьких касаток «поохотиться».

– Не-е, Ихтиандро без меня никуда, – отмёл это предположение ластоногий гигант. – Мы с ним «не разлей вода» были, между нами даже камбала, несмотря на то, что у неё кишка тонка, боялась проплыть, чтобы не быть раздавленной. Вот такие дружки мы были.

– Ну тогда не знаю, – пожал плечами цыган и собрался отойти в сторону, но у него ничего не вышло.

Монстр молниеносно схватил Якова за ноги и вновь поднял его в воздух.

– А коли так, тогда мне придётся всех вас слопать, – вновь озлобленно заревел «Морской Дьявол». – Ну-у, за Ихтиандро-о-о!!!

Его страшный рёв разнёсся над водной гладью.

– Я здесь, мой друг! – издали послышался чей-то встревоженный голос над морским простором. – Мормышка, я здесь, я плыву к тебе!

– Вы слышали? Вы это слышали? – «Морской Дьявол» суетливо завертел головой по сторонам. – Кажется, это голос моего милого друга Ихтиандро. Я не верю своим морским ушным раковинам! – он вновь отшвырнул цыгана на палубу. – Он жив, жив! Ихтиандро, друг, я здесь!

Вскоре в «тумане моря голубом» объявился ещё один водоплавающий персонаж.

– И я здесь! – крикнуло существо, вынырнув прямо перед помятыми носами чудовища и корабля. – Здравствуй, Мормышка!

Существо кинулось в объятия «Морского Дьявола», которое оно почему-то называло «Мормышка», а уже не впервые за сегодня остолбеневшим богатырям выдалась возможность рассмотреть «сеньора Ихтиандро».

Это было совсем не огромное человекообразное существо, с выпученными глазами, с рыбьей, усатой, как у сома, головой, короткими перепончатыми конечностями и большим плавником на полспины, сплошь покрытое блестящей чешуёй. Его внешность была, честно признаться, далеко не фотогеничной, но всё-таки не такой шокирующей, как у его более рослого друга.

А морские создания, не обращая внимания на не совсем случайных свидетелей, радовались долгожданной встрече, не скрывая своих эмоций, что вполне серьёзно грозило переворотом судну.

– Я извиняюсь, господа! – обратился на себя (возможно, и зря) внимание Василевс. – Если со стороны мистера Морского Дьявола к людям в целом и в частности, к нам больше претензий нет, мы бы продолжили свой и так нелёгкий путь.

– А про какого Морского Дьявола идёт речь? – радостно плескаясь в объятиях «Лох-Несса», поинтересовался Ихтиандро.

– Как про какого, про него, – ткнул пальцем в недавнего противника Сероволк. – Он нас сожрать пытался.

– Мормышка, друган, это ты, что ли, «Морской Дьявол»? И почему ты хотел съесть этих милых людей? – строго спросил у большого монстра монстр поменьше.

– Да я, это, думал, это люди тебя порешили, вот и мстить им зверски начал, – замаявшись, ответил «Лох-Несс». – А «Морским Дьяволом», «Лох-Нессом» и «Морским Лохом» назвался потому, что встал на путь войны, а ты ведь сам понимаешь, моё настоящее имя звучит не так грозно и пугающе, как боевые прозвища. Вот так и пошло.

– Понятно! – засмеялся Ихтиандро и потрепал друга по щеке. – Но виной моему внезапному исчезновению вовсе не люди, а кое-кто другой. С ним мы попозже рассчитаемся. Зато вернуться в родную стихию помог мне один доблестный человек, пожертвовав свою жизнь и жизнь своего друга ради меня, незнакомого для них водяного монстра. Я тебе так скажу, Мормышка, эти «гомосапиенсы» не такие уж безнадёжные.

– Знаешь, мне сегодня тоже так показалось, – сказал Мормышка-«Морской Дьявол» и подмигнул трём богатырям. – У меня даже аппетит на людей пропал.

– Меня это радует! – воскликнул Ихтиандро.

– А как нас это радует, кто бы знал, – проворчал дважды «почти съеденный» Сероволк.

Понимавшие его состояние монстры и товарищи дружно засмеялись, особенно хохотал «Лох-Несс».

– Не держи ты на меня зла, отважный человек, – отсмеявшись, обратился к Якову Мормышка. – Обещаю, что с этого дня на людей мой «сезон охоты» закрыт навечно, ну или пока вы «опять» не утробите Ихтиандро.

– Замётано! – без особого энтузиазма согласился на «мировую» с монстром цыган, всё равно других вариантов у него не было.

– Ур-ра! – заорали в две глотки морские монстры, и их клич подхватили Царевич и Премудрый. – Ур-ра!

– Слышь, мужики, а давайте мы вам экскурсию по морским глубинам организуем! – «осенила» Ихтиандро гениальная идея. – Обещаю незабываемые впечатления на всю оставшуюся жизнь!

– Спасибо, морскими впечатлениями я сыт по горло! На всю оставшуюся жизнь! – наотрез отказался Сероволк от приглашения. – Не надо мне моря.

– Да и дракар в наше отсутствие сопрут ещё, – вклинился Царевич.

– Не бойсь, я здесь не последний спрут, – со знанием дела ответил Мормышка. – Так что как сопрут, так назад и припрут.

С таким доводом поспорить было трудно, но колдун был товарищем образованным и поэтому его интересовала практическая сторона дела.

– А как вы себе представляете наш вояж в безвоздушном пространстве? – скептически поинтересовался Премудрый. – У нас, поди, жабры и ласты по нашей природе от рождения не предусмотрено.

– Не беда! – хлопнул Ихтиандро перепончатой пятернёй по набегавшей волне. – Ласты мы вам раздобудем и каждому по размеру подберём. А как выделять из воды кислород, Мормышка вас быстро научит. Правда, братуха?

– Раз плюнуть, ребята! – с сомнением покосился на одного морского монстра другой.

– Ещё раз огромное спасибо, не надо! – категорически отказался цыган, второй раз за пять минут применив редкое в его лексиконе слово «спасибо». – У нас ласты могут склеиться гораздо раньше, чем мы научимся дышать под водой. Если кто и хочет рискнуть, то я пас.

Яков посмотрел на товарищей. Те, вторя ему, вежливо отказались от экскурсионного предложения, сославшись на исключительную занятость срочными делами и всё такое.

– Жаль, конечно, – искренне расстроились Ихтиандро и Мормышка-Морской Лох-Несский дьявол. – Мы бы вам показали такое... Океанские глубины намного загадочней и прекрасней, чем земные пейзажи: горы, леса и особенно пустыни. У нас много того, что и не снилось вашим мудрецам. Все тайны прошлого скрыты под толщей этой чудесной жидкости, – погладил он разбивавшиеся о корпус корабля пенящиеся буруны. – А сколько у нас «неведомых зверушек», возьмите, к примеру, Мормышку – и осьминог, и ихтиозавр, и морской котик, и разумный ко всему прочему – и таких уникалов у нас «пруд пруди». Зря не согласились.

Царевич и Василевс с сомнением переглянулись: может, действительно зря не согласились, может, пока не поздно попробовать, когда ещё такой случай представится. Но Сероволк был неумолим.

– Спасибо, как-нибудь в другой жизни, – в третий раз использовал своё редкое «спасибо» Яков.

Его товарищи, понявшие, что за отнюдь не редкое слово и даже цитата уже вертятся на его остром языке, готовые вот-вот сорваться и разорвать и так зыбкое перемирие с морскими монстрами, поспешили тоже любезно отказаться и договориться «как-нибудь в другой раз обязательно» погостить у новых знакомых.

На этом межвидовой конфликт был целиком и полностью исчерпан, и радостные морские жители «на лицо ужасные», а в целом «добрые внутри», тепло попрощавшись с людьми, уплыли обмениваться впечатлениями и новостями.

– Хотел бы я встретиться с тем человеком, который вернул этого Ихтиандро в мировой окиан, и пожать его крепкую мозолистую руку, – глядя вслед монстрам, произнёс Яков.

– И я! – сказал Василевс, положив ему свою крепкую руку на плечо.

– И я! – положил свою мозолистую ладонь на свободное плечо цыгана и Царевич.

Дальше их водный путь продолжился без приключений и нежеланных встреч. Иван, знавший мореходную тайну касательно Биполярно-Путеводной Звезды, простоял ещё пару бессонных ночей за штурвалом, и на третьи сутки перед путешественниками замаячил на горизонте большой белый остров, которым могла быть только изначально далёкая, а теперь уже устрашающе близкая Аркфрика.

Королевич Полисей ловким отточенным движением отсёк ухо не менее отточенным мечом у лежавшего на земле трёхгорбого пустынного дракона. Проковыряв в ухе дырку, рыцарь надел «трофей» на цепь с фамильным медальоном-гербом в качестве защитно-вспомогательного амулета (так он в своё время практиковал на заданиях в адских джунглях Кунфунга). Перешагнув через драконью голову, он подошёл к тяжело дышавшему

Искалибуру. Подняв попону, королевич достал из перемётной сумы трафарет и краску и добавил на конском корпусе ещё одну звезду – пятую в третьем ряду своих заслуг и достижений. Искалибур устало всхрипнул и слизнул испарину со лба хозяина.

– Может, тебе ведёрко крови нацедить? – невесело усмехнулся королевич, кивнув в сторону дракона. – «Кровавую Мэри» пить будешь?

Конь брезгливо поморщился и отрицательно замотал мордой: желания пить чью-либо кровь ведрами и, собственно, ведра как такового, не было.

– Я тоже пас, – бросил Полисей и, взяв коня под уздцы, поплёлся, спотыкаясь, в глубину бескрайней пустыни.

(Я уже слышу гневные возгласы членов общества защитников животных, мол, куда это годится, что за бессмысленная жестокость по отношению к мифической твари на страницах невинной сказки. Я и здесь отвечу. Попробуйте сами неделю по жаре, да без воды, пошляться, как этот следопыт со своей лошадью, тогда осуждайте. В отличие от нас с вами бывалый королевич точно знал, что ухо пустынного дракона укажет ему путь если не к оазису, то, как минимум, к какому-нибудь «учкудуку» с водой).

Уже не надеясь когда-нибудь вернуться в свой, полный опасностей, безумный, воинственный, беспощадный, переполненный интригами, заговорами и дворцовыми подъём-переворотами, но такой кажущийся издавека родным и сердцу милым, мягко выражаясь, цивилизованный мир (фу-у, неужели я это выговорил!), королевич Полисей от безысходности стал анализировать создавшееся положение своих неважных дел.

По всему получалось, что в самую критическую минуту, когда он уже стал подумывать о попытке суицида на той злополучной скале (чего скрывать, был за ним такой грешок), только его обращение к неутомонному духу воздушной стихии, то есть к «ветру-ветру», позволило ему выбраться из предпоследней, заблудно-таёжной передрыги. Правда, последняя пустынно-безводная передрыга оказалась на порядок отвратительнее всех, некогда наваливавшихся на Полисея передрыг вместе взятых, сложенных столбиком и возведённых в квадрат. Несмотря на возникший в связи с этим «обращением» дискомфорт, королевич принял единогласное решение ещё раз прочитать заклинание на имя воздушной стихии в попытке разузнать дорогу, для начала к источнику воды, так как драконье ухо пока ещё не хотело функционировать по своему второму, согласно народным приметам, предназначению.

– Ветер, ветер, ты могуч! Ты пригнал бы в небо туч! Ветер, знаешь всё всегда! В какую сторону вода? – пропел королевич и, затаив дыхание, прислушался к свисту обжигающего суховея.

Полисей напряг слух и понял: что-то изменилось в горячем дыхании пустыни. Странные, еле уловимые на слух хлопки становились громче. У следопыта планка настроения, взяв пример с зашкаливавшего походного термометра, резко поползла к верхней «ризке». Подняв глаза, полные скупых слёз и песка, к небу, он увидел его – воздушный шар, с которого, пролетая мимо, приветливо махал рукой старый знакомый «Рахмут».

– Рахмут! Эге-гей, Рахмут! – замахал королевич. – Назад! Назад поворачивай, Рахмут!

– Нэ за чо! Нэ за чо, палаван-боходор! Нэ нада рахмут! – засмутился в корзине воздухоплаватель. – Давай, друбжан, покеда!

Шар с пресловутым «Рахмутом» пролетел мимо, не причинив следа попыту добра, и, ведомый могучим ветром, поплыл дальше над весьма не густонаселённой, а если честно – безжизненной местностью. А этого королевич допустить не мог.

Взбравшись на Искалибура, Полисей вонзил изнемогавшей лошади шпоры в исхудалые бока и помчался за удаляющимся воздухоплавателем.

– Рахмут! Рахмут, братишка! Обожди! – кричал он на скаку, привлекая внимание «тюрбана».

Странный боходор, подумал воздухоплаватель, услышав взволнованные крики догонявшего его рыцаря, сколько дней прошло, а он всё ещё благодарит за помощь. Наверное, очень воспитанный человек. Только почему он в Пустыне Смерти шатается (как обычно, в прямом и переносном), не совсем понятно.

– Рахмут, я таксу знаю! Зна-ю! Так-су! – отпустив поводья и сложив руки рупором, проинформировал его королевич. – Плачу два счётчика! Только отвези по нужному адресу!

Конечно же, Полисей немного лукавил, денег у него уже не осталось, а вот коварства заметно прибавилось. В его укрытой шлемом голове созрел план захвата и угона летающего судна, и пусть это пахло терроризмом, а местами даже и экстремистским сепаратизмом, но другого выхода следопыт не видел.

– Канэчно, дарагуй! Какой пустяка! Отвезю куды нады! – почувяв невыносимо приятный запах золота, засуетился в гондоле «Рахмут». Бедняга знал, что жёлтый металл и кровь имеют одинаковое амбре, но почему-то не придал этому факту значения, а поспешил навстречу неизбежности.

Первым делом он, чуть не прибив рыцаря, выкинул из корзины якорь, который, волочась по земле, затормозил и остановил полёт воздушного шара. После спустил верёвочную лестницу, по которой сразу с лошади Полисей взобрался в корзину и, надрываясь, затащил верного Искалибура следом.

– Вах, какой нэважный вид! Гиде у тебе балит? – посмотрел в осунувшееся обветренное лицо королевича воздухоплаватель, впрочем, быстренько переведя тему в другое русло. – Ми паедет куды скажущь, как бакшиш мине покажущь.

Королевич непонимающе смотрел на «Рахмута».

– Бакшиша! Бакшиша! Такса! – потёр «тюрбан» большим и указательным пальцами друг о дружку. – Крюдитаспасубность покажи, палаван-боходор, и полетюли.

Сообразив, о чём талдычит водитель шара, Полисей понимающе кивнул.

– Значит, бакшиш, говоришь?

– Та, та, бакшиш!

– А вот тебе – шиш! – сунул королевич «тюрбану» дулю в нос. – Я по твоей милости уже больше недели здесь с обезвоженным организмом и конём плутаю! Это из-за тебя меня у стен того самого города-сарая чуть не уколошили! Короче, так! Я объявляю о захвате судна и тебя вместе с ним в заложники, пока не доставите меня в родные пенаты!

– Не нада мне пината! – взмолился обескураженный захватом «тюрбан». – И рукама бита не нада! Тавай, ладна, тебя как друбану, за полце-на давези будю.

Королевич расчехлил свой меч с засохшей кровью пустынного дракона и аккуратно взял свободной рукой «Рахмута» за шкирку.

– Не беси меня, Рахмут! – «попросил» он своего заложника. – Я буквально полчаса назад отрезал ухо дремавшему дракону, – показал он на трофей, болтавшийся на груди, – и тебе запросто всё лишнее поотрубаю, коли возмущаться будешь.

– Поняла я, поняла, моя гопстопдина, – практически без акцента ответил воздухоплаватель. – Пазвалите отщаливать?!

– Свистай всех наверх! – отпустил «Рахмута» королевич, удостоверившись, что тот понял всё предельно ясно. – Держи курс на западо-заход!

– Так тошно! – отрапортовал «тюрбан», снялся с якоря и запыхтел своим самоваром, набирая скорость курсом строго на западо-заход.

– Кстати, и водички дай, если есть, – стряхнув с себя последние признаки агрессии, обратился к заложнику Полисей. Увидев, как дрожит от страха «Рахмут», королевич попытался взбодрить его. – Эй! Да не убивайся ты так! Доставишь меня в нужное место, верну судно и разрешу убираться восвояси.

– Нэт! Тока не эта! – бухнулся заложник своего слабого языкознания на колени перед Полисеем. – Нэ убиву, Вайся, мэня! Нэ свэрнуй мне шей и не разреживай мэня, Вась, по пояси!

Поняв, что «Рахмут» толком ничего так и не понял, королевич не стал того ободрять (пускай, если на то пошло, боится, сговорчивее будет) и ещё раз повторил просьбу насчёт воды.

– Сэйчас, боходор, сэйчас, – услужливо поклонился «тюрбан» и, не вставая с колен, отполз в угол корзины, где у него лежали скрытые под хламом припасы. – Вот табе вада! – протянул он Полисею коржун с прохладной жидкостью и показал пантомиму «пьющего мальчика». – На, певай вада, многа-многа.

Искалибур недовольно заржал и потянулся копытом к воде.

– После меня, Искалибур! – прикрикнул на лошадь Полисей, приняв сосуд, откупорил его и, сделав несколько глотков, обернулся к заложнику. – Слышь, привкус какой-то у неё странный и оскома на зубах. Она не протухла у тебя здесь?

– Нэт, пей, пей, боходор, на здоровья! – расплылся в подозрительной ухмылке «Рахмут», но королевич обратил на ухмылку ровно ноль внимания и вновь приложился к коржуну.

– В самом деле, не пойму, – сказал в очередной раз, оторвавшись от «горла» королевич. – Я как тот вежливый лось в притче «пью, пью, а мне всё хуже и хуже». Даже голова закружилась, как от виски.

– Правую! – уже в полный голос засмеялся «Рахмут». – Эта же вада из мётрвого мория! Иё пить не карашо, иё ранка заживлять нада. Ти теперь умирёша, боходор!

Почувствовав моментальное ухудшение самочувствия и сопоставив его с труднопонимаемой речью «Рахмута», королевич пришёл в ярость и, вновь оголив свой меч, принялся из самых уже наипоследнейших сил гоняться за заложником по корзине.

Догадавшись, что в виду последних событий он может и не пережить рыцаря, «тюрбан», едва увернувшись от меча боходора, решил по собственной воле покинуть воздушное судно (а не в качестве метательного снаряда взбесившегося палавана) и храбро выпрыгнул из корзины на полном ходу с огромной высоты.

Крикнув: «Питясот адын!», он дёрнул за кольцо на тюрбане. Обмотанное вокруг головы полотнище развернулось в пускай и примитивный, а парашют.

Ловко управляясь с «парашютом», «Рахмут» начал парить в воздухе, медленно опускаясь на землю, а королевич, прокричав ему в след массу многоэтажных неологизмов, замертво повалился на пол корзины.

Одиноким боевой конь Искалибур, обнюхав безвременно усопшего хозяина, с горя протяжно заржал, а потом, откинув в сторону всякие стереотипы и предрассудки, ещё и завыл на белое солнце пустыни.

Воздушный же шар, теперича никем не управляемый, помчался по воле ветра курсом не на «западо-заход», а совсем даже в другую сторону.

Сойдя на берег с весьма потрёпанного дракара с нелепым названием «ОБЕД», мореходы первым делом по привычке огляделись и увидели следующую картину: пред ними раскинулась пустынная, словно обильно припорошенная перхотью голова академика любых наук, снежная равнина вечно холодной Аркфрики.

– При-при-припёрлись! – выдохнул Сероволк, изумлённо разглядывая царство вечного снега, льда и мерзлоты, хотя ничего они ещё и не «припёрлись» (им переть-то ещё от заката до рассвета, а северные, пускай и «белые» ночи, не в пример юго-восточным ночам, длинные, как шея аркфриканского пингвиуса).

Постояли богатыри, потоптались на месте, собираясь с духом, и так как на этой стороне великого моря не было ни стражников, ни шлагбаумов, оглянувшись напоследок на вмерзающий в лёд дракар, они решительно вступили в белое хрустящее безмолвие вечности.

На третий день путешествия по заснеженным пустыням Аркфрики герои-богатыри продолжали упрямо двигаться в направлении своей цели. Стоял бодрящий мороз и мела пурга, уменьшая дальность прямой видимости метров где-то до восьмидесяти пяти-девяносто семи, но, несмотря ни на что, они шли вперёд.

– Мы в этой пурге, как ёжики в тумане, – сказал цыган, уверенно загребая по снежным барханам.

– В этой стерильной «морозилке» и глазу зацепиться не за что, – добавил Царевич и почти сразу «зацепил» что-то глазом. – Хотя вон там, слева по курсу, чернеет что-то одиноко.

– Похоже на парус! – приложив руку ко лбу, рассмотрел более зоркий Сероволк колышущееся на ветру полотнище.

– Странно! Откуда здесь парус? – тоже разглядел на белом фоне отчётливо видный большой кусок материи Царевич.

– Тайну откроет шарлотка, – произнёс бессмысленную хипплиерскую присказку Василевс Премудрый. – Пойдёмте, посмотрим, что это за парусник.

Смело направившись к находке, колдун увлёк за собой и товарищей.

– Это что за ерундовина? – обойдя вокруг непонятного сферического «паруса», наполовину надутого ветром, цыган остановился возле спутников.

– Это воздушный шар! – объяснил Премудрый. – Воздухоплавательное средство передвижения. Работает по экзотерическим законам физики. Принцип работы гениально прост: пар или тёплый воздух из аппарата в грузопассажирской гондоле поступает в шар, отчего конструкция поднимается вверх. Рулевой пропеллер ручного либо ножного привода позволяет управлять полётом. Интересно, как он здесь очутился и кто его сюда перегнал?

– Чего гадать, давайте найдём гондолу и тогда, может быть, узнаем что-то более конкретное, – предложил Иван Царевич и первым ухватился за полотнище шара.

Втроём с присоединившимися к нему поделщиками они в два счёта оттащили плотную материю в сторону и обнаружили вместительную перевернутую корзину, до половины занесённую снегом.

– В такой гондоле можно по несколько лошадей за раз перевозить, – переворачивая с товарищами корзину, в своём конокрадском репертуаре подивился её размерами цыган. – Ни фигя себе! – опять удивился он, когда уже поставили гондолу на бок. – Здесь уже есть целая лошадь и под ней ещё какой-то замороженный чувак распластался.

– Вот вам и воздухоплаватели, – абсолютно точно определил последних обитателей корзины Василевс. – Что может быть страшнее, чем неизвестная смерть среди айсбергов.

Менее сентиментальный Сероволк деловито огляделся, упёрся в окончевший труп коня и, поднапрягшись, вытащил из-под него человека.

– Ох ты! Это, оказывается, ещё и сарацин! – перевернул цыган мертвеца на спину. – Занесло же!

– Да нет, посмотри на черты лица, он не сарацин, скорее он евландеец, просто долго пробыл в жарких широтах, – распознал Василевс в загорелой физиономии трупа его расовую принадлежность.

– Там на папины деньги он гулял, веселился бездумно, – пропел цыган, перевернув человека на живот, чтобы расстегнуть блестящую кирасу с надписью «Убил дракона – сохранил деревню».

– Яша! – скривился Царевич, разгадав мародёрские намерения цыгана.

– А что Яша! Он труп, ему всё по барабану, а мне «броник» ещё пригодится, – ответил Сероволк.

– Ничего, ничего, надевай и носи на здоровье, – посоветовал колдун. – Только, смею предупредить, дурная это примета, с мертвеца причиндалы донашивать. Такая амуниция беду навлечёт, как пить дать, навлечёт.

После такого напоминания Яков решительно отказался от кирасы, но не преминул профессионально обшарить карманы мертвеца и выудил на белый свет потрёпанную колоду карт.

– Гляньте, братва, «сарацин» ещё и картёжник! – развернул цыган веером колоду, в которой все «картинки», за исключением трёх валетов, сильно смахивающих на богатырскую троицу, были перечёркнуты красной чертой, и никто не придавал этому факту значения. – Такое впечатление, что они ему для каких-то других игр нужны. Может, в «дурака» перекинемся?

– Хватит ёрничать, Яша, при мертвецах. Ладно, человека в расчёт не берёшь, над прахом лошади хоть бы не глумился, – пристыдил Премудрый цыгана.

И тут случилось первое чудо: «прах лошади» открыл глаза и слабо заржал. Моментажно забыв про «жмурика», Сероволк переступил через него и опустился на колени рядом с очнувшимся от морозной спячки жеребцом.

– Братцы, гляньте, жеребчик ожил! – обняв за шею коня, радостно завопил Сероволк. – Надо развести костёр, обогреть, пока он бронхит или менингит не схлопотал.

Колдун с Царевичем спешно принялись за дело.

Спустя полчаса под перевёрнутой гондолой, укрытой сверху полотнищем воздушного шара, уютно трещал костёр, а вокруг этого, с позволения сказать, очага кружком сидели Царевич, Премудрый, оправившийся от обморожения Искалибур (а как мы с вами прозорливо догадались, это был именно он), и, верхом на закоченевшем королевиче, Яков Сероволк. Лошадь изредка лизала заледеневшее лицо хозяина и, вздымая голову кверху, протяжно ржала.

– Может, он жрать хочет? – высказал предположение цыган, когда Искалибур в очередной раз прошёлся шершавым языком по ледяной рыцарской щеке.

– Идиот! Хватит уже! Не видишь, конь по хозяину скорбит, – накинул ся на цыгана Василевс, так надоели ему неуместные шуточки конокрада.

Иван с теплотой посмотрел на Искалибура.

– Вот кто бы мог подумать. Скотина, а такая преданная, – погладил он лошадь по роскошной гриве, в которой, словно самоцветы, ещё блестели в бликах костра прозрачные льдинки.

– Тогда чего мы тормозим, – вдруг став серьёзным, произнёс цыган. – Давайте попробуем оживить её хозяина! У нас же есть презент Аликантропии – живая вода из заветного озера. Я думаю, случай подходящий. Заодно проверим на нём, есть ли побочные эффекты у напитка.

Товарищи, уже напрочь забывшие про диковинную жидкость, булькавшую где-то на дне колдуновской походной сумы, заметно приободрились.

– А что, чем чёрт не шутит! – молодецки ударил тростью по мертвецу Василевс, и с начавшего скоропостижно оттаивать рыцаря потекли весёлые ручейки.

– Ты что, мог так и жеребца «разморозить»? – собрался уже закатить скандал Сероволк, полчаса своим телом с одной стороны и костром с другой отогревавший Искалибура.

– Ни в коем случае! – ответил колдун. – Живое согревают только живым, а колдовством можно только «мясо» разморозить. Принцип «магической микроволновки»!

– А-а, ну тады ой! – успокоился цыган и стал подтягивать свежерозмороженное тело поближе к костру.

Царевич перебрался к Сероволку на подмогу, и тут его руку вновь прошила боль, как от термического ожога.

– Какого... – дёрнув рукой, Иван собрался было выдать замысловатый каламбур, но осёкся: на кольце отчётливо высветилась надпись «Не советую».

– Может, не стоит? – послушался совета кольца Царевич. – Вдруг в зомби его превратим? Потом бегай по этой снежной обители зла, доказывай ему, что несъедобен.

– Не дрейфь, Ваня! – уверенно ответил Василевс, откупоривая бутылку с живой водой. – Лошадь чувствует хорошего человека, да и наш оборотень, смотри как старается, тоже ничего плохого не чувствует, а у него чутьё на такие жуткие вещи, бабушка не горюй.

– Эх, ладно! Будь по-вашему! – «угovorился» Царевич и, покосившись на потемневшее кольцо, принял активное участие в таинстве оживления.

Приготовив обогретое у «живого» источника тепла тело, Сероволк и Царевич с трудом раздвинули мертвецу челюсти, а Василевс Премудрый, для вящего эффекта бормотавший подходящее случаю заклинание, влил ему в горло полбутылки живой воды.

– Теперь подождём, пока подействует, – откинулся на стенку корзины Василевс и погрузился в медитацию.

– Подождём! – сказал цыган и, прислонившись к задремавшему в тепле Искалибуру, тоже вскоре погрузился в сон.

Только наслаждающийся бессонницей Иван остался на боевом посту внимательно наблюдать за подозрительным «жмуриком».

И он его не прозевал!

Спустя где-то час-полтора мертвец внезапно выгнулся и закашлялся. Достав на всякий случай молоток, Иван поспешил разбудить зачинщиков последнего ритуала.

– Ахмут, я тебя ую! Я сех ас ую в ом Апчи-саае! Ахмут, пылец! – приходя в сознание, забормотал, проглатывая буквы в словах, оживший мертвец.

– Что он сказал? – взяв молот двумя руками, спросил решительно настроенный Царевич.

– Спасибо, я тебя убью! – «перевёл» Премудрый послание из потустороннего мира. – Я всех вас убью, в этом, тут он, видимо, просто чихнул, сарае. Спасибо, подлец!

– Это он нам? – рассердился цыган на неблагодарного мертвеца. – Я его сейчас сам в исходное состояние, ножом по горлу...

– Не кипятись! – осадил «легковоспламеняющегося» Яшку колдун. – Это у него последние минуты жизни в памяти всплывают, а если память возвращается, значит, нормалёк, он не манкурт.

– Кто?

– Не манкурт. Манкурт, по-восточному, зомби. По всей видимости, этот путешественник военно-воздушный дилетант. Ничего, сейчас узнаем, кто он и откуда.

Словно только и ожидая этих слов, оживший рыцарь открыл глаза и рывком перешёл из лежачего положения в положение сидя. Искалибур, увидев живого хозяина, радостно заржал и полез к тому лобызаться. Рыцарь нежно обнял жеребца и... захлопал носом. От такой трогательной картины и нахлынувших чувств богатыри украдкой смахнули скупые мужские слёзы (даже не слёзы, так, слезиночки) и умилённо уставились на сладкую парочку – боевого коня и его с виду не менее боевого ожившего хозяина.

Оторвавшись от соскучившегося коня, королевич Полисей, проведя милый ему сердцу опрос присутствовавших «свидетелей» и поблагодарив своих нежданно-негаданных спасителей, по их убедительной просьбе повёл речь про свою необыкновенную историю путешествия с присказки: «Трепал мне кудри ветер высоты и целовали облака – слегка». После чего поведал о «гостеприимном» городе-сарае, призраках пустыни, не пригложившемся ухе пустынного дракона, коварном воздухоплателе, опоившем его мёртвой водой из мёртвого же моря, и даже продемонстрировал остатки смертоносного напитка, сохранившиеся в том самом коржуне, который Василевс сразу же безвозмездно экспроприировал в свою пользу во избежание случайных недоразумений летаргического характера. Затем ещё припомнил о встрече с несчастным морским монстром, которого он бросил в колодец, находившийся под головой атланта. На этом месте его рассказ был прерван радостным криком цыгана, с неприсущей ему сентиментальностью облапавшего «братана» рыцаря в знак благодарности и рассказавшего в свою очередь, как им пригложилось в море альтруистическое воспитание королевича. Приняв также благодарности от Василевса и Царевича, королевич продолжил рассказ о своих злоключениях. Правда, в своём рассказе рыцарь опустил истинную причину своего круиза, так как,

возвратившись в сознание прямиком из мест столь отдалённых, что оттуда, говорят, путь обычно «заказан», он сразу опознал в своих спасителях тех самых мошенников-богатырей, которых ему «заказал» государь отправить в те места, откуда, повторюсь, обратный путь обычно «заказан», и решил до поры до времени не раскрывать свои карты.

– Кстати, а вы карты мои не видели? – спросил он, не обнаружив свою, как он ласково называл, «колоду заслуг и достижений». Боялся, что раскусят богатыри или, как минимум, начнут задавать «квадратные» вопросы типа: «А чо за карты?», «А чо зачёркнуты?», «А чо эти, незачёркнутые, на нас так сильно смахивают?» и в том же духе.

– Мы картами костёр развели, – честно, без задней мысли и намёка на подозрение, признался цыган. – А что такое?

– Да нет, ничего, – перевёл дух королевич. – Хотел на досуге предложить в «дурака» перекинуться.

– Я же говорил, свой мужик, до костного мозга свой! – окончательно убедился в «своевдоскусти» нового знакомого Сероволк и хлопнул Полисея по плечу. – Вот вызволим нашу царицу-матушку, тогда и сыграем с тобой в «дурака»-батюшку на вылет.

– Там видно будет, может, и сыграем, – без особого оптимизма переглянулся с Искалибуром королевич, – на вылет!

Видели боги Валгалии, не желал Полисей «игры на вылет», да ведь слово чести царю Владибору давал, что порешит «мошенников», которые стали его нечаянными спасителями и пришлось рыцарю ко двору его широкой благородной души. А с таким внутренним конфликтом между долгом чести и сердечной благодарностью, как известно, недолго и свихнуться.

Эх, хоть обратно не возвращайся, сокрушённо подумал королевич и посмотрел в чересчур умные глаза Искалибура, единственного из существ, понимавшего его душевные терзания без слов.

Окончание в следующем номере.

Михаил ЮСИН

Эпиграммы

(У телевизора)

1.

Дело в шляпе

Михаилу Боярскому

О, ты герой! И нет в тебе изъяна!
Но как-то грустно стало, между тем:
Зачем сменил ты шляпу д'Артаньяна
На шляпу Фредди Крюгера, зачем?!

2.

У телевизора мне скучно,
У телевизора мне тошно:
По первому каналу — Ксюша,
А по девятому* — Маргоша...

3.

Игра окончена

Пропало всё —
Кино, музЫка...
Ужель окончена игра?!
Беснуются и воют дико
Глюкоза, Зверев и ШурА...

4.

Скучно, господа

Искусство, чувства —
Всё размыто!
И что в остатке, господа?!
Одна фальшивая Лолита?
Один поддельный Джигурда?

*9-й — популярный русскоязычный канал израильского ТВ.

5.

Шедевр: «Таисия Повалий», преysкурaнт №

О, это дивa, фея, жрица!
А фopцелaн, a полимер?!
О, эти зубы и ресницы —
Технологический шедевр!

6.

Пахмутова и Добронравов

Их песни словно хлеб насущный,
И от людей до малых сих —
Животных Беловежской Пути
Все просто обожают их!

7.

Про одного корнета

Корнет имел дичайший норов,
Был в возбуждении незряч...
И был он вспыльчив, как Киркоров*,
Несдержан, буен и горяч!..

8.

Валерий Леонтьев

Чрезмерен он? Нет, вы не правы...
Хотя — лохмотья, балахон?..
И плащ как будто бы кровавый...
Эстрадный дьявол! Вот кто он!

9.

Новой Надежде Бабкиной

Помолодела, заблистала,
А рядом — новый кавалер...
Сама — из новых материалов —
Капрон, нейлон и полимер...

*Наверно стоит подумать о введении в язык новорусской поговорки:
«Вспыльчив, как Киркоров»...

10.

Диагноз: Джигурда!

Опять «звезда»... средь бела дня, —
Зачем бузит? зачем орёт?
Смотрите, люди, на меня,
Я — маскультурный идиот!

11.

Алла

Мне судьбы мира не важны нисколько!
Но я не сплю, не радуюсь, не ем...
Одна лишь дума у меня: «А что там Алла?
И где она, и как она, и с кем?!»

12.

Шум ли гром, — трясёт первоосновы,
Пробудилась, разгулялась Русь!
Пятый брак справляют Пугачёвой,
Ну и я, наверное, напьюсь...

13.

Маэстро Кобзону

Повсюду принят и включён —
У всех в друзьях, в любых реестрах,
Он музыкальный — Дон Кобзон,
Большой Кобзон и Гранд-Маэстро!

Израиль.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 04.05.2012 г.

Подписано к печати 06.06.2012 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч. - изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 2709.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.